

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

ПОМПЕИ: СГИНУВШИЙ ГОРОД

ПОМПЕИ: СГИНУВШИЙ ГОРОД

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОМПЕИ: СГИНУВШИЙ ГОРОД

ПОМПЕИ: СГИНУВШИЙ ГОРОД

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 931
ББК 63.3(0)3
П55

Перевод с английского
Т. АЗАРКОВИЧ

Помпеи: сгинувший город / Пер. с англ. Т. Азаркович. —
П55 М.: ТЕРРА, 1997. — 168 с.: ил. — (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»).

ISBN 5-300-01008-1

Благодаря удивительному состоянию, в котором сохранились трагически погибшие при извержении Везувия Помпеи и Геркуланум, археологи смогли воссоздать быт их жителей и обстоятельства гибели в мельчайших подробностях. В книге рассказывается, как восстанавливалась история двух римских городов.

УДК 931
ББК 63.3(0)3

ПОМПЕИ: СГИНУВШИЙ ГОРОД

Редактор *В. Буряков*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *В. Антонова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 14.02.97 г. Уч.-изд. л. 23,53.
Цена 52 000 р. Цена для членов клуба 45 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет». 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская, 21.

ISBN 5-300-01008-1

Authorized Russian edition © 1997 Publishing Center «TERRA».
Original edition © 1992 Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form, by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval devices or systems, without prior written permission from the publisher, except that brief passages may be quoted for review.

Time-Life Books is a trademark of Time Warner Inc.

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**КОГДА ТЬМА НАВАЛИЛАСЬ
НА ЗЕМЛЮ**

9

ЭССЕ: Смертный час 35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
**СКВОЗЬ ВЕКА,
ШУМ ЖИЗНИ**

45

ЭССЕ: Бог на каждом углу 71

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОМПЕЯНЕ У СЕБЯ ДОМА

85

ЭССЕ: Дома, поднятые из пепла 111

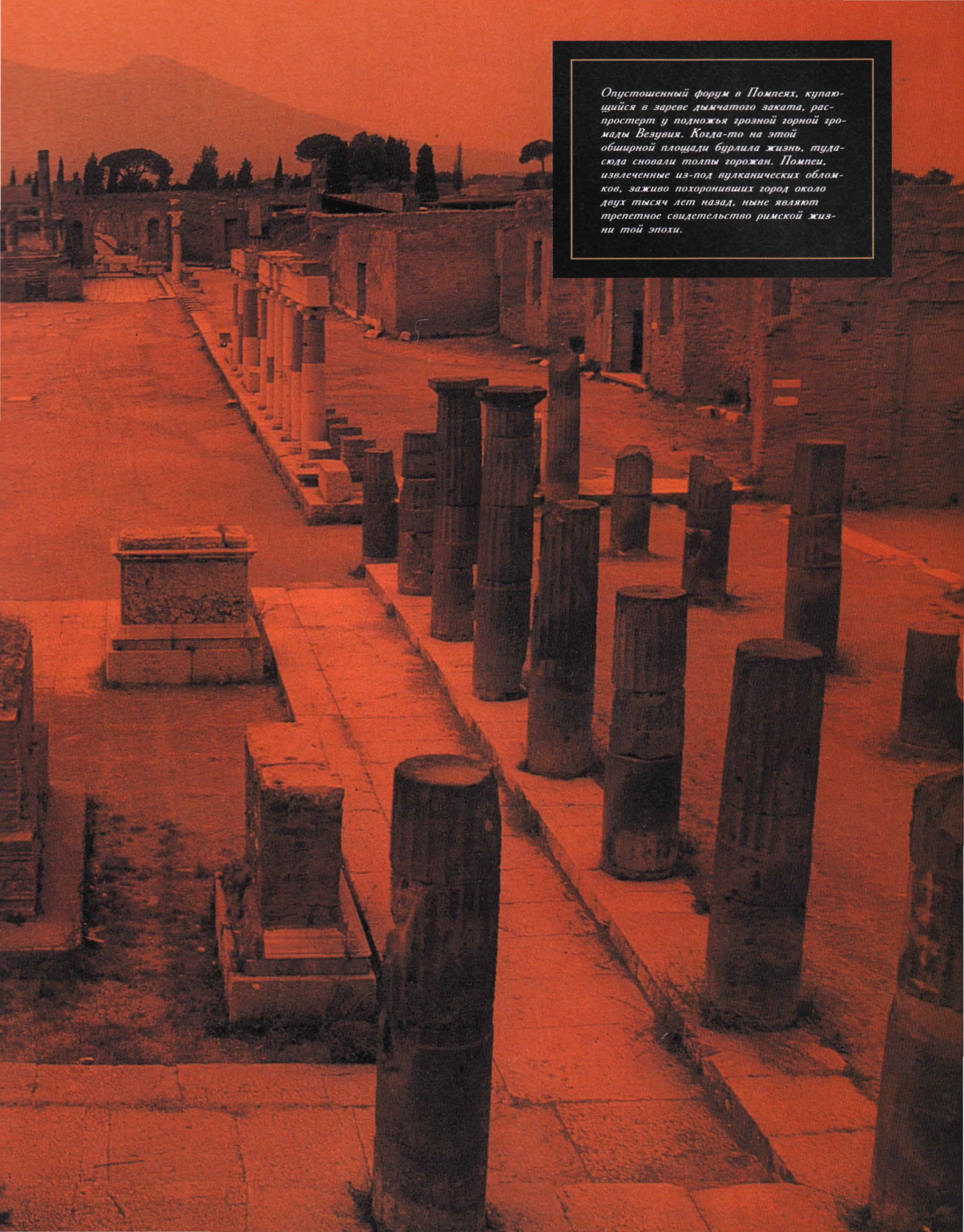
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
**ЧУДЕСА И ТАЙНЫ
ГЕРКУЛАНУМА**

125

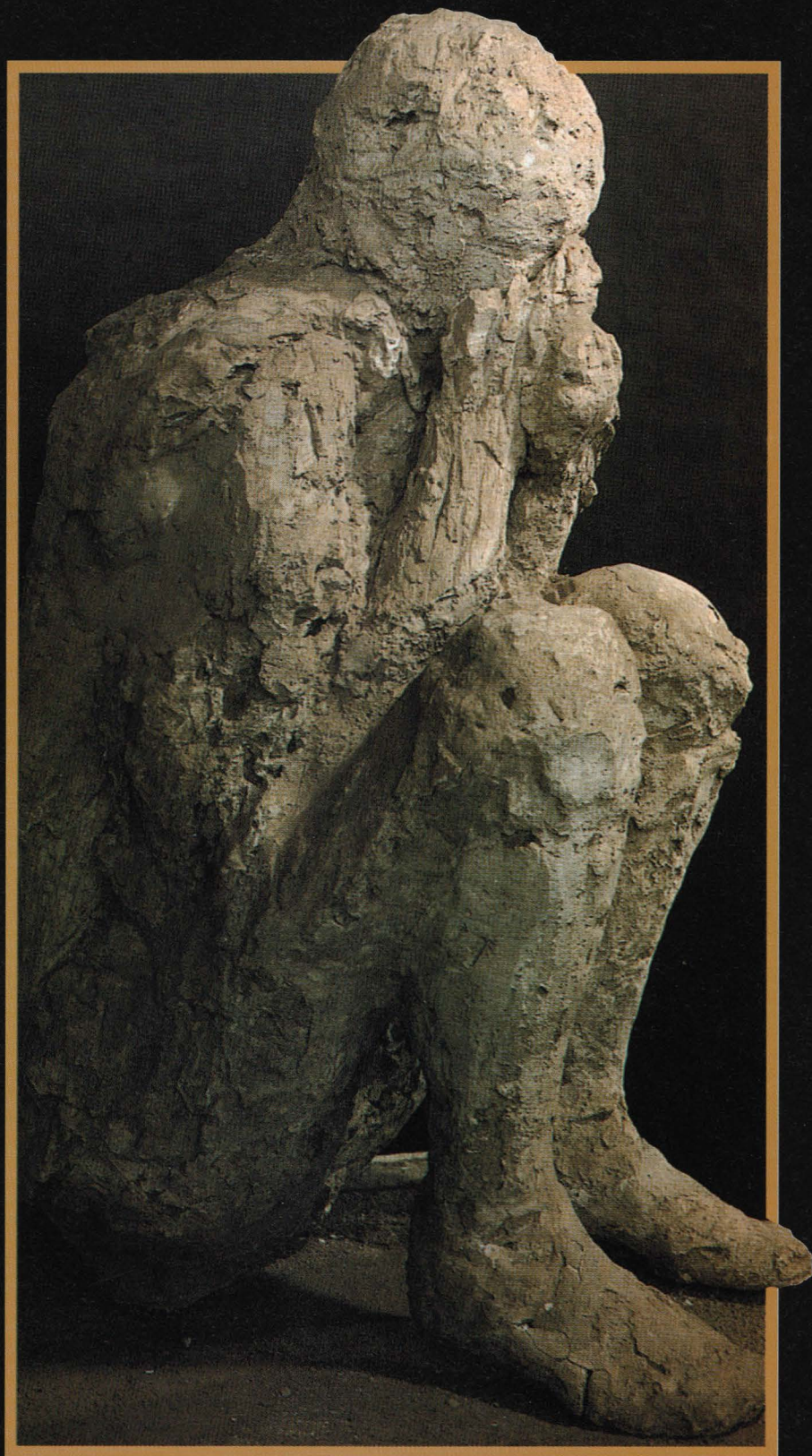
ЭССЕ: Зоркая любовь к природе 151

Хронология	160
Благодарности	162
Иллюстрации	162
Библиография	163
Указатель	165
Примечания	168

Опустошенный форум в Помпеях, купающийся в зареве дымящего заката, простерт у подножья грозной горной громады Везувия. Когда-то на этой обширной площади бурлила жизнь, туда сюда сновали толпы горожан. Помпеи, извлеченные из-под вулканических обломков, заживо похоронивших город около двух тысяч лет назад, ныне являют трепетное свидетельство римской жизни той эпохи.

КОГДА ТЬМА НАВАЛИЛАСЬ НА ЗЕМЛЮ

В конце августа 1991 года древнеримский город Помпеи, уже давно являвшийся одним из славнейших археологических чудес света, позволил с новой стороны взглянуть на катастрофу, постигшую его более 1900 лет тому назад. Археологи, которым выпало это открытие, не искали намеренно дополнительных подробностей тех трагических часов 24 и 25 августа 79 г. н. э., когда на Помпеи обрушилась вулканическая лава соседней горы Везувия. Археологи собирались приступить к реставрации: итальянское правительство выделило 23 миллиона долларов, чтобы они могли очистить от вулканического балласта — лапили — до сих пор не раскопанные городские кварталы Помпей и реставрировать погребенные дома. Но, начав удалять каменный мусор, они наткнулись на толстый слой затвердевшего пепла, и поиски археологов тут же приняли новый оборот.

Пепел в Помпеях стал археологической благодатью, чудом сохранившей в неприкосновенности все, что погибло под его толщей. В последних фазах извержения пепел обволок множество жертв, а затем затвердел, так что впоследствии, когда плоть разлагалась, внутри оставалась полость, в точности повторявшая очертания тела. И благодаря этим полостям-“формам” (впервые их обнаружили в 1860-е годы) специалисты смогли отлить в гипсе множество поразительно жизнеподобных слепков — целую портретную галерею несчастных жителей Помпей. И вот, в 1991 г., археологи подумали, что вновь найденная толща пепла, возможно, сулит новые находки подобного рода. Такую возможность не следовало упускать.

Этот помпейский погонщик мулов, скорчившийся и задыхающийся от нехватки воздуха, воплощает застывшее время: 25 августа 79 г. н. э. Под градом вулканических осколков, полностью засыпавших город, с веками осталась густая пустота, принявшая форму его тела, и археологи сделали этот мрачный гипсовый слепок, навсегда запечатлевший последний миг его жизни.

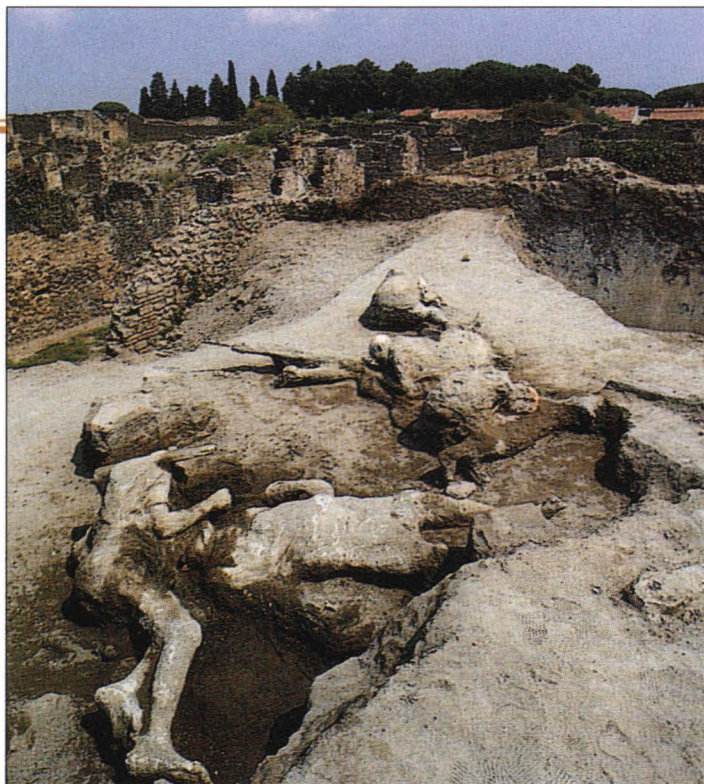
Применив недавно изобретенную технику, не дающую слепкам сжиматься при затвердении, рабочие влили вязкую смесь цемента и боксита в отверстия и трещины среди твердого пепла, которые выглядели наиболее “подозрительно”. Выждав несколько недель, пока раствор не засохнет, они начали расчищать пепел, чтобы увидеть скрытые в нем тайны. И их глазам предстало зловещее зрелище: слепки девятирех людей, застигнутых смертным ужасом.

Что именно произошло с этими людьми, не вызывало сомнений. Вначале они сидели, съежившись, на полу, пока на город сыпались камни — оседаая на крышах, забивая снизу доверху улицы, врываясь внутрь домов через любую дверь или окно, которые не в силах были устоять перед напором. Постепенно лапилли заполнили помещение, образовав груды в восемь футов высотой. Люди, взобравшись наверх этой кучи, ждали, пока не прекратится страшный камнепад. Наконец он прекратился. Должно быть, со стоном облегчения, они решили, что беда миновала, и они спасены. Но вдруг, словно само тлетворное дыхание смерти, на город налетело горячее облако пепла и газа. Обезумев от страха, ловя ртом воздух, люди бросились к дверям. Но тщетно: ядовитые испарения убили их, прежде чем они ступили несколько шагов.

И вот, под августовским солнцем чужого века, эта жуткая картина предстала во всей своей наготe, а слепки придавали ей почти фотографическую документальность. Жертвы — мужчины, женщины, двое детей — лежали распростертыми на этом каменном ложе смерти, кто-то лицом вниз, кто-то на спине. Один опирался на локоть, пытаясь приподнять голову; другой свернулся наподобие зародыша; третий что-то показывал жестом товарищу по беде. Среди жертв была беременная женщина. Видимо, человек рядом с ней был ее мужем. Краем своей одежды он пытался заслонить ее от раскаленного пепла: на ее лице так и остался отпечаток ткани.

Для раскопок в Помпеях, это было знакомое — правда, от этого ничуть не менее жуткое — зрелище. Сегодня Помпеи представляют собой некрополь — город мертвых, — как и Геркуланум, меньший по размерам городок, лежащий менее чем в десяти милях к северо-западу, также уничтоженный Везувием. Кроме того, “карающая длань” вулкана пала и на многочисленные сельские виллы в округе — от угодий в Боскореале, на горных склонах у подножья, принадлежавших богачам, до прибрежных поселков Оплонта и Стабий.

Эти поселения вокруг Неаполитанского залива, до которых от Рима было всего несколько дней езды, отнюдь не были какой-нибудь глушью. Помпеи могли похвастаться двадцатью тысячами жителей, Геркуланум же — тихий пригород большого Неаполиса (современный Неаполь), лежавший милях в трех-четыреx к северу, — имел более скромное население — наверное, около пяти тысяч человек. Но в действительности эти места обрели в глазах истории такую уникаль-

В 1991 г. рабочие, раскапывавшие одно из зданий в Помпеях, обнаружили эту группу людей — мужчин, женщин и детей (ныне они сохранены в виде слепков, выполненных археологами), — умерших в те минуты, когда с горы Везувий сюда принесли ядовитые газы. На переднем плане видно, как мужчина тщетно пытается загородить лицо женщины, которая находилась тогда на седьмом месяце беременности.

ность и превратились в настоящее археологическое чудо благодаря той внезапности, с которой они оказались выхвачены из царства живых. Словно в порыве мгновенной ярости, вулкан обрушил на них бесчисленные тонны камней и пепла: Помпеи оказались погребены под этими выбросами на глубине 25 футов, а в Геркулануме толщина твердой вулканической породы, сокрывшей все живое, в иных местах достигает 65 футов.

Так, словно “запечатав” герметично всю эту местность, Везувий, по сути, остановил время. Ведь еще в тот самый день, в городах бурлила жизнь, в домах кипели хозяйственные дела, на улицах сновали люди, звучала речь, в харчевнях и банях служители весело угождали посетителям, знавшим толк в развлечениях. Но один удар — и все это сгинуло: жизнь угасла, а дома, улицы и различные сложные постройки — приметы

процветающего общества — исчезли с лица земли.

Открытие Помпей и развалин других поселений поблизости стало одним из величайших событий в археологии. Подземные могилы заживо погребенных людей и жилищ не только поведали о необычайном бедствии, но и воссоздали подробнейшую и всеохватную картину жизни классической эпохи. Сохранившаяся живопись и мозаика по-новому осветили некоторые ценности, верования и повседневные обычаи, царившие в древнеримской культуре. Граффити и воззвания на помпейских стенах позволяют проследить за политическими перестановками тех лет. Видны и приметы прерванной работы в пекарнях, кожевенных мастерских и шерстобойнях. В садах до сих пор опознаваемы растения. Найдена и пища, которую ели люди. Руины не сокрыли даже столь деликатных подробностей, как сексуальные пристрастия иных помпеян. (Как сказал один из ученых, исследовавших Геркуланум, никто из жертв вулкана не успел “нацепить лживую личину, навести порядок в комнатах, обычно неприбранных, или убрать картины и статуи, чтобы не оскорбить наше пуританское чувство приличий”). Помпеям и Геркулануму выпала участь изъясняться с будущим языком непревзойденной ясности, — но участь эта была предрешена их страшным концом.

Помпеи и их меньшие соседи, закончившие существование столь страшным образом, вначале обещали блестящее будущее. Редкую местность природа одарила столь же щедро, что Неаполитанский залив. Хорошо орошаемая прибрежная равнина, удобренная минералами вулканического пепла, — одна из плодороднейших областей Аппенин-

ского полуострова, приносящая по три урожая в год или даже чаще. Климат здесь мягкий, зима короткая, весна и осень долгие, а лето — умеренное благодаря морским бризам. Залив предоставляет удобное пристанище для кораблей, приносит прекрасный улов рыбакам. Сами Помпеи располагались к югу от Везувия, в полумиле от берегов реки Сарн¹, которая служила важнейшим судоходным путем в глубь суши.

Первыми обитателями этого региона, о ком нам что-либо известно, была италийская племенная группа, говорившая на оскском языке. Они разводили скот, возделывали землю, и к началу первого тысячелетия до н.э. заселили всю область. Приблизительно в VII веке до н.э. здесь появились пришельцы. Греки, народ неугомонный, осваивали в ту эпоху все побережья Средиземного и Черного морей, и этот уголок земли пришелся им весьма по душе. Именно они основали Неаполь (*Неаполис* — “Новый Город”). Неаполь, укоренившись на месте более древнего поселения, стал торговым центром всей области. Греки оставили по себе память и в городах поменьше, что выросли у лукоморья Неаполитанского залива, в том числе в Помпеях. Через двести лет греки уступили политическое могущество самнитам — объединению воинственных кланов, населявших холмистую внутреннюю часть полуострова. Затем, в последние годы IV века до н.э., самнитов разгромил напористый и хорошо организованный народ из быстро разраставшегося города-государства на севере, и наступила эпоха римского владычества.

В течение следующих двух веков Помпеи выросли в семь раз по сравнению со своей площадью во времена греков (с 23 до 160 акров), превратившись в полноценный город, а стены вокруг него протянулись почти на две мили. Граждане Помпей славились спесью и задиристым характером, с крайней неохотой склоняясь под римской властью. В 91 г. до н. э. Помпеи и Геркуланум примкнули к охватившему весь полуостров мятежу, который в области Везувия подавил Луций Корнелий Сулла — полководец, позже ставший римским диктатором. Через 18 лет борьба вспыхнула заново: беглый гладиатор Спартак, который вскоре возглавит восстание рабов, с семьюдесятью другими мятежниками укрылся на вершине Везувия. Пока римские солдаты окружали гору, готовясь к легкой поимке, беглецы по виноградным лозам спустились с утеса, считавшегося неприступным, и наголову разбили своих преследователей. Спартак, талантливый военный предводитель, сумевший повести за собой массы, на протяжении еще двух лет дразнил ненавистных господ-римлян, а затем погиб в сражении.

Несмотря на разные политические бури, область продолжала процветать, превратившись в нечто вроде игровой площадки для богачей. По склонам холмов, спускавшимся к сверкающему заливу, знатнейшие и богатейшие римские семейства выстроили себе загородные дома. Это были ослепительно роскошные, пышные постройки, в иных количество комнат переваливало за полсотни. У Цицерона, великого

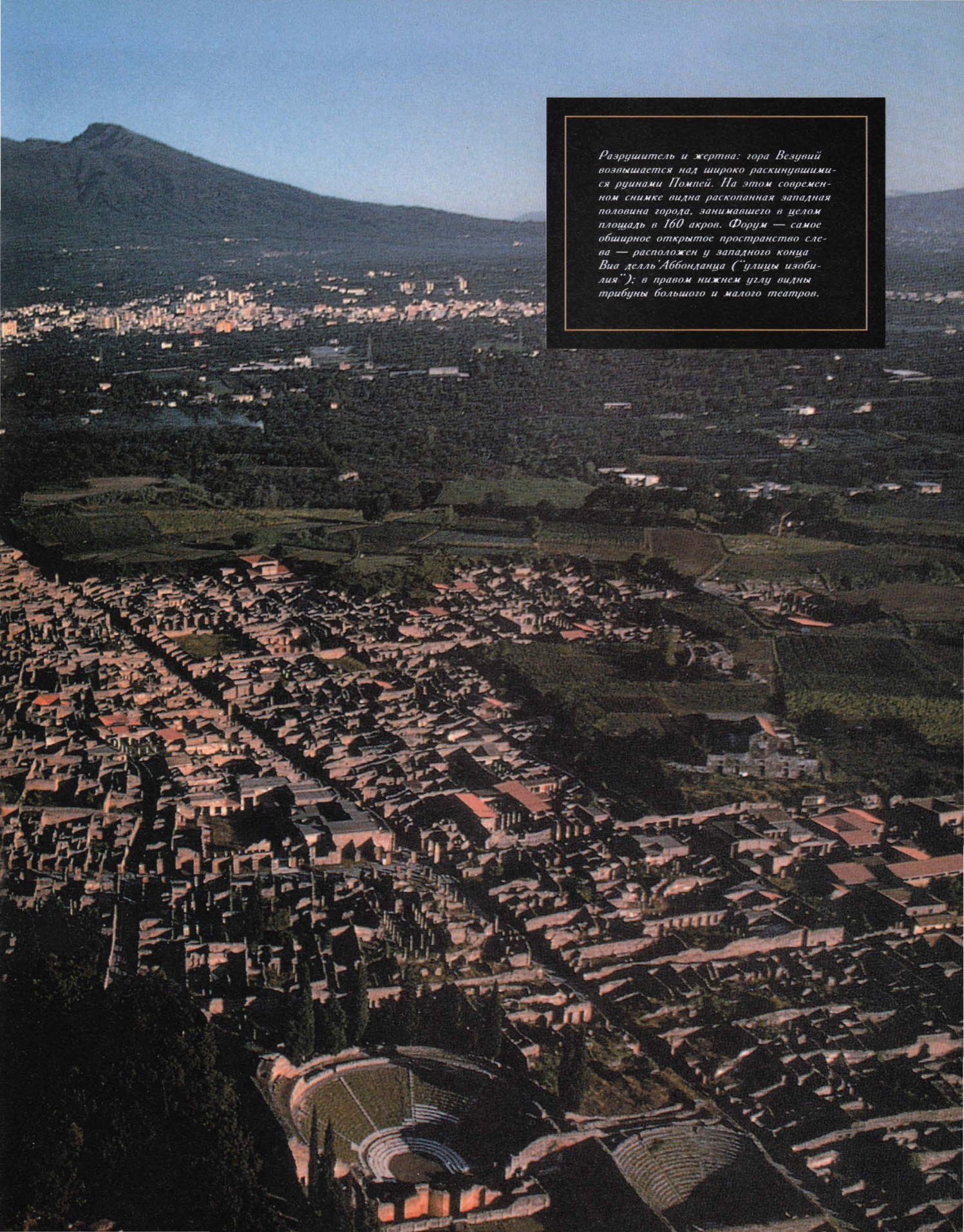

Разрушительный гнев Везувия, похоронившего своих ближайших соседей, вылился в две основные формы, как это показано на схематическом изображении Неаполитанского залива и его окрестностей. Несомые ветром пепел и лава (они представлены серым цветом различной густоты) засыпали плотным слоем всю южную часть. Выбросы более твердых вулканических остатков (красным цветом) уничтожили Геркуланум на западе, а также добрались и до других районов, покрыв их не столь густыми слоями.

государственного деятеля и оратора, было три имения по соседству; зять императора Августа владел здесь виллой; сын будущего императора Клавдия насмерть подавился грушей в своем загородном доме в Помпеях; император Тиберий, возможно, владел большой виллой возле Геркуланума, помимо роскошного поместья на острове Капри, у южной оконечности залива.

Если в здешних краях неизменно царил дух неги и наслаждений, то и деловой шум города не затихал ни на миг. Судя по свидетельствам, обнаруженным вдоль береговой линии, жители Геркуланума предпочитали торговле рыбный промысел. В Помпеях разворачивалась более подвижная торговая деятельность. Ведь они были не только связующим звеном между внутренними областями Италии и внешним миром, но и областным центром по изготовлению и окраске тканей, здесь трудились ремесленники всех мастей: горшечники, обработчики металла, стеклодувы и многие другие мастера. Здесь сохранились и следы более ранних культур, но римское влия-

*Разрушитель и жертва: гора Везувий
возвышается над широко раскинувшимися
руинами Помпей. На этом современном
снимке видна раскопанная западная
половина города, занимавшего в целом
площадь в 160 акров. Форум — самое
обширное открытое пространство сле-
ва — расположен у западного конца
Виа делль'Аббонданца ("улицы изоби-
лия"); в правом нижнем углу видны
трибуны большого и малого театров.*

ние — особенно в государственных делах и гражданском управлении, — разумеется, преобладало. Среди прочих удовольствий, в городе имелся просторный (на 20 тысяч человек) амфитеатр для гладиаторских боев, построенный одним римлянином-лазутчиком². В двух городских театрах для увеселения граждан разыгрывали спектакли, давали музыкальные представления. Харчевен и лавчонок, где можно было перекусить, в городе насчитывалось более сотни. Работали три общественные бани (а извержение вулкана прервало строительство четвертой), где помпеяне проводили досуг и живо общались между собой. Для иных усад существовало по меньшей мере семь лупанаров, или борделей; их наружная отделка привлекала посетителей нехитрой и беззастенчивой прямоотой. Кроме того, Помпеи по праву гордились десятью храмами и величественной базиликой, примыкавшей к просторному форуму. Базилика служила одновременно зданием суда, меняльной лавкой и местом встречи разного рода дельцов.

Городские улицы были вымощены вулканическим камнем. Вдоль дорог тянулись канавы со сточными водами и прочими отбросами; по свинцовым трубам, закопанным на небольшой глубине от поверхности, прибывала свежая вода. Фонтаны — некоторые из мрамора, с изящными водометами, — вдоволь обеспечивали питьевой водой людей и животных, проходивших по улицам. Жилища отличались большим разнообразием: от обширных, роскошно отделанных построек с внутренними дворами и садами до скромных домиков в два-три этажа, разделенных на тесные помещения, или простых комнатусек за перегородкой лавки или мастерской.

Таковы были Помпеи в те времена, когда империя Августа Цезаря и его непосредственных преемников вступила в период расцвета власти. Безусловно, это был город провинциальный, но он по-прежнему вправе был считать себя восхитительным отражением римских амбиций, достойным образцом культуры, которая — благодаря сильнейшим заимствованиям у греков — поистине преобразила эту землю. Помпеяне и их ближайшие соседи, упиваясь своим достатком и самоуверенностью, в самом деле не знали бед в середине I века н. э. Но их возмездие все эти годы было совсем близко. Над городом злоежде нависал вулкан, чье жерло потухло еще в древности. И

Мраморный рельеф, украшавший домашний алтарь в Помпеях, увековечил землетрясение 62 г. н.э. — нераспознанное предостережение о грядущем бедствии, куда более страшном. На нем представлено, как рушится монументальная арка (слева) и храм Юпитера (справа) на форуме. Не без юмора изображено, как всадник на конной статуе возле храма теряет равновесие. Сценки справа показывают жертвенник богини Теллус (земли) и быка, которого готовят к закланию.

теперь он вновь начинал просыпаться от многовекового сна. Везувий неплохо замаскировал свою истинную сущность. Гора, в высоту достигавшая всего шести тысяч футов, не подавала никаких угрожающих признаков на протяжении всего периода, когда ве-

лись исторические записи. Верхняя часть склонов порой была теплой, но едва ли в этом можно было усмотреть гибельное предзнаменование; мало кто вообще осознавал, что эта гора — вулкан. Она была вся покрыта зеленью, по ее бокам раскинулись пастбища, виноградники, плодовые сады, а в густых лесах, ближе к вершине, в изобилии водилась всякая дичь. Неудивительно, что ни в одной легенде, ни в одном народном сказании не говорилось ни слова о ее злокозненном характере: ведь к 79 г. н. э. вулкан бездействовал более тысячи лет.

Но все это время готовились серьезнейшие геологические сдвиги: продвигаясь за год примерно на дюйм, две разошедшихся глыбы земной коры — тектонические пласты — терлись друг о друга. Это было чрезвычайно медленное титаническое столкновение, которое началось давным-давно и будет длиться неимоверно долго. На одном из этих пластов держится африканский материк, на другом — Евразия, а их столкновение “утягивает” в недра планеты край дна Средиземного моря. Это тектоническое движение и породило некогда Везувий и целую цепь других действующих вулканов, протянувшуюся вдоль западного побережья Италии: в том числе, Исихю, Вулкано, Вулканелло, Стромболи, а также громадную Этну на Сицилии. Им же объясняются и частые земные толчки в этом уголке мира.

В 62 г. н. э. внезапное высвобождение сдавленных и ранее “запертых” пластов коры вызвало мощные колебания земли. Эпикентр землетрясения находился вблизи Помпей, и подземные толчки прорвали систему труб, снабжавшую город водой. Обрушились многие виллы и дома, заживо похоронив под развалинами своих жильцов. Сильнее того досталось общественным зданиям, которые были построены из более тяжелых материалов и, следовательно, оказались менее стойки к землетрясению. “Земля поглотила шестьсот овец, — докладывал римский писатель Сенека³. — Статуи падали с пьедесталов и разбивались, люди же бродили словно очумелые”.

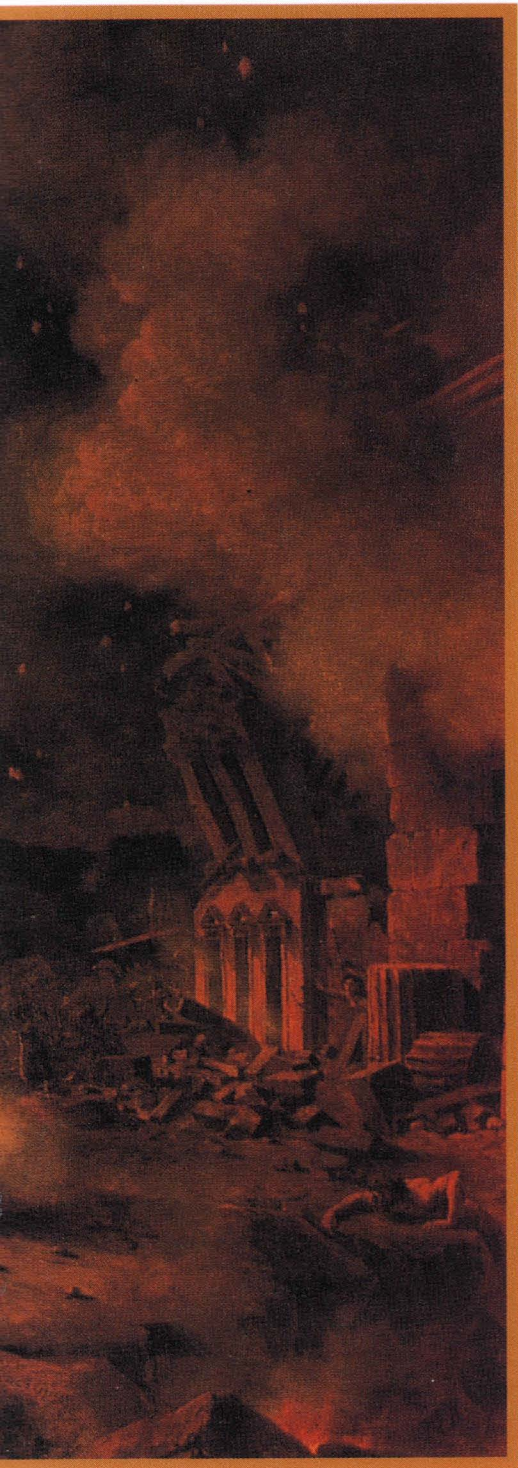
Урон оказался настолько велик, что Нерон, тогдашний император, даже подумывал, не лучше ли будет вовсе покинуть этот город. Но жители принялись восстанавливать Помпеи, и спустя семнадцать лет они все еще усердно трудились, пытаясь вернуть прежнюю славу таким сооружениям, как базилика.

По-видимому, никто не связывал землетрясение с Везувием. Покуда каменщики, плотники и строители, не разгибая спин, работали здесь, внизу, — зеленая горная громада хранила спокойствие. Но это

На этой картине Пьера-Анри де Валансьена (1813) изображена гибель Плиния Старшего на морском побережье в Стабиях. Высоко в небо вздыма-

ются языки пламени, клубы дыма и пепла. Знаменитый историк и командующий флотом погиб, спасая других из адского вулканического пекла.

разрушительное грозное грохотанье, оставшееся позади, и предвещало скорое пробуждение вулкана от вековой спячки.

В начале августа 79 г. н. э. окрестности Везувия вновь сотрясли земные толчки. В ту же пору высохло несколько источников, перестали бить родники: это были симптомы возраставшего давления внутри земли. 20 августа в области воцарилось опасное затишье: лошади и рогатый скот проявляли беспокойство и испуг, птицы подозрительно замолкли. Кое-кто, памятуя о землетрясении 62 г., наскоро собрал пожитки и перебрался в безопасные места. И они едва не опоздали. Ночью 23 августа или ранним утром 24 августа с вершины вулкана повалил пепел, который, слетая вниз, вскоре припорошил землю. Даже то, что происходило теперь, все еще представлялось безобидным. Но около часу пополудни чудовище окончательно отбросило притворство.

С оглушительным треском дно кратера — своеобразная “пробка” из затвердевшей лавы, давным-давно “запечатавшая” жерло вулкана, — поддалось под напором изнутри и разлетелось на куски: Везувий превратился в гигантскую пушку, дуло которой было обращено прямо к небу. Расплавленная порода взлетала на 17 миль в стратосферу, превышая при этом скорость звука примерно вдвое. Раскальваясь в стремительном полете на мелкие частицы, она постепенно теряла ускорение, расплзалась в плоское облако, а затем стратосферные ветры относили его к юго-восток. В этом направлении лежали Помпеи и Стабии, и вскоре вулканические осколки градом обрушились на них.

А в девятнадцати милях отсюда — в Мизене, с другой стороны залива, где стоял римский флот — за извержением наблюдал изумленный юноша. Этот семнадцатилетний мальчик, впоследствии вошедший в историю как Плиний Младший, прибыл с матерью в Мизен, чтобы погостить у дяди — Плиния Старшего, одного из величайших мужей эпохи римской империи, автора тридцатисемитомной *Естественной истории* и командующего римским флотом⁴. Подобно своему дяде, чья любознательность не знала пределов, юный Плиний оказался талантливым наблюдателем. Позже, по просьбе историка Тацита, он подробно описал виденное им зрелище катастрофы.

Говоря о начале извержения, Плиний заметил, что “облако по форме своей походило на пинию: вверх поднимался как бы ствол и от него во все стороны расходились как бы ветви. Местами оно было яркого белого цвета, местами в грязных пятнах, словно от земли и пепла, поднятых кверху. Явление это показалось дяде, человеку ученому, значительным и заслуживающим ближайшего ознакомления. Он велит приготовить либурнику”⁵. Чуть погодя, Плиний Старший получил известие, что страшная опасность нависла над те-

ми, кто находится близко к вулкану. И, оставив свои первоначальные намерения наблюдать за явлением как ученый, он снарядил спасательный отряд и велел вывести в залив несколько квадрирем⁷. Племянник его остался дома — он предпочел заниматься, — но впоследствии смог восстановить события с чужих слов и записей. “На суда уже падал пепел, и чем ближе они подъезжали, тем горячее и гуще; уже куски пемзы и черные обожженные обломки камней, уже внезапно отмель и берег, доступ к которому прегражден обвалом”⁸. Кормщик того судна, на котором находился сам Плиний, угаривал повернуть назад, но тот приказал править к Стабиям. Это решение окажется для него роковым.

Тем временем на побережье и холмах к юго-востоку от горы царили смятение и страх. Ветры верхних слоев атмосферы гнали огромное облако прямо на Помпеи и соседние загородные виллы, окутав их тьмой. С неба посыпалась нескончаемая лавина камней; некоторые частички были не больше рисового зерна, иные — величиной с кулак. Хотя вулканический град состоял преимущественно из пемзы — легкой каменной породы, ставшей пористой из-за расширения вулканических газов, — около десяти процентов падавших обломков составляли твердые породы. С огромной скоростью обрушиваясь вниз, они превращались в тяжелые снаряды, унесшие немало жизней.

Часа через два-три Помпеи уже покрывал слой пемзы и камней глубиной примерно в фут. Начали рушиться здания, губя множество людей: кто-то был раздавлен провалившейся крышей, кого-то смерть настигала на улице, под обломками стен и колонн. Из опрокинутых светильников выливалось масло, и вспыхивали пожары⁹.

В первые часы извержения большинство жителей еще успело бежать — на кораблях, лошадях или мулах, на повозках, даже пешком. Но по крайней мере две тысячи человек предпочли остаться в городе — либо из-за боязни происходящего вокруг, либо не желая покидать своих домов, своих дел. Они вскарабкивались на груды пемзы, поднимавшиеся на глазах, или укрывались под крышами, которые еще держались пор растущим грузом камней. Весь день и весь вечер вулкан продолжал выбрасывать высоко в стратосферу свою страшную каменную картечь. По мере того, как относимые ветром частицы оседали на землю, слой пемзы, окутавший Помпеи, рос с невероятной быстротой — почти на шесть дюймов в час.

Пока что Геркуланум почти миновала лавина пемзы. Тем не менее, многие жители, очевидно, покинули город. Наступила ночь, но темноту нарушала игра зарниц вокруг столба, вздымавшегося к небу. Зрелище это завораживало, прямо-таки околдовывало тех, кто остался

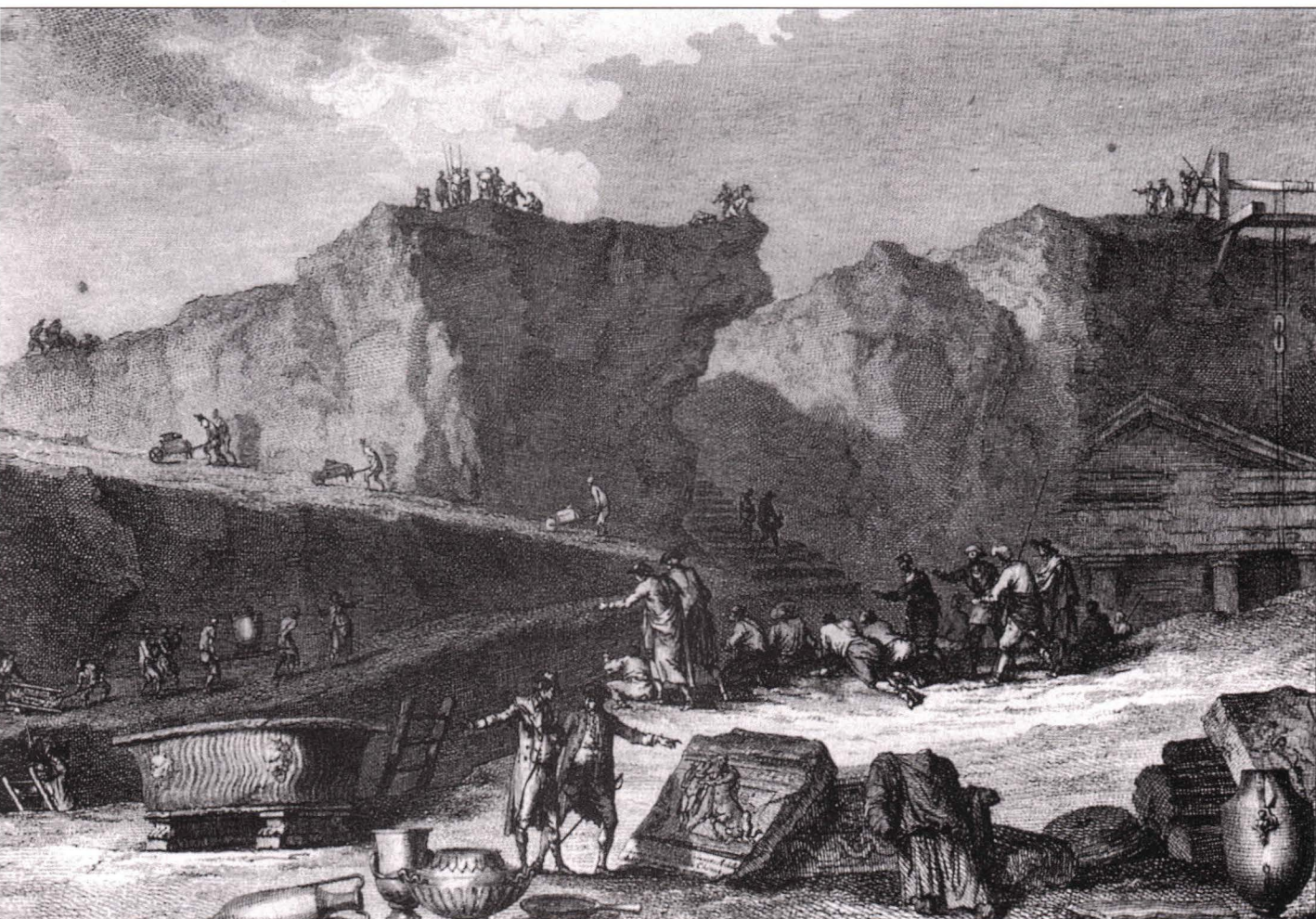

Эта бронзовая голова, выполненная с беспощадным реализмом, была в числе первых археологических “трофеев” обнаружена в 1754 г. на одной из вилл в Геркулануме. Долгое время считалось, что это изображение римского философа Сенеки, но более вероятно, что это лицо или безымянного актера, или древнегреческого поэта Гесиода, или, быть может, латинского эпического поэта Энния.

Эта гравюра XVIII века, отражающая романтическую атмосферу вокруг открытия Геркуланума, тем не менее, грешит против правды. На ней изображены раскопки города, чудесным образом встающего перед глазами зрителей. В действительности же археологам приходилось прорубаться сквозь шестидесятипятифутовый слой затвердевшей вулканической породы. Предметы, выставленные на обозрение на переднем плане, свидетельствуют о повальной страсти тех лет — собирании древностей.

в городе и мог наблюдать его вблизи. Но зрителям грозила смертельная опасность. Вскоре вулкан продемонстрирует новый способ умерщвления, и Геркуланум окажется первой жертвой.

Около часу пополудни 25 августа, когда давление в жерле вулкана на короткое время улеглось, с вершины рухнул массивный столб, и по горным склонам устремился сверкающий каскад раскаленных каменных обломков. Вскоре обвал разделился на две волны. Одна превратилась в мутное раскаленное облако из легкого пепла и газа, передвигавшееся с большой скоростью. Вторую составлял плотный, медленно скатывавшейся вниз и обволакивавший землю поток пемзы и более крупных скальных фрагментов, перемешавшихся с почвой со склонов; вся эта смесь, накалившаяся до 750 градусов по Фаренгейту, перешла в жидкое состояние. Мчавшееся впереди

Это золотое кольцо из Помпей с резным изображением комической театральной маски некогда красовалось на руке короля Испании Карла III. Окрестности Везувия некоторое время входили в его владения в 1700-е годы, и король присвоил некоторые из ценностей, обнаруженных в ходе раскопок.

пепельное облако спускалось, вероятно, со скоростью не менее ста миль в час: ему хватило и четырех минут, чтобы добраться до Геркуланума и настичь тех, кто уже успел добежать до моря в тщетной надежде спастись. В городе облако принялось свирепствовать, срывая черепицу с кровель, сбивая набок камни, а, достигнув кромки воды, вскипятило море. Оно жгло кожу и мясо, забивало легкие пеплом, опаяя и удушая на своем пути всех людей и животных. В живых не осталось ни одного существа. Через несколько мгновений хлынул неудержимый поток твердых обломков, смерчем несясь по улицам, врываясь в двери частных домов и общественных зданий, меняя очертания береговой линии.

Геркуланум полностью вымер, и теперь вулкан принялся трудиться над могильной насыпью. Снова и снова, на протяжении долгих часов (всего шесть раз), Везувий яростно изрыгал содержимое своих недр, выпуская пепельное облако и посылая ему вдогонку шлейф твердого скального лома, обрушивая все это на бывший портовый городок, пока он не затерялся где-то в глубинах мира, отныне потерявшего прежний облик. Помпеи, более удаленные от адской пучины, вначале миновали эти обвалы, — точно так же, как ранее Геркуланум миновал каменный ливень. Но Везувий только набирал силу, и около половины восьмого утра вулкан, в четвертый раз содрогаясь от конвульсий, нацелился на город у Сарна. Раскаленное облако пепла и газа пронеслось над почерневшими жнивными и налетело на Помпеи, удушая своим ядом каждого встречного.

Пятый взрыв последовал спустя несколько минут. А затем, примерно в восемь часов, начался шестой и самый мощный обвал. В эту пору Плиний Старший вышел из виллы в Стабиях, где каким-то образом умудрился проспять всю ночь, даже громко храпя. Как писал позднее его племянник, Плиний и несколько его товарищей “решили выйти на берег и посмотреть вблизи, можно ли выйти в море: оно было по-прежнему бурным и враждебным. Дядя лег на подостланный парус, попросил раз-другой холодной воды и глотнул ее. Огонь и запах серы, возвещавший о приближении огня, обращают других в бегство”. Плиний Старший, человек довольно грузный, к тому же со слабым дыхательным горлом, не в силах был за ними последовать: “Он встал, опираясь на двух рабов, и тут же упал”.¹⁰ Племянник предположил, что ему перехватило дыхание от густых испарений, но поскольку других не постигла та же участь, более вероятным объяснением кажется сердечный приступ. Так или иначе, великий муж скончался.

А в Мизене, на противоположной стороне залива, Плиний Младший провел много бессонных часов, ибо землю сотрясали сильные толчки. Когда дом наконец уже грозил рухнуть, они с матерью присоединились к большой толпе людей, покидавших город. “Повозки, которым было приказано нас сопровождать, на совершенно ровном месте кидало в разные стороны; несмотря на подложенные

камни, они не могли устоять на одном и том же месте. Мы видели, как море отходит назад; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его. Берег явно продвигался вперед; много морских животных застряло в сухом песке”.¹¹

Еще более ужасало зрелище вулкана, исходившего в последних яростных судорогах. «С другой стороны черная страшная туча, которую прорывали в разных местах перебегающие огненные зигзаги; она разверзалась широкими полыхающими полосами, похожими на молнии, но большими. Вскоре эта туча опускается к земле и накрывает море. Падает пепел, еще редкий. Я оглядываюсь назад: густой черный туман, потоком расстилающийся по земле, настигал нас. “Свернем в сторону, — говорю я, — пока видно, чтобы нас, если мы упадем на дороге, не раздавила идущая сзади толпа”. Мы не успели оглянуться — вокруг наступила ночь, не похожая на безлунную или облачную: так темно бывает только в запертом помещении при потушенных огнях. Слышны были женские вопли, детский писк и крик мужчин; одни окликали родителей, другие детей или жен и старались узнать их по голосам. Одни оплакивали свою гибель, другие гибель близких; некоторые в страхе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам; большинство объясняло, что нигде и никаких богов нет, и для мира это последняя вечная ночь».¹²

Так как облако достигло Мизена уже значительно охлажденным и разреженным, Плиний Младший с матерью остались живы и невредимы. Оно нанесло им другой удар: та же волна вулканического взрыва убила в Стабиях Плиния Старшего.

Везувий извергался почти восемнадцать часов кряду. Наконец его ярость стала ослабевать, хотя пепел продолжал сыпаться на землю еще несколько дней. Большая часть Помпей, подобно Геркулануму, уже скрылась под наносами. А то, что еще оставалось, вскоре погребли выбросы вулканического пепла, словно окутав траурной завесой последнюю агонию города.

Возможно, вовремя оставили город около девяноста процентов помпеян. Многие возвращались в течение тех дней и недель, что последовали за несчастьем, и горестно взирали на пустынный холм, под которым еще совсем недавно цвел город. Некоторые принимались копать. Установив местонахождение своих домов по каким-то приметам на поверхности, они прорубали шахты сквозь лаву и вулканическую породу, а затем прорывали проходы внутри, проламывая стены, чтобы попасть из одного помещения в другое. Им удалось извлечь многие свои ценности, а иные явно прихватили немало чужого добра. Позднее археологи обнаружат дома, откуда утащили подчистую все статуи, настенную мраморную облицовку и прочие украшения.

В одном из домов явно хаотичные “ходы” были проложены через комнаты, окружавшие перистиль, или усаженный деревьями

Амфору для вина, найденную в гробнице за Геркуланскими воротами Помпей, украшают купидоны, собирающие урожай и давящие виноград. Ваза из стекла с камнями, с белыми рельефными изображениями из светонепроницаемого камня на прозрачном фоне, — слишком изысканная, чтобы ее могли сделать местные мастера, — несомненно свидетельствует о богатстве и высоком положении владельца.

внутренний двор. Вероятно, попытки “искателей” увенчались успехом, зато сокровища в доме по соседству они прозевали: там остался нетронутым набор изящных серебряных столиков и масса золотых украшений. Дерзания иных смельчаков завершились трагично: ядовитые газы, запертые под слоем пепла, вырывались наружу, некоторые тоннели оседали, и число помпейн-покойников пополнялось новыми жертвами. Вскоре опасные вылазки прекратились.

Несмотря на то, что катастрофа нанесла явно непоправимый ущерб, нашлись и такие, кто подумывал о восстановлении Помпей. Римским императором в ту пору был Тит. Он пришел к власти за два месяца до того, как разбушевался Везувий. Император, напуганный донесениями о случившемся бедствии, составил из нескольких сенаторов особую комиссию, которая должна была разработать восстановительные меры. Кроме того, он воззвал к жителям городов, которых не коснулась беда, с просьбой помогать беженцам. Согласно его распоряжению, имущество тех, кто умирал, не оставив наследников, передавалось в пользу пострадавших. Но извлечение Помпей из-под вулканического шлака оказалось непосильной задачей, и от намерений восстановить город пришлось отступить. Что касается Геркуланума, то он был и вовсе недостижим.

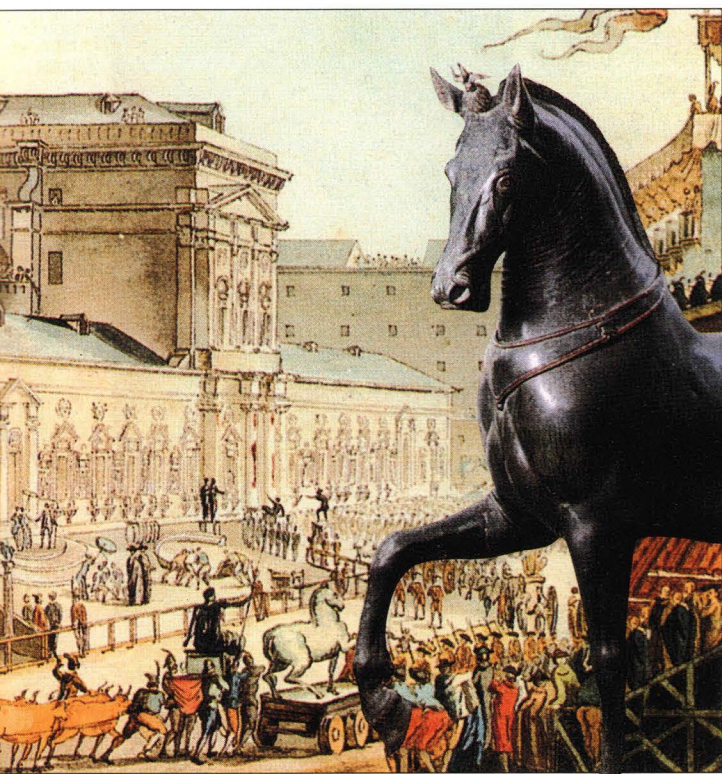
Впрочем, земля там пустовала недолго. На склоне холма, спускавшегося к Сарну, появилось несколько земледельческих домиков, а поверх погребенного заживо Геркуланума выросла деревушка. Стабии оправились настолько, что даже приняли на себя ту роль в торговле, что прежде играли Помпеи. Но все это разительно отличалось от былой картины, и очень скоро воспоминания о прошлой славе померкли. Оглядываясь вспять, поэт Стаций¹³ риторически вопрошал:

Век за веком пройдет, покроется пустошь травой:
Разве поверят тогда потомки, что впрямь под стопами
Их, сокрыты в земле, спрятаны во глубине
Целые грады, и жители все, и отчие пашни, —
Все, что огонь поглотил, заживо похоронив?

Ответ же оказался двояким: люди забыли о городах, но не о грозной силе Везувия.

Вулкан попросту не дал им этого забыть. В 202 г. н. э. он извергался в течение недели. Другие крупные сотрясения последовали в 306, 472, 513, 533 и наконец, после тысячелетия сравнительного затишья, в 1631 году. Последнее извержение было наиболее губительным, почти сравнявшись по силе с бедствием 79 г. Лава из кратера устремилась в семь потоков, изливаясь по

С торжеством, подобающим разве что военной победе, в 1787 г. власти препровождают на особых повозках драгоценные находки из Помпей и Геркуланума на хранение в недавно подновленный Неаполитанский музей¹⁴. На этой гравюре работы Франческо Пиранези и Жана-Луи Де-пре достоверно изображены предметы искусства, которые провозили в тот день по площади, — в том числе бронзовая жаровня для угля с тремя сатирами в качестве подставки (слева), найденная на вилле в Геркулануме, вполне вероятно, принадлежавшая тестю Юлия Цезаря; а также бронзовый конь (наверху), некогда красовавшийся в скульптурной группе с колесницей возле входа в базилику в Геркулануме.

склонам, и уничтожила почти все города у подножия вулкана. Погибло около восемнадцати тысяч людей.

Ко времени этого извержения в XVII веке, Помпеи и Геркуланум почти всецело были преданы забвению. А их обнаружением мы обязаны вовсе не намеренным поискам сгинувших городов, а приобретательской жажде одного иностранца.

В 1707 г., в результате незначительной перестановки на политической карте Европы, Сицилия и та часть южной Италии, что окружает Неаполь, перешли во владение Австрии. Для исполнения должности местного командующего кавалерией сюда прибыл князь д'Эльбеф, титулованный генерал. Князь был чрезвычайно доволен

своим назначением, и не только из-за благоприятного климата и красоты сверкающего на солнце Неаполитанского залива, но еще и по той причине, что эта область всегда связывалась с великими событиями классической древности. Начиная с эпохи Возрождения, образованные европейцы усматривали в эпохе древней Греции и Рима культуру более утонченную, нежели их собственная, — по сути, видя в античности славнейшую страницу во всей истории человечества. Оказавшись в этих священных местах, князь д'Эльбеф решил построить здесь виллу и украсить ее различными древностями.

Время от времени местные крестьяне случайно натыкались среди полей и холмов на древние вазы, фрагменты колонн или барельефов, обломки статуй и прочие свидетельства древнеримской культуры. Их можно было приобрести по вполне сходной цене. Но князь поступил и того умнее. Узнав, что в монастырском саду у подножия Везувия, где начали рыть новый колодец, обнаружилось несколько исключительных находок, он быстро купил этот участок и нанял отряд рабочих. Докопавшись с боков колодезной шахты до уровня ее дна, рабочие извлекли три великолепных изваяния женщин, закутанных в пеплумы, а также фрагменты статуи Геркулеса и множество других любопытных предметов. Колодец оказался поистине "золотым дном" для охотника за древностями: скорее всего, удача навела князя на след какого-то богато украшенного общественного сооружения.

Д'Эльбеф подумал, что это храм, несомненно стоявший внутри какого-то поселения. Какое потрясение ожидало бы его, узнай он правду! Ведь вокруг этого строения, раскопанного им, на глубине от 50 до 65 футов, под толщей окаменелой вулканической породы, на

поверхности которой приютилась деревушка Резина, существовали целые улицы, дома, лавки, общественные здания некогда славного древнего города-порта.

Утолив свое досужее любопытство и приравняв к рукам все статуи, найденные в раскопе, князь несколько поостыл. Но главное он уже совершил — начал охоту за сокровищами и взял верный след. Несколько десятилетий спустя, когда в результате новых политических перетасовок в Европе королевство обеих Сицилий, как оно тогда называлось, перешло к Испании, и вокруг раскопанного колодца вновь началось движение. Новый правитель, король Карл III, поручил работу своим техническим отрядам во главе с кавалером Рокко де Алкубьерре. 11 декабря 1738 г. рабочие обнаружили надпись со словами *Theatrum Herculanense*¹⁵. Теперь не оставалось никакого сомнения, что за здание откопал д'Эльбеф: это был не храм, а театр. Выяснилось и имя "поселения": Геркуланум.

Хотя небольшой городок на берегу залива был почти забыт, некоторые историки знали о его существовании — и о его участии — из упоминаний у античных авторов. Поэт Марциал, родившийся в Испании, но сделавший себе громкое имя в Риме, увековечил город-порт в цветистых строках:

Здесь, в зеленой тени винограда недавно был Весбий,
Сок благородной лозы полнил здесь пьяную кадь:
Эти нагория Вакх любил больше Нисы холмистой,
Здесь на горе хоровод резво сатиры веди.
Лакедемона милей места эти были Венере,
И Геркулесовым здесь славен был именем дол.¹⁶

Однако даже в академических кругах точное местонахождение приморского города оставалось неизвестным, — главным образом из-за того, что мощный поток вулканических выбросов, извергнувшийся на окрестности Везувия, до неузнаваемости изменил очертания береговой линии, переместив ее в глубь Неаполитанского залива по меньшей мере на несколько сотен ярдов. Но теперь, с обнаружением надписи в древнем театре, загадка обрела разрешение: Геркуланум находится примерно в четырех с половиной милях к юго-западу от вершины Везувия.

Сходным туманом были окутаны и Помпеи, также упоминавшиеся в античных документах. Ученым было известно, что город лежит к юго-востоку от вулкана, но точного местоположения никто указать не мог. По мнению некоторых, таким местом вполне мог быть любопытный горный отрог, выходивший к Сарну милях в шести от кратера. На протяжении веков из почвы холма выступали наружу остовы неведомых древних сооружений. Здешние жители называли это место *Чивита* (La Civita) (современное итальянское слово, произошедшее от латинского *civitas* — "город"). В 1594 г. рабочие, прокапывая подземный канал, чтобы подвести воду к новой вилле неподалеку от деревни Торре Аннунциата, наткнулись

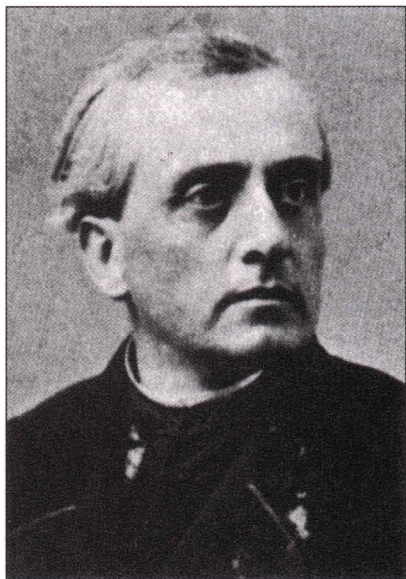
Этот прижизненный портрет изображает ученого Иоганна Иохима Винкельмана, родившегося в Пруссии. В 1762 г. он опубликовал первое объективное донесение о древностях, найденных в окрестностях Везувия. Двумя годами позже он совершил переворот в еще "не оперившейся" археологической науке, напечатав свой монументальный труд — История искусства древности. В нем Винкельман совершил первую попытку понять древнюю культуру, опираясь исключительно на ее памят-

на камень с выбитой надписью: *decurio Pompeius*¹⁷. Но все сочли, что она относится к римскому государственному деятелю Помпею Великому¹⁸, и придали ей не больше значения, чем другим случайным находкам античных времен, которыми так изобилует сельская местность в Италии. И, в сущности, проморгали важное открытие.

Истина обнаружилась лишь в середине XVIII века. В 1748 г. группа испанских археологов, уже лет десять исследовавшая Геркуланум, крайне заинтересовалась местностью близ Чивита, прослышав о найденных там древностях. Вскоре их внимание было вознаграждено: вначале они откопали великолепную стенную роспись, изображавшую плоды и цветы, а затем — скелет мужчины; среди костей валялись бронзовые и серебряные монеты. Этот человек, успев захватить толику денег, тщетно убежал от смертоносного буйства вулкана.

Впрочем, испанским копателям не было дела до человеческой трагедии: их интерес привлекали исключительно мраморные обломки и прочие трофеи древности. Здесь, в отличие от Геркуланума, карьерная работа оказалась намного легче, так как слой лавы и шлака был не столь глубок и менее плотен. И все же подлинное имя поселения, скрытого под Чивита, открылось лишь в августе 1763 г., когда рабочие обнаружили надпись, где были выбиты слова *res publica Pompeianorum* — “государство помпеян”. Древний город наконец найден.

Джузеппе Фиорелли, в 1860 г. назначенный руководителем раскопок в Помпеях, поднял археологические методы в окрестностях Везувия на современный уровень. Создал карту древнего города и свел раскопки к единой системе, Фиорелли к тому же был первым, кто начал отливать глиняные слепки с тел, засыпанных вулканическим пеплом и шлаком.

На протяжении всех этих лет, весьма прытко шла охота за сокровищами, что наносило изрядный ущерб бесценным залежкам древностей вокруг Везувия. Алкубьерре, руководивший раскопками с 1738 по 1756 г., был сам ничем не лучше грабителей. В своем рвении откопать для испанского короля Карла III побольше трофеев он перескакивал с одного места на другое, волей-неволей прорывая шахты и тоннели, немедленно забрасывая раскоп, если в нем ничего не обнаруживалось, унося все подчистую из любого дома или храма, какие только встречались. Фрески попросту срезали со стен. Вазы, монеты, статуи, прочие находки, — все это сгребали в одну кучу и утаскивали, нисколько не заботясь хотя бы записать, где они были обнаружены. Разбой ускоряли пороховые взрывы.

Такие грубые методы принесли желанные плоды: коллекции древностей короля Карла, возраставшей день ото дня, завидовала вся Европа. Время от времени некоторым именитым гостям разрешалось “поучаствовать” в захватывающих открытиях: пока гость восторгался зрелищем раскопок, кто-нибудь из рабочих вдруг выпускал ликующий крик и извлекал некое сокровище, якобы только что обнаруженное, — а на самом деле заранее приготовленное и припрятанное там специально для этого случая.

Со временем к работам были допущены и ученые. В 1755 г. была основана Геркуланская Академия, которая начала выпускать многотомную серию, посвященную археологическим находкам в этом городе. Блистательный знаток древностей, немецкий ученый Иоганн Винкельман, которого позже по праву называли отцом археологии, посетил раскопки у подножия Везувия. В 1760-е гг. он обнаружил подробные описания находок из Геркуланума. Он первым произвел детальное исследование обнаруженных памятников, — и первым понял, сколь важен такой подход для постижения древнего мира в целом.

В 1787 г. другой, еще более знаменитый, немец — писатель и ученый Иоганн Вольфганг фон Гете — приехал осмотреть руины обоих городов. Он пришел в ужас от методов Алкубьерре. Несколько лет спустя Гете писал: “Тысячу раз жаль, что к раскопкам не привлекли умелых немецких шахтеров, которые выполнили бы свою работу на славу, — ибо, несомненно, в ходе хищных и случайных поисков то здесь, то там, было попусту погублено множество ценных древностей.” Но и его пленило великолепное зрелище, открывавшееся среди карьеров. Оно почти затмевало саму величайшую трагедию, сопутствовавшую их преждевременной гибели. “Много бедствий выпадало на долю мира, но ни одно не произвело столь неизгладимого впечатления на потомство, как это.”

В 1798 г. власть вновь перешла в другие руки: Наполеон присоединил эти земли к территории Франции. Спустя десять лет, сделавшись императором, он отправил в Неаполь выбранную им самим королевскую чету, которая блюла бы там его интересы, — маршала Франции Иохима Мюрата с супругой Каролиной, сестрой Наполеона. При их воодушевленном содействии, раскопки стали продвигаться быстрее. К работам было привлечено около пятисот человек. Особенно завораживали раскопки королеву Каролину — и не только из-за того, что в их ходе обнаруживалось множество драгоценностей и прочих предметов искусства, но еще и из-за скелетов, которые придавали засыпаным городам “человеческое измерение”. Частенько отлучаясь от своих придворных обязанностей в Неаполе, она бродила среди развалин, засыпая зрителей работ вопросами. Наконец она настолько прониклась любовью к руинам, что выстроила себе дом неподалеку.

В течение многих лет раскопки в окрестностях Везувия привлекали куда больше охотников поживиться, чем серьезных исследователей. Настоящие попытки изучения прошлого были предприняты лишь после образования объединенной Италии в 1860 г., при короле Викторе Эммануэле II. Чутко осознавая, сколь дорого всему миру великолепное культурное наследие Италии, Виктор Эммануил предоставил средства небольшой группе археологов для раскопок в Помпеях, Геркулануме и других соседних с ними поселениях. Но

ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВОГО ГОРОДА

В глазах первооткрывателей, Помпеи и Геркуланум являли собой лишь картину запустения, предмет скорее для грабежа, нежели для исследования. И даже Иоганн Винкельман, прославленный немецкий историк искусства, высмеял саму мысль о раскопках. "Что будет в том проку, — писал он в 1784 г., — коли единственное, что предстанет взору, — это обветшалые стены, оставшиеся от раздавленных толщей лавы домов?"

Тот же образ мыслей господствовал и на протяжении следующего столетия. Но в 1860 г., когда руководителем раскопок в Помпеях был назначен Джузеппе Фиорелли, положение переменялось — и уже

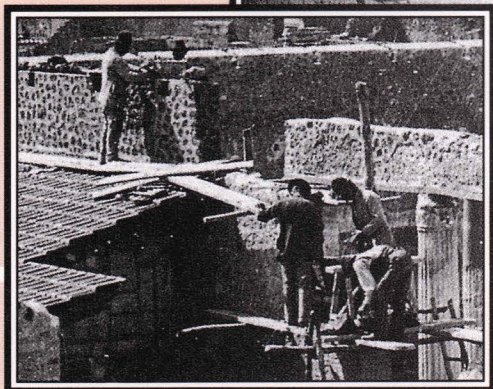
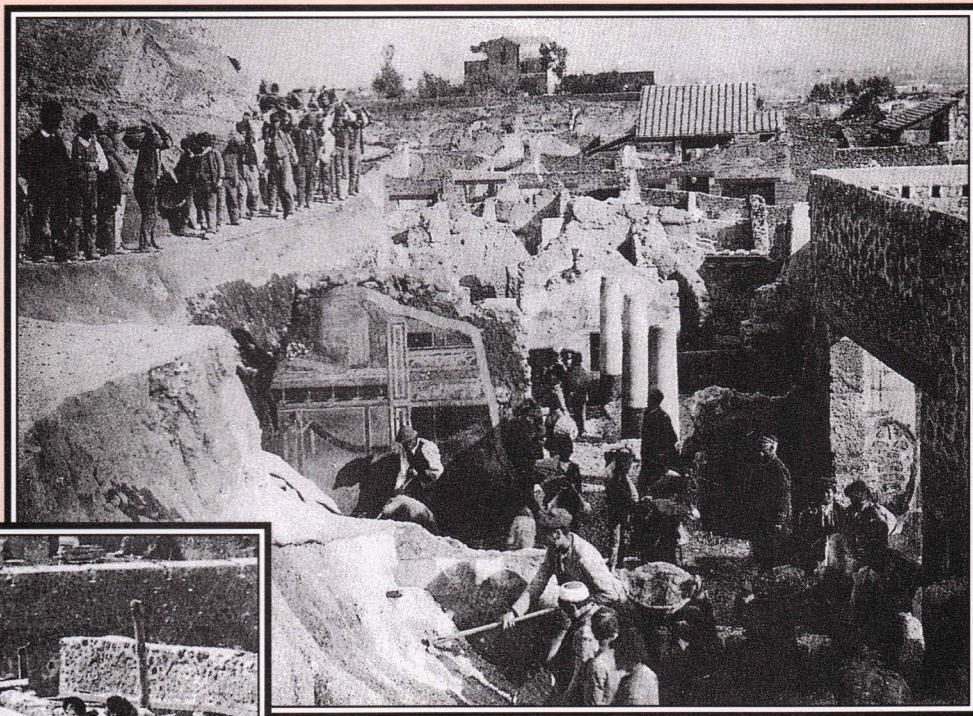
необратимо. Поняв, насколько можно продвинуться в постижении римского прошлого благодаря внимательному изучению древних развалин и их "содержимого", Фиорелли задался целью полностью раскопать сгинувший город.

В археологии Фиорелли стал настоящим первопроходцем, заложив начала современных научных методов. Он настоял на том, чтобы раскопки доводились до конца в одном месте, прежде чем переходить к другому, и не поленился раскапывать разделявшее их пространство. По мере того, как из отвалов появлялись улицы, дома и оборонительные стены и городские ворота Помпей, Фиорелли разделял город

на "округи" и "кварталы". Это позволяло ему разрабатывать план систематического высвобождения участков, еще скрытых под вулканическим мусором на глубине 10-20 футов.

В ходе раскопок Фиорелли придерживался еще одного важного принципа: новые находки — от фресок до предметов мебели — следовало, насколько это возможно, оставлять в их исконном окружении. О продвижении работ он докладывал в специальном журнале, задав тем самым "планку" последующим поколениям археологов, которым предстояло и далее бережно вдуть жизнь в навеки замолкнувшие памятники прошлого.

На этих двух снимках 1890-х гг. видны в действии методы, разработанные Джузеппе Фиорелли тремя десятилетиями ранее. Справа, рабочие удаляют завалы из раскопа, где возвышается стена с фреской, оставленная Фиорелли на месте. Внизу видно, как рабочие реставрируют стену Дома Веттиев.

Намерения Фиорелли относительно восстановления Помпей предполагали столь обширные работы, что его век оказался бы для них слишком короток. Зато у него нашлись преемники, усвоившие и задачу, и строго выверенные методы раскопок. Среди учеников Фиорелли выделялся археолог Витторио Спинаццола. С 1910 по 1923 г. он весьма честолюбиво трудился над огромным проектом — откопать главную торговую улицу Помпей, Виа дель'Аббонданца, длиной почти в три тысячи футов. Благодаря его

стараниям, дорога и вытянувшиеся по ее сторонам дома понемногу принимали тот вид (разумеется, с большими поправками), который они имели до извержения.

Применяя технику, разработанную Фиорелли, Спинаццола вначале пробурил шахту до уровня самой Виа дель'Аббонданца, а затем принялся постепенно расчищать верхние слои. Удалив вулканические остатки, он начал предохранять от разрушения все обнаруженные внутри зданий предметы обстановки и фрески. После этого он принялся укреплять

стены домов, чтобы они не рухнули, когда будет расчищена сама улица.

Как и Фиорелли, Спинаццола настаивал на том, чтобы все находки оставляли на своих местах. Он особенно позаботился о том, чтобы были тщательно сохранены не только стенные росписи внутри помещений, но и яркие вывески лавок, предвыборные воззвания и граффити, украшавшие наружные стены зданий, так как все это отражает историю города.

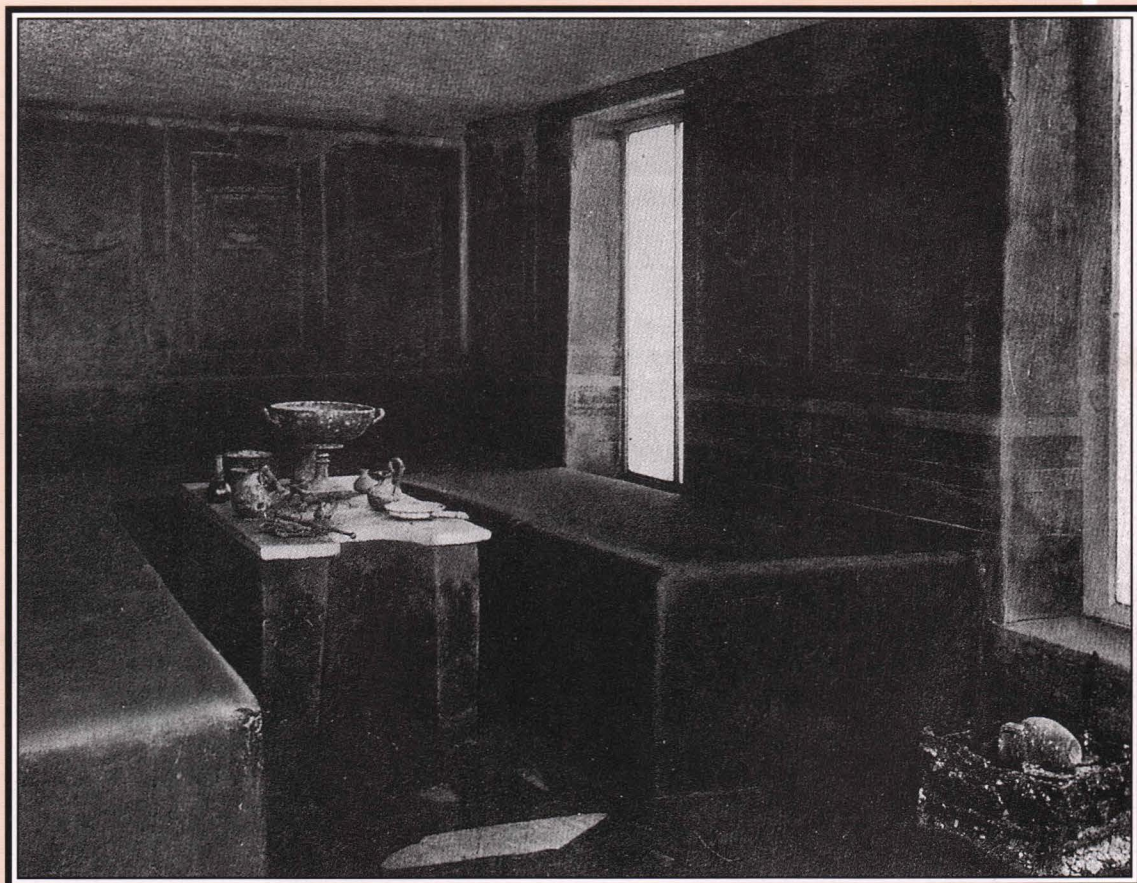
Значительным вкладом Спинаццола в реставрацию Помпей

была, в числе прочих заслуг, до-
тошная реставрация верхних эта-
жей, окон, балконов и крыш
домов на Виа дель'Аббонданца
(напротив, внизу). Кроме того,
он был одним из первых археоло-
гов, начавших сопровождать раз-
личные стадии раскопок
соответствующими фотографиями.
Эти снимки, наряду с его запися-
ми и зарисовками, были опублико-
ваны в 1953 г., составив три
увесистых тома. Они и по сей
день служат незаменимым источни-
ком сведений для любых археоло-
гических начинаний в Помпеях.

*Витторио Спина-
ццола — второй сле-
ва на верхнем
снимке — задает
обед в летней сто-
ловой "Дома мора-
листа". Стены
комнаты украшают
надписи с различны-
ми увещаниями и
наказаниями. На
снимке справа пока-
заны предметы обы-
хода, изначально
находившиеся на
столе.*

*Члены Итальян-
ской Комиссии по
Изобразительным
Искусствам осмат-
ривают в 1910 г.
расчищенный уча-
сток Виа
дель'Аббонданца
(слева). На стене
слева видна древняя
надпись.*

величайшей заслугой короля следует признать то, что он назначил руководителем этих работ Джузеппе Фиорелли. Фиорелли, опытный археолог, написавший историю Помпей, оставался при этой должности вплоть до 1875 г.

Его подход отличался крайней строгостью и упорядоченностью. Начав с Помпей, ученый принялся удалять из раскопа огромные завалы мусора, накопившиеся в ходе предыдущих работ. Затем он внедрил дренажную систему для стока дождевой воды, явно ускорявшей разрушение раскопанных сооружений. Отследив расположение городских стен, он составил карту города и разделил весь раскоп на участки, — или по-латыни *regiones*, — обозначив отдельные блоки и старательно пронумеровав дома в логическом порядке. В ходе работ он следил за тем, чтобы каждый вновь найденный предмет получал должное описание, учитывавшее не только его внешние черты и назначение, но также его расположение и отношение к другим предметам. Везде, где это было возможно, новые находки оставляли на своем месте, вместо того чтобы сразу увозить в какой-нибудь музей или хранилище.

По мере того, как накапливалось множество фрагментов, которые благодаря аналитическим методам удавалось сложить воедино, — прошлое, высвобождаясь из-под гнета небытия, понемногу оживало. Поскольку смерть напала на города и поместья внезапно, тлен времени едва коснулся их, и теперь они возвращались к жизни почти в полной сохранности. Фиорелли показал, что это вполне возможно, и многие талантливые археологи последовали его примеру. Их усилиями миру открылась потрясающая драма, тем больнее задевающая за живое, что в ней трагичным образом переплелись приметы земного бытия и апокалиптический ужас.

В Помпеях находили яйца и рыбу, до сих пор лежавшие на столе. В горшках все еще находились мясные косточки, а в лавках валялись засохшие луковицы, бобы, оливки и фиги. В комнатах обнаруживали разнообразные хозяйственные принадлежности, расставленные в привычном для хозяев порядке. Там же нашли уйму предметов личного обихода — украшений, притираний и мазей, благоуханий, бронзовых зеркал, гребней из слоновой кости, оберегов и талисманов “на счастье”. Геркуланум поведал ту же историю повседневной жизни, застигнутой посреди забот и навсегда замершей. На одном из столов лежали хлеб, зелень, пироги и плоды; на торговом прилавке были разбросаны орехи; где-то сохранились веревки и рыбацкие сети; а там, где в роковой день распаковывали привозную стеклянную утварь, до сих пор лежала солома.

Эта настенная роспись — сохранившаяся под слоем засыпавшего Помпеи пепла и откопанная наряду со множеством других, подобных ей, — изображает предметы повседневного быта. Среди кухонной утвари — оловянная посуда, амфора, прислоненная к столу. Дрозды явно приготовлены для варки, а плоское блюдо с яйцами зловеще напоминает настоящее блюдо, сохранившееся нетронутым под обломками (врезка справа).

На свой лад слышались и голоса. Стены домов в Помпеях были испещрены надписями-граффити¹⁹. Это были любовные весточки ("Ткач Суксесс любит Ириду, рабыню трактирщика"), личные нападки ("Самый Корнелию: ступай и удавись"), отвлеченные размышления ("Не может быть порядочным человеком тот, кто не любил женщины") и многие другие сообщения частного и общего характера.

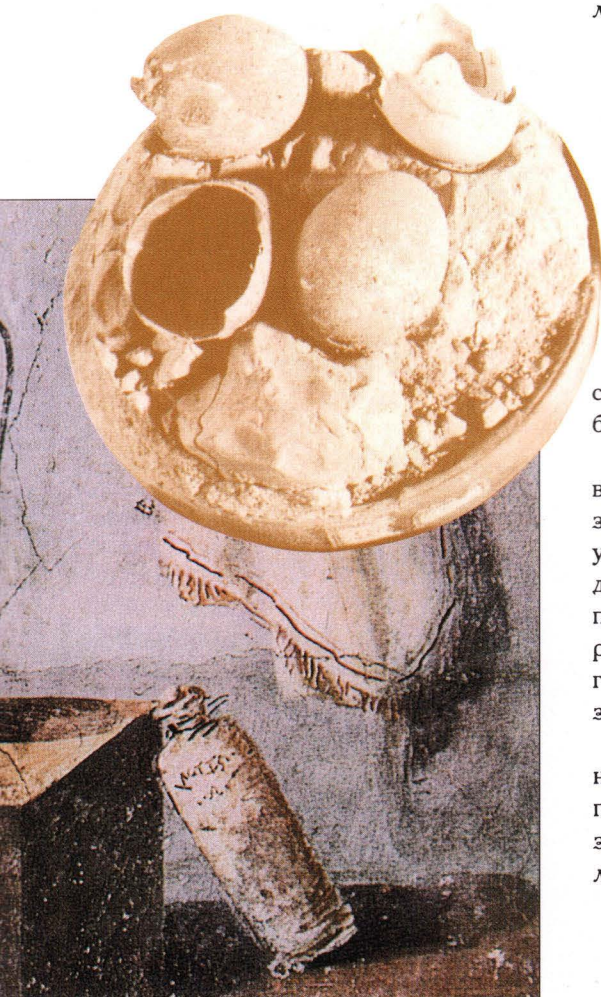
Наконец, нашлись и сами люди. Тот способ, каким их удалось вызвать из небытия, до сих пор кажется почти магическим.

Вскоре после вступления в должность Фиорелли сосредоточился на размышлениях о вулканическом пепле. Слетая с небес, он принимал очертания всех тех предметов, на которые оседал. Он забивался в волосы жертв, проникал в складки их одежды, окутывал руки, прижимавшие к груди детские тела, припорошивал рты, застывшие в предсмертном вдохе, облеплял скрученные агонией пальцы. Из опыта предыдущих раскопок он знал, что этот пепел, вначале мягкий, затем был увлажнен дождями, пролившимися вслед за извержением, а потом высох и затвердел. А такой ход мысли был чреват весьма любопытной возможностью.

Коллега Фиорелли, побывавший в Помпеях в 1863 г., рассказывал, что открытие произошло в феврале того же года, когда во время раскопок кто-то из рабочих неосторожным ударом кирки проломил отверстие в холме. "Синьор Фиорелли заметил, что полость достаточно велика. Он давно уже догадывался, что где-то среди развалин города, погребены человеческие тела. Сами останки, должно быть, давно истлели, оставив свои отпечатки в окутавшем их прахе. Поэтому он велел залить в отверстие очень жидкий раствор сернокислой извести. Когда по истечении некоторого времени гипс затвердел и напластования пепла удалили, под ними обнаружилась отлитая человеческая фигура. Ее сходство с настоящим телом было столь велико, что от одного взгляда на призрак бросало в дрожь.

По мере того, как с помощью того же метода "появлялись" все новые жертвы, ожившие подробности гибели Помпей все больше завораживали своим осязаемым трагизмом. Слепки запечатлели весь ужас и отчаяние той давней катастрофы, навеки остановив мгновение: до сих пор женщина держит на руках младенца, а две девочки цепляются за край ее одежды. Молодой мужчина с женщиной лежат рядом, словно только что упав на бегу. А за северными стенами города какой-то несчастный теряет равновесие, напрасно дергая козу за привязь.

Повсюду смерть застигала разом множество людей. В доме некоего Квинта Поппея замертво упали десять рабов, поднимавшихся по лестнице в верхние покои; тот, кто шел первым, держал бронзовый светильник. В доме Публия Пакувия Прокула было раздавлено семеро детей, когда рухнул второй этаж, не выдержав тяжести

лавы. В здании, где велась виноторговля, тридцать четыре человека укрылись под сводчатым перекрытием, захватив с собой хлеба и плодов, чтобы переждать извержение, — но выбраться им было не суждено. В одном загородном поместье в погребе погибли восемнадцать взрослых и двое детей; а хозяин имения, сжимавший в руке серебряный ключ, умер снаружи дома, у садовой калитки, выходящей к полям. Подле него находился управляющий, который нес господские деньги и другие ценности.

Многие пытались спасти свое добро в тот момент, когда на землю налетело смертоносное пепельное облако. Хозяйку одного из особняков оно застигло возле дома: ее сопровождали три служанки, и вокруг тел были рассыпаны драгоценности и монеты. Около казарм, где жили гладиаторы, чей-то раб свалился с лошади, навьюченной одеждой и прочим полезным скарбом.

Эти застывшие личины смерти — начиная с первого слепка, созданного Джузеппе Фиорелли, и кончая теми девятью, что появились летом 1991 г. — не перестают потрясать воображение спустя столько веков. Едва ли найдется человек, способный остаться невозмутимым при виде этой чужой и столь давней трагедии. Археолог, рассказывавший об открытии Фиорелли 1863 г., прекрасно выразил это чувство, описывая слепок взрослого мужчины: одна рука “вытянута и крепко сжата в кулак, все члены словно окоченели в последних судорогах. Такая поза, как и выражение боли и ужаса, ясно различимое на лице этого несчастного, видимо, говорят о том, что он погибал, полностью осознавая, какая страшная участь ожидает его, и тщетно силился бороться с ней”. Но затем наступил тягчайший миг: он больше не мог дышать.

СМЕРТНЫЙ ЧАС

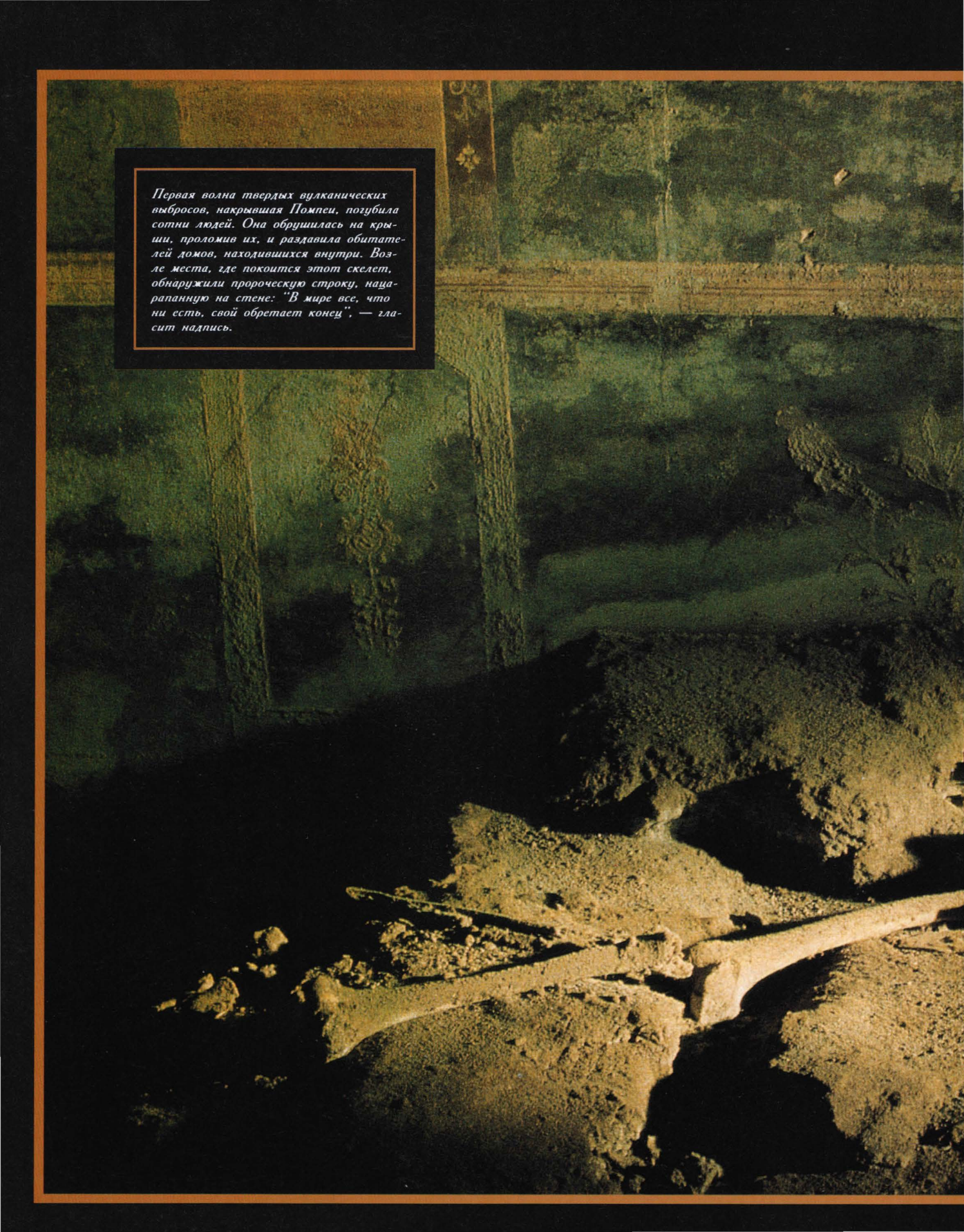
Среди тысяч страшных сцен, разыгравшихся в последние минуты существования Помпей, возможно, самой мучительной была последняя по времени. Когда разбушевался Везувий, некий человек, в надежде спасти и себя, и любимого пса, укрылся в жилище возле северных городских стен. Когда же опасность миновала, они оказались запертыми внутри здания, безнадежно заваленного пеплом. Так их убежище превратилось в тюрьму. Со временем их ожидал жуткий конец: человек медленно погибал от истощения, а его верный питомец, обезумев от голода, обгладывал мясо с костей хозяина.

Но эта душераздирающая история, пожалуй, исключение. Десятки жертв погибли мгновенно, когда только разразился град из раскаленных обломков вулканической пемзы. Сотни других вышли живыми из борьбы с мощным потоком камней, но задохнулись в клубах ядовитого газа и удушливого пепла, а их останки оказались погребены под толщей вулканических выбросов, продолжавших засыпать город.

Рассвирепевшая стихия, оказавшаяся роковой для граждан Помпей, в то же время даровала им своего рода бесмертие. От людей, поглощенных первыми лавинами пемзы

или попавших в образовавшиеся воздушные “ловушки”, остались лишь скелеты. Зато тончайший пепел сотворил со своей добычей настоящее чудо сохранности. Он обволакивал тела, запечатлевая мельчайшие подробности, и когда впоследствии этот покров затвердел, а сами трупы истлели, их формы по-прежнему сохранялись на внутренней поверхности образовавшихся пустот. Так археологам удалось, заливая пустоты различными вязкими растворами, а после их загустения разбивая не нужную более оболочку, создать подлинную галерею мертвых.

Зрелище это не оставляет равнодушных. Некоторые жертвы являют следы борьбы, которую они вели со смертью, другие же явно примирились с судьбой, почти спокойны. Многие, как и тот человек, чья голова показана на снимке, пытались спастись, дыша через сложенную ткань. Один мужчина, стоявший на страже, невозмутимо встретил смерть, упорно не желая покидать места службы. Но каковы бы ни были позы умерших, эти призраки смерти неизгладимы вот уже почти два тысячелетия, и многие из них до сих пор в отчаянии простирают руки, словно в безмолвной молитве.

The image shows a section of an ancient wall, likely from Pompeii, covered in a greenish-grey patina. A fresco is visible on the wall, depicting a figure in a dark, patterned garment. In the foreground, a large, broken bone, possibly a femur, lies on the ground, partially covered in ash or soil. The scene is dimly lit, with a strong light source from the right creating a bright highlight on the bone and the wall.

Первая волна твердых вулканических выбросов, накрывшая Помпеи, погубила сотни людей. Она обрушилась на крыши, проломив их, и раздавила обитателей домов, находившихся внутри. Возле места, где покоится этот скелет, обнаружили пророческую строку, нацарапанную на стене: "В мире все, что ни есть, свой обретает конец", — гласит надпись.

Эта собака, которую крепко держали ошейник и цепь, не смогла спастись от ливня камней, хлынувшего через открытый потолок атриума, подобно песку в перевернутых песочных часах. Пока гряда горячей пемзы росла, поднимаясь все выше, собака взбиралась на нее, насколько могла. Когда же длина цепи уже не пускала животное дальше, его окутало облако пепла.

Этот человек, скрываясь от града каменных обломков, поднимавшихся слой за слоем, решил искать спасения в ветвях высокого дерева. Но эта стратегия была обречена на неудачу: уже через несколько секунд его обволокло ядовитое облако. На слепке видно, что несчастный продолжал крепко сжимать ногами обломок ветки, не выдержавшей его веса.

Смерть застигла старика-попрошайку (возле него нашли суму, в которую он собирал подаяние), когда он бежал в сторону моря через южные городские ворота. Сандалии на его ногах были чересчур хороши для нищего — вероятно, подарок сердобольных граждан или, быть может, покупка, сделанная в последний момент.

Слепки взрослого мужчины (наверху) и маленького мальчика (внизу) удивляют обманчивым спокойствием, как будто они просто перешли от обычного сна к вечному. Их позы, выражения лиц, даже складки их одежды все так же отчетливо видны спустя девятнадцать с лишним веков.

Слуга с тяжелой поклажей — мешком еды — погиб, ведя за собой двух мальчиков и их мать. Они пробирались через слепящий вихрь черного дыма, сквозь зыбучую трясику гравия. Поблизости были найдены кусок черепицы и какая-то железка. Наверное, дети прикрывались ими от падающих камней.

Силась дотянуться до жены и ребенка, рухнувших наземь, мужчина сумел несколько приподняться и в этом сгорбленном положении задохнулся гибельными испарениями. "Все уничтожил огонь и засыпал пепел унылый, — сетовал римский поэт Марциал. — Даже и боги такой мощи не рады своей"²⁰.

СКВОЗЬ ВЕКА, ШУМ ЖИЗНИ

Почти за сто лет до того, как поразительные слепки жертв Везувия, выполненные Джузеппе Фиорелли, пробудили широкий интерес к человеческой стороне помпейской трагедии, — обнаруженные в одном конкретном месте скелетные останки возбудили любопытство даже самых беспринципных грабителей среди археологов того века. Находка обнаружилась зимой 1767—68 гг., во время затяжных пробных раскопок. Рабочие расчищали строение, некогда служившее своего рода казармой для гладиаторов — обученных бойцов, доставлявших весьма жестокое зрелище гражданам, сражаясь друг с другом и с дикими зверями на арене помпейского амфитеатра. Большинство избрали эту долю, чтобы выкарабкаться из нищеты; иные были узниками войны, рабами или неоплатными должниками, а кое-кто — осужденными преступниками.

Это были матерые силачи, изощренные в ремесле убийства, закаленные сознанием того, что в любой день могут кончить свою жизнь на арене, извиваясь в агонии на увлажненном кровью песке, под восторженный рев тысяч зрителей. Однако многих из них смерть застигла совершенно неожиданным способом, даже лишив их возможности напоследок сразиться.

Копая возле юго-восточного угла строения и уже переходя к его восточной стороне, рабочие вдруг натолкнулись на множество скелетов (всего же их оказалось более пятидесяти). Среди этих людей, застигнутых бедствием врасплох, двое несчастных так и остались прикованными цепями к стенам казармы. Но оказался среди них и некто из совсем иных общественных слоев: это была женщина, по

Ряды стройных колонн по-прежнему возвышаются среди развалин гладиаторских казарм в Помпеях, где жили эти отважнейшие бойцы и городские народные любимцы. Среди руин нашли бронзовый шлем (слева наверху) и наголенник (справа внизу), щедро украшенные рельефными изображениями.

всей видимости, богатая и знатная. Кости, оставшиеся от нее, до сих пор украшали жемчуга, кольца и прочие дорогие украшения.

Была ли это щедрая благотельница, опекавшая сразу нескольких бойцов и застигнутая гибелью во время обычного визита к своим подопечным? Или она навещала в ту роковую ночь своего любимчика? Едва ли здесь годилось “романтическое” объяснение такой встречи, — особенно после того, как позднейшие раскопки обнажили граффити, свидетельствующие о чрезвычайном успехе гладиаторов среди женщин. “По фракийцу Каладу вздыхают все девушки”, — гласила одна из этих надписей. В другом месте было найдено: “Ретирий²¹ Кресцент завоевал сердца всех девушек”. Но в конце концов ученые склонились к менее щекотливому толкованию причины, по которой здесь очутилась женщина. Казармы располагались неподалеку от городских ворот, выходивших в сторону Сарна. Когда в ту ночь 24 августа Везувий начал изрыгать пламя, в этом направлении устремилось множество людей. Они стали забиваться под любую крышу, какая попадалась им по пути, готовясь бежать к воде, если вулкан не утихнет. Вполне возможно, что эта изысканно одетая женщина просто принадлежала к многочисленной толпе беженцев.

Но в силу каких причин она там ни оказалась, эта находка еще раз продемонстрировала, сколь беспримечное чудо явили Помпеи, остановив само время и с фотографической документальностью сохранив подробности тех отчаянных мгновений многовековой давности. И хотя те, кому выпало раскопать это таинственное свидетельство прошлого, вскоре возвратились в поисках наживы, — это открытие стало предвестником археологического будущего. Начиная с XIX века и по нынешний день исследователи уже рассматривают Помпеи не просто

На карте, представленной ниже, показаны внешние стены Помпей и раскопанные участки города, в том числе прямоугольные жилые кварталы, разделенные узкими улочками, и широкие главные улицы, которые в совокупности образуют “решетку” — подражание планировке греческих полисов. Ниже приведен ключ к нумерации, которой на карте обозначены тридцать пять важнейших зданий и других объектов.

- 1 ДОМ ЛУЦИЯ ЦЕЦИЛИЯ ЮКУНДА
- 2 ДОМ МОРАЛИСТА
- 3 ДОМ ЮЛИИ ФЕЛИКС
- 4 ДОМ ВЕТТИЕВ
- 5 ДОМ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ
- 6 ДОМ ФАВНА
- 7 ДОМ МЕНАНДРА
- 8 ДОМ ЛОРЕЯ ТИБУРТИНА
- 9 ДОМ ХИРУРГА
- 10 ДОМ СТАРИННОЙ ОХОТЫ
- 11 ДОМ ЛУЦИЯ ЦЕЯ СЕКУНДА
- 12 ВИЛЛА ЦИЦЕРОНА

- 13 ВИЛЛА МИСТЕРИЙ
- 14 ХРАМ АПОЛЛОНА
- 15 ХРАМ ЮПИТЕРА
- 16 ХРАМ ИСИДЫ
- 17 ХРАМ ФОРТУНЫ АВГУСТЫ
- 18 ХРАМ ЛАРОВ
- 19 ХРАМ ВЕНЕРЫ
- 20 ХРАМ ВЕСПАСИАНА
- 21 ДОРИЙСКИЙ ХРАМ
- 22 КАЗАРМЫ ГЛАДИАТОРОВ
- 23 ФОРУМ
- 24 БАЗИЛИКА
- 25 СООРУЖЕНИЕ ЕВМАХИИ
- 26 МЯСНОЙ РЫНОК
- 27 АМФИТЕАТР
- 28 МАЛЫЙ ТЕАТР
- 29 БОЛЬШОЙ ТЕАТР
- 30 СТАБИЙСКИЕ БАНИ
- 31 БАНИ ПРИ ФОРУМЕ
- 32 БОЛЬШАЯ ПАЛЕСТРА
- 33 МАЛАЯ ПАЛЕСТРА
- 34 ЦЕНТРАЛЬНЫЕ БАНИ
- 35 ТРЕУГОЛЬНЫЙ ФОРУМ

как сокровищницу скульптур и мозаик, но как живой город. Многие ученые посвящали все свои научные труды вопросам, чем жили помпеяне, как они управляли городом, поклонялись богам, общались между собой, развлекались, выполняли всевозможные повседневные дела — от закупки товаров до посещения бани. Археологи совершали настоящие чудеса, нить за нитью восстанавливая сложную ткань города: улицы, рыночные площади, театры, храмы, харчевни, — все, что составляло канву древнеримской городской жизни. Мало-помалу они собрали из кусочков на диво обстоятельную картину Помпей в период расцвета — картину, которая значительно углубила научное понимание классической древности.

Первым, кто задался целью сохранить этот древний город в его первозданном виде, был, разумеется, Фиорелли. Если бы не его старания, город могли бы разорить дотла, растащив все его богатства и навсегда загубив славу и величие замерших лавок, домов и улиц. В значительной мере ученому удалось и подготовить почву для своих преемников. В числе его первых последователей был немецкий археолог Август Мау, сделавший необычайно много для того, чтобы воскресить безжизненный остов Помпей и вернуть городу его былую историю.

Мау, работавший в помпейском раскопе в течение последней четверти XIX века, исследовал строительные материалы древних городских зданий и внимательно изучал украшавшие их детали, стараясь выделить основные архитектурные стили, связанные с определенными историческими периодами. Например, он проследил за применением в строительстве такой вулканической породы, как серый туф, и установил, что этот тип камня преобладает в сооружениях, возведенных во II веке до н.э. Воспользовавшись выдвинутыми Мау стилистическими критериями, другие исследователи разработали различные системы датировки, показавшие, как росли и изменялись Помпеи на протяжении своей многовековой истории. Кроме того, Мау начертил план почти каждого из крупных городских строений и усовершенствовал созданную Фиорелли карту помпейских улиц. Среди наиболее весомых научных заслуг Мау — его исследование предметного содержания цветных настенных росписей в Помпеях.

Мау затрагивал самые разные вопросы, выпуская результаты своих исследований в специальных бюллетенях, которые издавались за счет Германского Археологического института. Его труд *Помпеи: жизнь и искусство* — своеобразный пересмотр более ранней работы на ту же тему Дж. А. Овербека — одна из замечательнейших книг, посвященных данному предмету, которую продолжают переиздавать почти сто лет спустя. К великому разочарованию Мау, его изнурительный труд так и не завоевал должного признания со стороны начальства, обделявшего ученого высокими постами. Но отрицать его

заслуги было невозможно. обстоятельно проследив развитие поселения со времени его основания, Мау к тому же первым воссоздал убедительный образ Помпей накануне извержения Везувия.

После того, как Мау и другие ученые пролили значительный свет на историю Помпей, и уклад их повседневной жизни представлялся уже яснее, — город-призрак начал пробуждать людское воображение. Казалось, среди камней можно расслышать биение хозяйственного “пульса” общины. Развалины чуть не в голос заявляли о средиземноморском темпераменте здешних жителей. Так Помпеи понемногу обретали прежний свой лик — подвижный, красноречивый, порой жестокий.

При римлянах Помпеи переживали особый расцвет: городу благоприятствовала природа и на славу служили граждане. Круглый год по Сарну сновали суда с грузами, привозившие одни товары и увозившие в чужие края другие. Благодаря морской торговле Помпеи обрели космополитический характер, однако большей части своих богатств они были обязаны сельскому хозяйству. За городскими стенами, по широким полям бродили огромные стада овец — залог процветающей шерстопрядильной промышленности. Чуть севернее по склонам Везувия стелились заботливо высаженные ряды виноградных лоз: здешние сладкие вина славились на всю область. Еще выше, владельцы поместий выращивали маслины. Часть сразу продавали, но большинство урожая шло на приготовление масла. Об этом свидетельствуют даильни, обнаруженные как в поместьях, так и в самом городе.

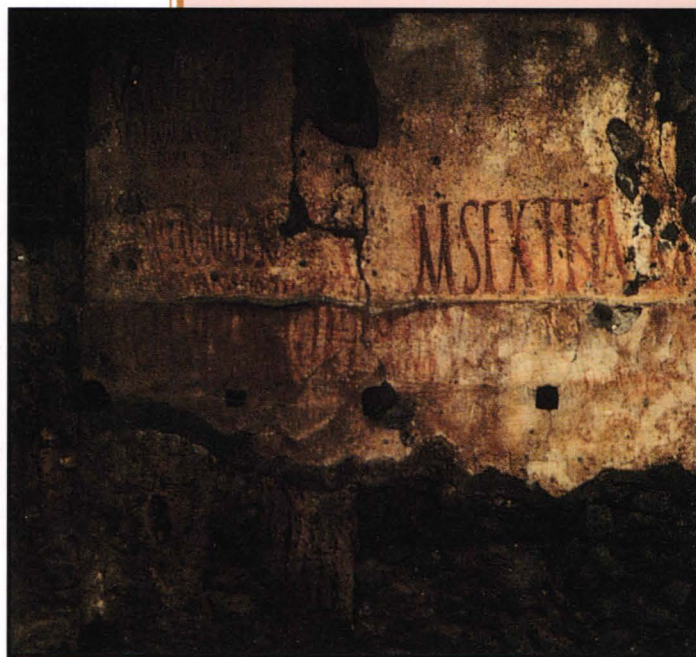
Римская страсть к строительству наложила свою печать и на эту пастушескую местность. Через поля тянулся сводчатый каменный водопровод. Он брал начало у горных источников, в 25 милях к востоку, и потом разделялся надвое: один акведук уводил на северо-запад, к Неаполю, а другой — к Помпеям, проникая в город с его северной стороны. Водопровод снабжал город большим запасом воды для многочисленных уличных фонтанов, а также для *терм*, или горячих бань²², — этой неотъемлемой части общественной жизни древних римлян. Прежде основным источником воды служили колодцы, вырытые в доримские времена. Они продолжали действовать и в эпоху империи, дополняя водопроводные запасы. Более десятка водонапорных башен, разбросанных по всему городу, служили резервуарами для акведука. Под давлением, создавшимся внутри стремительного потока с далеких гор, вода поднималась по трубам вверх — в баки на вершине башен, большинство которых достигало почти двадцати футов в высоту. Разбегаясь от туда по ряду мелких труб, вода попадала в разные концы

ГРАФФИТИ: ЖИВЫЕ ЛЮДСКИЕ ГОЛОСА

“Ромула была здесь со Стафилом”.
“О Хиосец, пусть лопнут твои прыщи, а зловонные язвы пусть жгут тебя еще сильнее!” “Отдавайте голоса за Луция Попидия Сабина. Его бабка изрядно потрудилась перед последними выборами и осталась довольна исходом.” “Доброго здоровья тем, кто позовет меня на обед”.

Подобные граффити и тысячи других, в самых безумных переплетениях, обнаружили археологи повсюду в Помпеях. Повсеместные надписи такого рода, нацарапанные на стенах, явно играли важную роль в жизни города и были всенародным достоянием. Из шести тысяч общественных надписей, найденных в городе, добрую половину составляют граффити — личные послания, чей тон разнится от нежных просьб или проклятий до прочувствованных панегириков. Посланий этих было и впрямь так много, что один *scriptor*²³ даже написал:

О стена! Я дивлюсь, что
стольких злобу писавших
Выдержав, до сих пор наземь не
рухнула ты.

Слово *graffiti* происходит от итальянского глагола, означающего "царапать". Ведь помпеяне именно процарапывали свои послания на оштукатуренных и побеленных стенах. Для этого они пользовались особой палочкой — стилем — или просто гвоздем или щепкой. Большинство обычных граффити были сугубо личными сообщениями: рабы жаловались на своих господ, волокиты делились любовными переживаниями. Изрядная образованность и тонкий юмор шли рука об руку с разнузданной грубостью. Когда ревнивый ухажер сетует: "Нет больше никаких сомнений — моя Ромула путалась здесь с любовником", — читатель как будто слышит тяжкий вздох за его досадливым признанием. Так, в обыденных и незатейливых весточках, сами стены Помпей рассказывают много любопытного о построивших их людях.

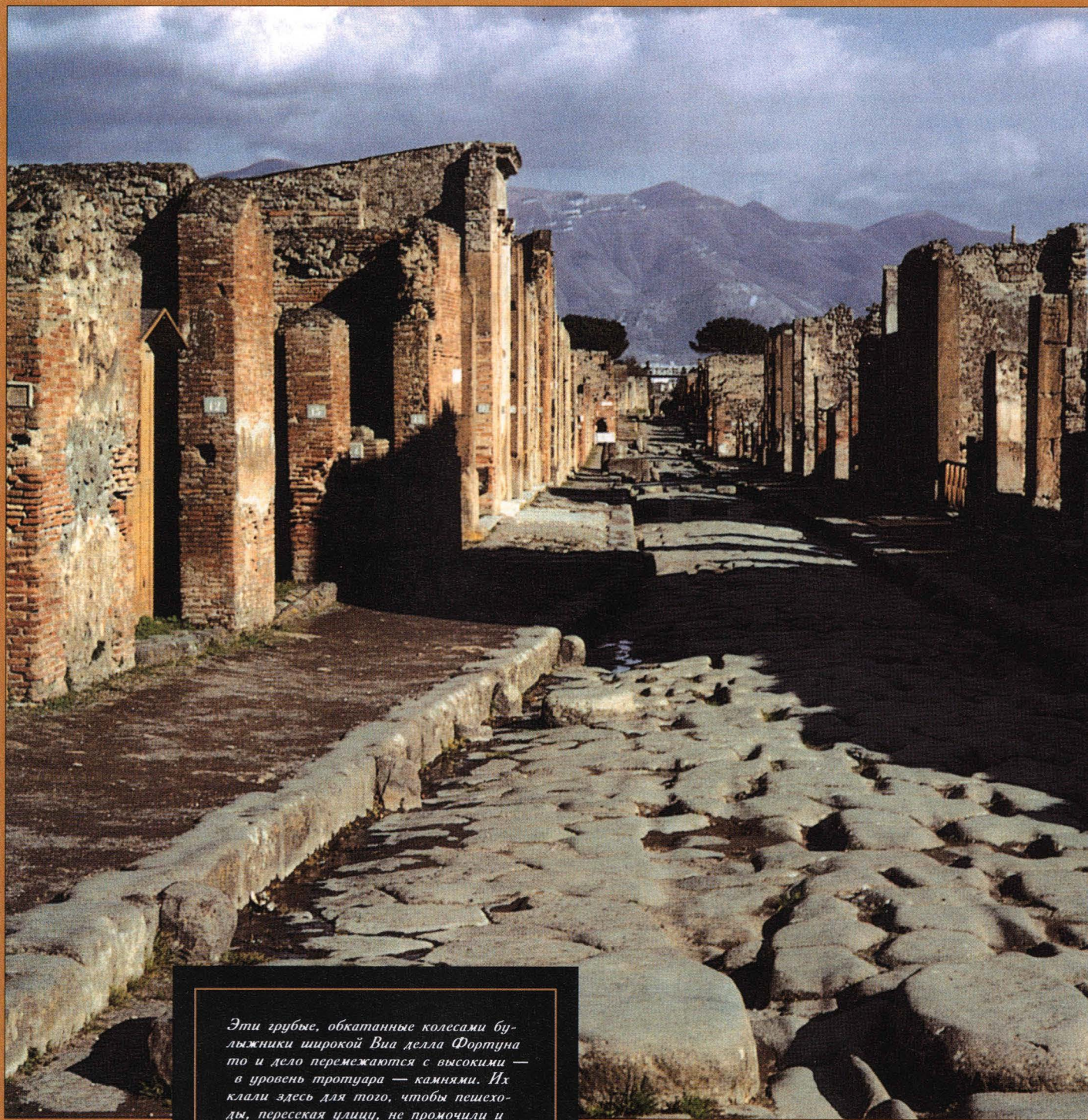
В отличие от большинства граффити, нацарапанных на стенах общественных зданий, это официальное сообщение (заметна лишь его часть) была сделана красной краской. Такое же красящее вещество сохранилось в глиняном горшочке, показанном на врезке справа внизу. Другие, менее официальные знаки призывали прохожих не уродовать частные дома и не превращать улицы в уборные.

города и была из множества фонтанов. Эта хитроумная система весьма впечатлила Мау, и он предположил, что вода, должно быть, в изобилии текла в любом доме. На самом же деле количество воды порой было ограничено, и большинству семей — даже самым богатым — приходилось рассчитывать в качестве источника свежей воды на десятки общественных фонтанов. Кроме того, дождевую воду, стекавшую по желобам с крыш, собирали в покрытые изнутри слоем цемента особые цистерны, которые стояли возле общественных зданий, под перекрытиями портиков. В частных домах тоже имелись водоемы для сбора дождевой влаги.

Наиболее оживленный въезд в город находился на севере — то есть со стороны Неаполя и Рима. Отсюда Помпеи производили впечатление прекрасно укрепленного города: войти внутрь городских стен можно было через монументальные Геркуланские и Везувийские ворота, местами достигавшие 30 футов в высоту, между которыми возвышались три квадратные башни. В иных же местах, вокруг города было расставлено еще десять башен стратегического значения, которые высились на гребне крепостного вала. Сами оборонительные стены были возведены из земли пополам с булыжником, а снаружи облицованы грубо высеченными глыбами известняка и вулканической породы. Эти окружные укрепления, сооруженные, вероятно, в III в. до н.э., некогда полностью охватывали все 160 акров отлогой земли Помпей. За исключением участка между двумя северо-западными воротами, каменщики, возводившие стены, следовали за естественным откосом местности. Этот крутой обрыв образовался в давнюю геологическую эпоху, когда густая полоса расплавленной лавы, наподобие огромного длинного языка сползавшая с вершины вулкана, затвердела, успев охладиться по пути.

На страже города расположились еще шесть ворот. В их числе были узкие Стабийские ворота (древнейший вход), обращенные к югу и предваренные старинным рвом, и Приморские ворота (Porta Marina) с бочкообразным сводом, где открывался доступ со стороны Сарна к крутому скату и лестнице. По вечерам ворота захлопывались, по утрам — распахивались. Со временем этот заведенный порядок превратился просто в дань обычаям, лишь задавая дневной темп жизни помпеян. Но в более раннюю эпоху такие меры предосторожности были вполне обоснованы, и не раз мощные стены с их крепкими воротами защищали жителей города от нападений. Следы ущерба, нанесенного во время осады Помпей римским полководцем Суллой в 89 г. до н.э., до сих пор видны на облицовочных плитах стен, особенно возле Везувийских ворот. После того, как Рим установил свою безоговорочную власть над всем Аппенинским полуостровом, укрепления перестали выполнять военное назначение. А поскольку Помпеи вскоре превратились в излюбленное место отставных военных и богатых римлян, некоторые участки стены были и вовсе снесены в целях расширения границ.

Эти грубые, обкатанные колесами булыжники широкой Виа дела Фортуна то и дело перемежаются с высокими — в уровень тротуара — камнями. Их клали здесь для того, чтобы пешеходы, пересекая улицу, не промочили и не выпачкали в навозе ноги. Справа видны руины храма Фортуны Августы — большого святилища, давшего улице ее название.

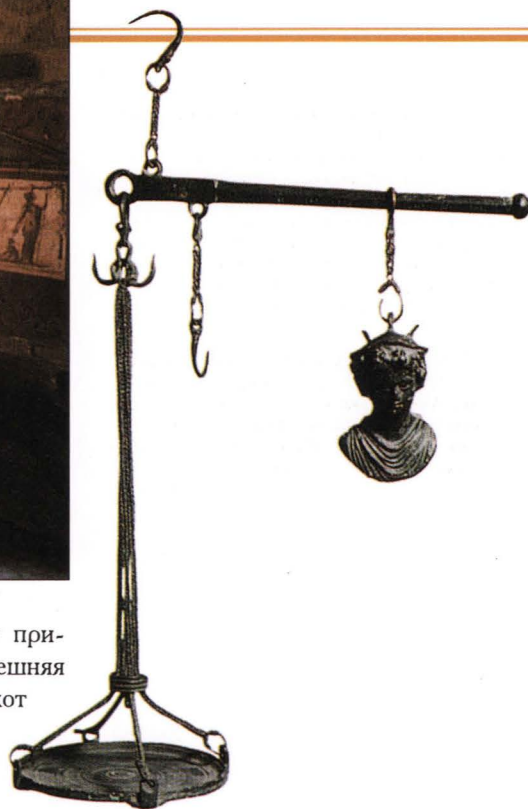

Разумеется, археологи сосредоточили внимание на многочисленных зданиях и памятниках, находившихся в пределах этих крепостных стен. По мере того, как раскопки города продвигались все дальше, опознавательную задачу значительно облегчали надписи — по сути дела, уже готовые “ярлыки”. Как это было принято во всем подвластном Риму мире, такие памятные надписи нередко были весьма многословны: в них указывалось название, назначение, дата возведения данного сооружения и имя человека, на чьи деньги оно было построено. Иногда даже обновление существующих зданий сопровождалось обильными пояснениями. Когда возле храма Аполлона выросла стена, заслонившая проход с колоннадой — каковая преграждала вид из окон примыкавших домов, — то вместе со стеной появилась и надпись. Она называла не только имена двух мелких выборных чиновников, причастных к строительству, но и “отчитывалась” в трех тысячах сестерциев, внесенных ими в пользу городского совета и дававшим право “заграждать свет” и строить “до черепиц”, то есть до высоты крыш.

Пришельцу, посетившему Помпеи впервые, планировка города, на которую столь сильный отпечаток наложила его долгая история, показалась бы запутанной. Как обнаружил в 1860-х гг. Фиорелли, беспорядочное расположение улиц преобладало в наиболее древних кварталах города, на юго-западе. Как установили археологи, эти районы построили в IV в. до н.э. самниты, подчинившие себе туземные племена осков. Самниты, ограниченные в градостроительстве естественными очертаниями местности, имевшей вулканическое происхождение, возвели треугольный форум, от которого беспорядочно разбегались кривые дороги. Позднейшее расширение города проводилось уже согласно стандартам эллинистической застройки: отныне план его складывался в строгую решетку улиц с вытянутыми в длину жилыми кварталами, которые римляне называли *инсулами*, или “островами”.

Во всех концах города улицы с менее оживленным движением достигали в ширину не более 15 футов, вместе с тротуарами. Строительство таких узких улочек было мудрым ходом, учитывая зной средиземноморского солнца: поверхность тротуаров и проезжей части, тщательно вымощенная обтесанными плитами базальтовой лавы, находилась почти все время в тени, что позволяло избежать перегрева. Жару смягчал и морской ветер, начинавший дуть около десяти часов утра и прекращавшийся далеко за полдень.

Город пересекали насквозь пять или шесть главных дорог. Движение с северо-запада устремлялось по двум широким искривленным улицам — Виа Консоларе и Виа Стабиана. Первая, совершая несколько резких поворотов, вела от Геркуланских ворот к храму Юпитера, находящемуся в северной части главного городского форума. Вторая улица, бравшая начало у Везувийских ворот, пересекала город надвое с северо-запада на юго-восток и заканчивалась на юге у низко расположенных Стабийских ворот. Виа Стабиана — иначе говоря,

Стабийская улица — почти по всей длине сохранявшая ширину примерно в 26 футов, была основной дорогой, по которой шла внешняя торговля с северными городами; здесь ни на миг не затихал грохот телег. Вozы, направлявшиеся на юг, проезжали примерно через равные промежутки Виа ди Нола (Ноланскую улицу) и Виа дель'Аббонданца ("улицу Изобилия"), также достигавшие в ширину 26 футов. (Многие из этих названий, присвоенных улицам археологами, соотнесены либо с именами других городов, к которым ведут эти улицы, либо с какими-то их отличительными чертами; так, вдоль Виа дель'Аббонданца тянулся длинный ряд торговых лавок.) За долгие века от непрестанной езды в мостовых этих просторных "проспектов" образовались колеи глубиной до десяти дюймов. В других частях города извозное движение было ограничено; многие боковые улочки были отведены исключительно для пешеходов.

В начале XX века Витторио Спинаццола — самый деятельный из руководителей раскопками в Помпеях со времен Фиорелли — задался честолюбивой целью восстановить всю Виа дель'Аббонданца, которую вот уже с 1830-х гг. то и дело принимались раскапывать, но довольно беспорядочно. По словам одного очевидца, Спинаццола обзиревал раскопки, словно это был какой-то "археологический театр". Как и Август Мау, он усматривал в своей работе не столько сухой научный поиск, сколько возможность воссоздать подлинное античное окружение. Он приступил к раскопкам Улицы Изобилия в 1910 г. и посвятил им тринадцать лет. И труд этот оказался настолько велик, что прошло еще двенадцать лет, прежде чем его преемник Амедео Маййори смог закончить работы. Это произошло лишь в 1935 г.

Следуя установившейся традиции, археологи изучали древние развалины в направлении сверху вниз, удаляя один слой за другим и так продвигаясь в глубь веков. Спинаццола же продемонстрировал, что возможно двигаться и в обратном направлении. Он описал свои

На оживленной Виа дель'Аббонданца находился термополий — лавочка, где можно было быстро перекусить чего-нибудь горячего. Там располагались каменные стойки с отверстиями, куда ставили глиняные горшки с теплой едой или питьем, — что-то вроде парового стола на античный лад (дальний левый угол). В ближнем левом углу показаны бронзовые весы с головой Меркурия вместо противовеса.

Эти четыре круглых мельницы, перемалывавшие зерно в муку, стоят возле кирпичной печи в бывшей пекарне Модеста. В Помпеях подобных заведений было очень много. Внутри печи нашли 81 каравай хлеба в точности, как этот, что показан ниже.

методы в трех роскошно иллюстрированных томах и объяснил, как можно опознать фрагменты кровельной черепицы, стен и балконов, некогда составлявших второй этаж здания, и как их следует сложить воедино, дабы полностью воссоздать фасад дома таким, каков он был до извержения вулкана и своего крушения. Члены археологической группы Спинаццола, фотографировавшие процесс раскопок в разных стадиях, вскоре уяснили основные приемы античного строительного дела, так что при первом взгляде на груды обломков они уже мысленно составляли из них искомое целое. Постепенно Виа дель'Аббонданца представляла во всем своем многообразии: здесь соседствовали между собой частные дома, харчевни, пекарни, зеленные лавки, ремесленные мастерские и прочие заведения. Когда эта мощная городская магистраль была полностью восстановлена, — казалось, здесь вновь возникли образы, звуки и запахи иной эпохи.

Легко вообразить себе толпы людей, в любую погоду прогуливавшихся по этой главной улице. Если вдруг принимался лить дождь, они тут же находили укрытие под первым попавшимся балконом, выступом или в каком-нибудь портике (некоторые из них Спинаццола восстановил). Поскольку Помпеям явно недоставало водоотвода на случай гроз, после сильного ливня потоки дождевой воды превращали городские улицы в маленькие речки. Правда, тротуары, приподнятые над уровнем проезжей части,

позволяли прохожим сохранять ноги сухими и не давали воде добраться до дверей лавок и просочиться внутрь. Они служили верную службу и в сухие дни, так как сточные воды и мусор, скапливавшиеся в канавах — а их “границы” оставались весьма размытыми, — постоянно досаждали пешеходам. Переходили улицу, как правило, на перекрестках: там специально для этой цели были положены большие камни, выступавшие из мостовой на ту же высоту, что и тротуар. Камни эти располагались так, что между ними беспрепятственно проезжали колеса возов и телег.

Лавки на Виа дель’Аббонданца и других улицах нередко занимали часть жилого дома. Иногда они сдавались внаем, а иногда делами в них заправлял сам домовладелец. Хотя многие такие заведения были довольно просторны, иные больше походили на конуру, восемь на десять футов или даже того меньше. На ночь они закрывались, прячась за дощатыми ставнями. Обычно лавка состояла из широкого прилавка напротив входа. Часто прилавок был отделан мрамором, в нем были проделаны выемки для терракотовых сосудов. В “закусочных”, как правило, подавалось два-три основных блюда — вино, мясо, козий сыр, или же сухие лакомства вроде чечевицы или орехов. Помпеяне победнее, у которых зачастую вовсе не было кухонной утвари, приходили поесть именно в такие “забегаловки” по соседству с домом. В одной из них, на Виа дель’Аббонданца, наверное, на славу готовили бобы и чечевичную похлебку: в ходе раскопок там обнаружили глубокие глиняные кувшины, в которых хранили подобное варево.

Мастерские встречались не столь часто, хотя, раскапывая город, археологи то здесь, то там натыкались на вывески стеклодувов, бронзовщиков, кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров. Гончарная мастерская за Геркуланскими воротами была оснащена двумя печами для обжига готовых изделий; там же обнаружили целый набор посуды, в том числе кувшины в форме петухов и рыб. Лавчонка неподалеку от Виа дель’Аббонданца торговала скобяными товарами, причем, как установили археологи, простейшие изделия были местного изготовления. Впрочем, и привозного добра было немало: некоторые горшки, котлы и прочая домашняя утварь были завезены сюда из Испании, Малой Азии и из Эгейского бассейна.

По всему городу работали *пистрины*, или пекарни. Всего в Помпеях было не менее тридцати пекарен, и в двадцати из них имелись собственные мельницы (с виду напоминавшие гигантские песочные часы) и каменные печи. Для вращения мельничных жерновов и ежедневного обмолота хлеба использовался труд ослов или рабов. (Римский государственный деятель Катон²⁴, известный своей скаредностью, советовал покупать жернова именно в Помпеях — видимо, потому, что местность изобиловала вулканическим камнем, который шел на их изготовление.) Чаще всего пекари выпекали хлеба в виде плоских круглых караваев с вдавленными бороздками, так чтобы они легко разламывались на восемь ломтей-сегментов (как мы сегодня делим пирог). Но

Прихотливые стенные росписи из Дома Веттиев символически изображают помпейские ремесла в виде хлопотливых купидонов. Наверху купидоны изготавливают оливковое масло: двое орудуют прессом (в правом углу); те, что в середине, нагревают и помешивают масло в котлах; а малыши в левом углу складывают и продают готовый товар. На нижнем панно купидончики работают златокузнецами. Двое (справа) смотрят за плавильным горном, двое других (слева) трудятся за наковальней, еще один стучит молоточком по почти готовому кубку, а купидон-продавец взвешивает на ручных весах украшение.

археологи обнаружили и другие формы для выпечки: из них выходили настоящие скульптуры из теста — в виде причудливых грифонов и прочих диковин. Одна пекарня даже торговала собачьими галетами собственной “марки”. В другой лавке, на стене красовалась надпись, где перечислялись товары и их цена в *ассах* (мелкая монетка). Причем это заведение не ограничивалось только продажей выпечки: там торговали еще и маслом, сеном, отрубями и цветочными венками. Венки надевали в виде ожерелий во время всевозможных праздников, которыми столь богат древнеримский календарь.

Своим западным концом *Виа дель'Аббонданца* выходила на главный форум — прямоугольную площадь, в длину достигавшую почти пятисот футов, а в ширину более ста пятидесяти. Форум являлся средоточием городской жизни и, помимо прочего, еженедельно превращался в рынок. Будучи древнейшей частью Помпей, возникновение которой восходило к их ранней истории, форум подвергся перепланировке и обновлению в конце II века до н. э. Сюда допускался только пеший люд: путь колесницам и повозкам преграждали три вертикально поставленные каменные глыбы в начале *Виа дель'Аббонданца*.

Здесь, как и во всем средиземноморском мире, форум был своеобразным магнитом, притягивавшим к себе толпы горожан. Сюда приходили торговаться, решать городские дела, обмениваться свежими новостями и сплетнями, глазеть друг на друга, наблюдать религиозные обряды и другие зрелища. Ни на миг не смолкал веселый гомон, люди беспрестанно сновали по известняковым плитам мостовой: кто-то спешил по срочному делу в правительственное здание по соседству, кто-то присоединялся к толпе возле двухъярусной колоннады, окружавшей форум по периметру. В иные дни, людской гам перерастал в длительную бурю политических прений, праздничных шествий, музыкальных представлений, выкриков разносчиков, расхваливавших свой товар: головокружительное общественное действо, скроенное в полном согласии со вкусами помпеян. Вместе с тем, повсюду царил атмосфера величия: вокруг форума стояли статуи (около сорока), воздвигнутые в честь богов, императоров, полководцев и других зидателей римского могущества. Сам император Август постановил, что все важнейшие общественные места должны быть украшены такими назидательными атрибутами; разумеется, и его собственному изваянию подобало красоваться среди выдающихся предшественников и предков, чей длинный ряд уводил в глубь веков к мифическому прародителю Энею.

Здания, обступавшие форум, несли печать нескольких несходных стилей зодчества и были построены из различных материалов. Мау установил, что древнейшими из этих сооружений (до III века до н.э.) являются те, что сработаны из пористого желтоватого известняка. Он встречается и в других частях города, в кладке многих домов, относящихся примерно к той же эпохе. В более поздние времена каменщики, работавшие в окрестностях форума, пользовались вулканическим туфом — довольно легким и податливым материалом.

КРАСА И ДИВО ТЕАТРАЛЬНЫХ ЗРЕЛИЩ

После жестоких гладиаторских боев, помпеяне более всего любили театральные постановки и прочие зрелищные увеселения. У них имелись все возможности удовлетворять эту страсть. Большой из двух городских театров, где сидячих мест насчитывалось пять тысяч, вмещал едва ли не четверть всего населения Помпей. Даже в меньший театр при желании могло набиться около тысячи двухсот зрителей. Помимо драматических представлений, там разыгрывались и торжественные

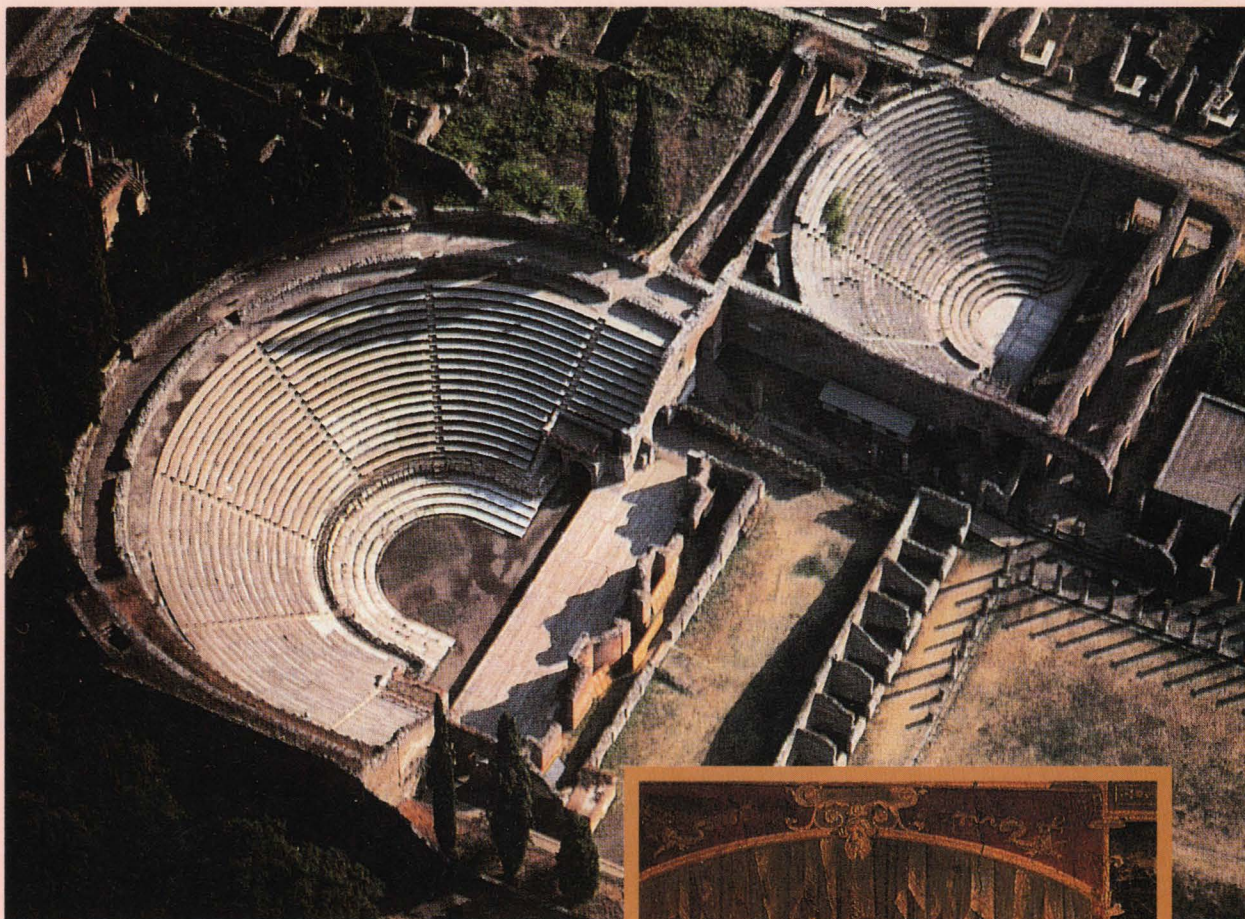
церемонии, посвященные разным религиозным праздникам (а их было не менее шестидесяти в год).

Большой театр был поистине великолепен: уже сам по себе он служит доказательством той страсти, что питали помпеяне к театру. Он был построен между 200 и 150 гг. до н. э., более чем за столетие до появления в Риме первого постоянного театра. Образцом для него во многом послужила планировка столь любезных римлянам древнегреческих театров с их симмет-

ричным подковообразным расположением сомкнутых рядов каменных скамей, уютно "вписанных" в природную покатость холмов. Просторные подмостки с тыльной стороны сцены позволяли устраивать пышные декорации. Предметом гордости театра был и огромный навес, натягивавшийся на шести и защищавший зрителей от палящего летнего зноя, — не говоря уж о чудесном приспособлении, окроплявшем их брызгами прохладной воды в перерывах между действиями.

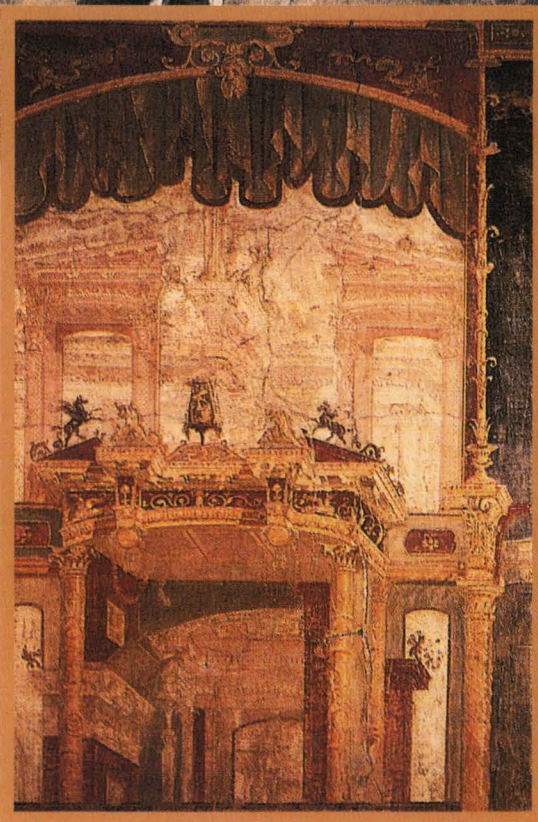

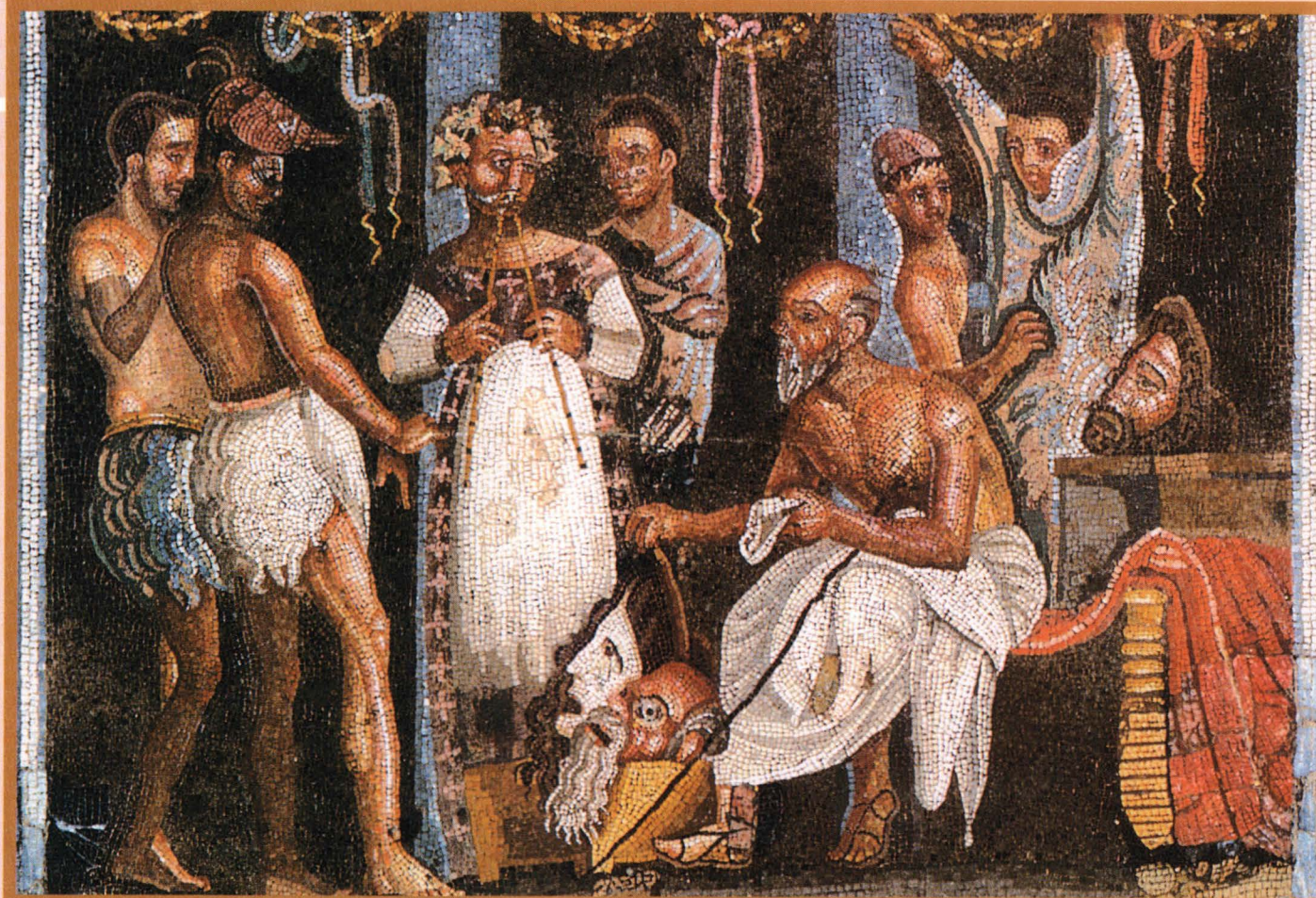
Составляя полную жанровую противоположность застывшей в комическом оскале личине (на самом верху страницы), на мозаике слева изображена стилизованная маска со скорбно разверстым ртом и прихотливой прической — неперенные атрибуты актеров, исполнявших трагедии.

На этом снимке, сделанном с высоты, виден как на ладони театральный район Помпей с его плотной застройкой. Слева — большой театр с полукругом скамей и просторной сценой, а справа и чуть выше — его меньший сосед. Малый театр, также известный как одейон²⁵, некогда имел деревянную крышу и отводился для более “камерных” развлечений — музыкальных представлений, публичных чтений и ораторских выступлений.

Вероятно, сцена в помпейском театре выглядела примерно так, как это представлено на одной из стенных росписей из Геркуланума. На этом изображении тыльная стена сцены декорирована под фасад пышного дворца.

Должно быть, зрелища, дававшие-ся на подмостках большого помпейского театра, отличались крайней пестротой. Несколько дней отводилось для греческих трагедий. Более широким успехом пользовались комедии римских комедиографов, например, Плавта. Он высмеивал нравы скупцов, плутоватых рабов и напыщенных глупцов-полководцев. Ставились и пантомимы — представления танцоров (чем-то сродни нашему балету), с помощью одних только жестов и мимики искусно изображавших любые чувства от ужаса до радости. Но наибольшее стече-

ние народа привлекали мимы — фривольные сценки, в которых актеры, вопя и кривляясь, изображали обжор, фигляров, сквалыг и воришек.

Помпеяне, обожавшие театр, испещрили городские стены надписями-граффити, восхваляя своих любимых актеров. Наибольшей любовью пользовался пантомимист по имени Парис: его имя встречается повсюду. «Ах, Парис, милый красавчик», — воздыхает одна цыдулька, а многие другие восторженно подписаны примерно так: «Общество любителей Париса».

На мозаике, показанной наверху, исполнители репетируют сатирическую драму. Так называлась древняя разновидность театральных представлений, заимствованная римлянами у греков. Слева актеры отрабатывают танцевальные "па", музыкант же играет на тибие — двойной флейте.

Стенная роспись изображает красавца-актера, отдыхающего после представления. Судя по скипетру в руке и пурпурной мантии на коленях, он играл царя. На столе, возле ящика с костюмами, видна трагедийная маска.

За маской гетеры прячется лицо актера на этой терракотовой статуэтке (справа): согласно древней театральной традиции, женские роли исполняли мужчины. Слева представлен бюст Гая Норбана Сорики — актера, настолько пользовавшегося всеобщей любовью, что его избрали на мелкую чиновную должность в пригороде Помпей.

Для построек, соседствующих с форумом, характерен и белый каррарский мрамор, а также различные пестрые сорта мрамора. Кроме того, были найдены и образцы, выполненные из кирпича, дерева, обожженной глины, белого известняка и штукатурки.

Вопреки расхожим представлениям, многие сохранившиеся от древних сооружений поверхности белой штукатурки или мрамора, ныне голые, изначально были раскрашены. На протяжении четырех веков застройки, свидетельствами которой располагают археологи, архитектурные стили менялись вместе со вкусами, но в тот период, что непосредственно предшествовал извержению, предпочтение отдавалось самым живым и сочным цветам и оттенкам. Многие здания вокруг форума были выкрашены в яркие цвета — красный, желтый, зеленый, — которые еще больше подчеркивали черный цвет элементов декора. Часто предметами украшения, являвшими взору такое многоцветье, служили колонны и фриз.

Среди зданий, окружавших форум, важнейшими являлись культовые сооружения. Когда форум только закладывался, архитекторы определили в качестве его западной границы боковую сторону храма Аполлона. С северной, более короткой стороны возвышался внушительный храм Юпитера, верховного бога. Как и все другие крупнейшие здания в городе, храм Юпитера подвергся сильному разрушению во время землетрясения 62 г. н. э. Хотя помпеяне тут же взялись за восстановительные работы, в момент извержения Везувия многие постройки в окрестностях форума все еще находились в стадии обновления. По сути дела храм Юпитера просто превратился в мастерскую: там хранились необработанные базальтовые глыбы, каменотесные орудия и прочие строительные запасы. В XIX веке археологи набрали даже на следы “вторичной переработки сырья”: так, некий скуповатый ваятель присмотрел себе торс колоссальной каменной статуи и принялся вырезать из нее фигуру поменьше.

Форум, служивший религиозным средоточием города, украшали и главные светские памятники. Наиболее величественна была огромная базилика, возведенная строго к югу от храма Аполлона приблизительно в одно время с храмом Юпитера. Здесь толклись главные воротилы и заправили всех городских дел. Они беседовали между собой, меряя шагами просторный главный зал, потолок которого поддерживали двадцать восемь гигантских колонн с кирпичным стержнем, — и словно в урочное время смазывали отлаженный механизм повседневной помпейской жизни. В просторном здании туда-сюда сновали магистраты; кто-то из них, наверное, спешил из соседних муниципальных зданий в трибунный зал базилики, где слушались гражданские дела.

Подробности местного правления подробно описаны в римских текстах. В Помпеях было четыре магистрата²⁶, все они избирались сроком на один год. Двоим из них принадлежал титул *дуумвиров* —

Словно какая-нибудь базарная площадь в современных итальянских городах, открытый лучам солнца, длинный прямоугольный форум в Помпеях с остатками его большой колоннады, распростерся посреди развалин храмов, рынков и других крупных сооружений. В правом верхнем углу снимка видны руины храма Юпитера, а с противоположного конца форума сохранились стены трех сходных в планировке зданий, где, вероятно, размещались муниципальные учреждения. Возле нижнего левого угла форума — базилика, этот прообраз современного здания суда, с ее рядами колонн. Правее форума — остов огромной ткацкой мастерской, так называемого “сооружения Евмахи”.

ТОНКОЕ, НО ОПАСНОЕ РЕМЕСЛО

что означает, собственно, “[комиссия] из двух мужей”. На них возлагались обязанности всяческого надзора; в числе прочего, они возглавляли городские законодательные собрания. Два других магистрата — они назывались *эдилами*²⁷ — ведали различными делами управления, и, в частности, следили за состоянием общественных зданий, улиц и водопроводов. Те, кто надеялся открыть новое дело, хотел заняться устройством гладиаторских игр или просто получить работу в городе — например, мести улицы, — все эти люди обращались к эдилам, которые выдавали соответствующие разрешения. Имелся в Помпеях и городской совет; его члены, число которых колебалось от восьмидесяти до ста, служили пожизненно. Некоторые исследователи полагают, что совет собирался в одном из тех трех залов, что располагались возле южного конца форума.

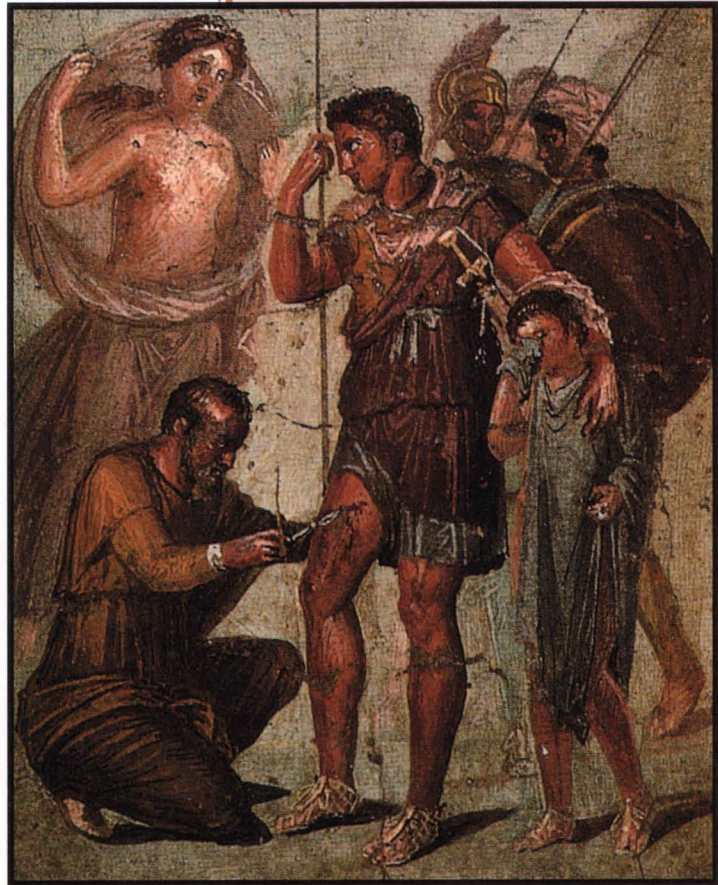
Помимо всего прочего, форум служил чем-то вроде “расчетной палаты” для официальных уведомлений. У одного его конца стояла стена, предназначенная для распространения различных сведений, — например, предписаний касательно городского порядка, или судебных приговоров. К “стене объявлений” были приставлены специальные *dealbatores* (буквально “выбеливатели”), которые время от времени покрывали ее поверхность белой краской, чтобы освободить место для новых надписей. После этого *scriptores*, мастера по таким надписям, исправляли или обновляли объявления красной или черной краской. Во время выборов эта стена, да и многие другие по всему городу были испещрены “агитационными” призывами на помпейский лад. В последние дни Помпей ввиду приближавшихся выборов за внимание публики боролось около полутора тысяч подобных надписей.

С восточной стороны форума высилось здание, внушительные размеры которого свидетельствовали о важной роли в жизни города сукновального дела: очистки, мытья, прочесывания и крашения шерстяных тканей. Это сооружение было возведено на средства некой Евмахии, вдовы торговца тканями; соответствующая надпись гласила, что это пожертвование совершено “от ее собственного имени и от имени ее сына”, который, наверное, в ту пору был слишком мал, чтобы брать на себя такую ответственность. Эта огромная, с широким портиком ремесленная мастерская, получившая название “сооружения Евмахии”, одновременно служила и лавкой, где можно было купить или просто осмотреть всякий товар — от шерсти-сырца до готовых тканей, выделанных здесь.

К I в. н. э. в Помпеях повсюду заявляла о себе развитая сукновальная промышленность. Археологи обнаружили в 39 разных местах следы зданий,

В Помпеях была необычайно развита медицина — или, во всяком случае, хирургия. Об этом свидетельствует роспись, воспроизведенная внизу, и обнаруженные врачебные инструменты, показанные внизу справа. На фреске изображен хирург, особыми щипцами извлекающий наконечник стрелы из раны Энея — героя эпической поэмы Вергилия *Энеида*, — а рядом стоят полная сочувствия богиня и плачущий мальчик (надо полагать, это мать героя Венера и его сын Асканий).

Показанные здесь хирургические инструменты — лишь ничтожная часть несметного множества подобных предметов, найденных в Помпеях, — от тончайших зондов и скальпелей до тонкозубых пил и зажимов. В одном здании обнаружилось такое количество медицин-

ских инструментов, что археологи, вполне логично, окрестили его Домом Хирурга.

Если древнеримские лекари (а они чаще всего были рабами или вольноотпущенниками) были искусны в хирургии, то прочие их медицинские навыки представляются весьма сомнительными. Не существовало ни обезболивания, ни обеззараживания, а иные врачеватели, хотя знали толк в целебных травах и пользовались, например, розмарином и шалфеем, в то же время прописывали такие “панацеи”, как помет ящерицы, голубиная кровь, прах земляного червя, лисья печень. Не удивительно поэтому, что люди несколько недоверчиво относились к лекарям и возлагали надежды скорее на богов, которых молили о выздоровлении, чем на силу врачебного искусства.

Скальпель, ножницы, зеркало-расширитель и щипцы для костей, показанные ниже, сильно напоминают современные хирургические инструменты, — правда, сделаны они не из высококачественной стали, а из бронзы и железа. Особенно сложным было зеркало-расширитель, применявшееся для гинекологических осмотров.

где трудились сукновалы; несколько таких построек ранее принадлежали состоятельным помпеянам, должно быть, перебравшимся в свои загородные поместья после землетрясения. В двенадцати таких местах нашли совсем новую ткань, еще жирную от овечьего тука, которая должна была пойти на изготовление одежды. Стенные росписи в сукновальне на Виа Меркурию (она удаляется от форума на север) изображают некоторые стадии рабочего процесса. На одном из панно представлены рабочие, которые месят шерстяную массу ногами, стоя в глубоких чанах. Как это практиковалось во всей империи, помпеяне заполняли эти чаны неким вязущим веществом — так называемой сукновальной глиной — впитывающим раствором, в состав которого входили пепел и моча. (Сукновалы, к тому же, предоставляли такую услугу, которую можно назвать античной разновидностью нашей “химчистки”, принимая запачканные тоги и прочую одежду и подвергая их сходной обработке.) На другом панно той же стенописи, работник расчесывает новую ткань тонкой металлической кардой, чтобы поднять ворс. После этих операций ткань натягивали на особую раму и отбеливали, окуривая серой.

В других мастерских, рассредоточенных по всему городу, ремесленники доставали из глиняных амфор краски и клали их в котлы с кипящей водой, где уже находилась предварительно очищенная ткань. Археологи нашли совершенно нетронутые сосуды с красителями, а в нескольких местах откопали свинцовые котелки для кипячения воды. В четырех помпейских мастерских из шерстяных остатков делали нечто вроде фетра, и хотя большую часть тканей изготавливали в других местах области, в самом городе имелось шесть прядильных и ткацких заведений. Не удивительно, что “головное предприятие” сукновалов занимало на форуме столь важное место.

К северу от сооружения Евмахии находился главный городской рынок — Мясной рынок (Macellum), представлявший собой двор с колоннадой в северо-восточном углу форума. В живописных сценах, обнаруженных в одном частном доме в Помпеях, этот городской район смотрится как античное подобие торговых рядов. Надпись на стене гончарной мастерской на Виа дель’Аббонданца гласит: “Рынок в Помпеях и Нуперии — в дни Сатурна, в Ателле и Ноле — в дни Солнца²⁸”. Значит, каждую субботу в колоннаде за великолепным фасадом Мясного рынка с его шестнадцатью мраморными колоннами со статуями торговцы раскладывали товар, и покупатели приходили сюда за свежими плодами и овощами, зерном, пряностями, готовой снедью (все это было обнаружено в обугленном виде в различных местах раскопок). Посреди открытого двора стояла просторная двенадцатиугольная палатка: торговцы выхватывали рыбу из большого чана с водой и тут же потрошили и чистили ее для покупателей. (Здесь археологи нашли изрядные груды рыбьей чешуи, что свидетельствовало о бойкой торговле.) Купцы, сидевшие за столиками поменьше, предлагали яблоки, груши, сливы, фиги, сушеные плоды с орехами и каштаны.

Из продававшихся здесь лакомств некоторые выращивали на садовых участках внутри городских стен.

Чтобы продавцы на форуме без обмана отмеряли, например, чечевицу, конопляное семя и прочие сыпучие товары, городское правительство учредило неподалеку от храма Аполлона специальную “контору” для сверки весов и мер. Там, в небольшой нише, сидел чиновник, а на известняковом прилавке перед ним стояли чашеобразные емкости, вмещавшие сыпучие или жидкие вещества ровно в тех количествах, которые в точности соответствовали древнеримским стандартам. После такого замера емкость легко опорожнялась с помощью особой втулки в основании.

Помпеяне, столь усердные в труде, не пренебрегали и досугом.

По подсчетам археологов, около десяти процентов раскопанной земли внутри городских стен Помпей было отведено под всяческие увеселительные заведения: к ним относились амфитеатр, площадки для атлетических состязаний, общественные бани и два театра (ср. 56—59). Кроме того, в городе имелось великое множество харчевен, трактиров и лупанаров; все они были сосредоточены в старейших кварталах и около городских ворот, — возможно, в качестве приманки для проезжих посетителей. В самой большой гостинице, расположенной в паре жилых кварталов от Виа дель Аббонданца, было пятьдесят мест, предназначенных, главным образом, для правительственных чиновников, купцов или досужих путешественников. На другой стороне улицы, в харчевенке поменьше, можно было отужинать в помещении с тремя изящными ложами. Неподалеку от Геркуланских ворот находились два просторных постоялых двора, обслуживавших колесницы и возы, которые загоняли в широкие проезды, чтобы выпустить путников. В гостиницах получше разрядом — таких, например, как великолепный старинный Дом Саллюстия (бывший жилой особняк) — порой был собственный сад, где гости пировали под сенью деревьев.

В некоторых трактирах отдельные помещения отводились для возлияний и игры в кости. Но чаще всего люди предавались этим забавам в винных погребах — небольших придорожных лавочках, и *каупонах* — харчевнях. Всего в городе археологи насчитали 138 разнообразных питейных заведений. Обычно харчевни располагались на углу, так что войти в них можно было с обеих улиц. Странника, который забредал в *каупон* Евксина — довольно представительную харчевню рядом с амфитеатром, — встречала роспись с фениксом и двумя павлинами и вывеска: “Тебе тоже понравится в *Веселом Фениксе*”. Поесть можно было прямо за стойкой, напротив входа, или за столом в большом помещении, чуть в глубине, или же в саду.

Своими “меню” харчевни во многом сродни современным погребкам. Нехитрые блюда — сыр, хлеб, колбасы, холодное или подогретое вино, — прекрасно “шли” под азартные игры в кости или

На углу двух помпейских улиц до сих пор возвышается крепкое кирпично-каменное сооружение, где находился лупанар, принадлежавший, согласно надписям, двум distinguished людям, Виктору и Африкану. Справа — довольно пристойная сценка из жизни лупанара, женщина в обольстительно прозрачном наряде передает что-то — возможно, плату — слуге, а ее постоялец готовится осушить кубок или ритон с вином. Помпеи, будучи крупным торговым городом, имели не один лупанар на потребу заезжим купцам.

античное подобие шашек. Должно быть, у гуляк были свои излюбленные притоны, так что, вздумай трактирщик мухлевать, дурная слава о нем быстро обегала посетителей. На наружной стене одной такой забегаловки недовольный “гость” нацарапал:

Выйдут боком тебе такие плутни, трактирщик:
Воду нам продаешь, сам же хлещешь вино!

В других каупонах торговали и “живым товаром”. В одном таком заведении некая Азеллина²⁹, матрона с порочной репутацией, по сходной цене предлагала подогретое вино и проституток, обслуживавших посетителей в комнатках, примыкавших к главному помещению. Taberna Lusoria³⁰ предлагала деньги взаймы, азартные игры — и, на втором этаже, каморки для любовных свиданий. Как правило, стены харчевен были сплошь покрыты рисунками и граффити эротического содержания, а также изображениями Приапа — бога плодородия и мужской силы, наделенного сверхъестественной величины фаллосом.

Если иные помпеяне убивали добрую часть вечера в харчевнях, то середину дня они проводили в общественных банях. Старейшие Стабийские бани, с отделениями и для мужчин, и для женщин, находились на пересечении Виа Стабиана и Виа дель’Аббонданца. К

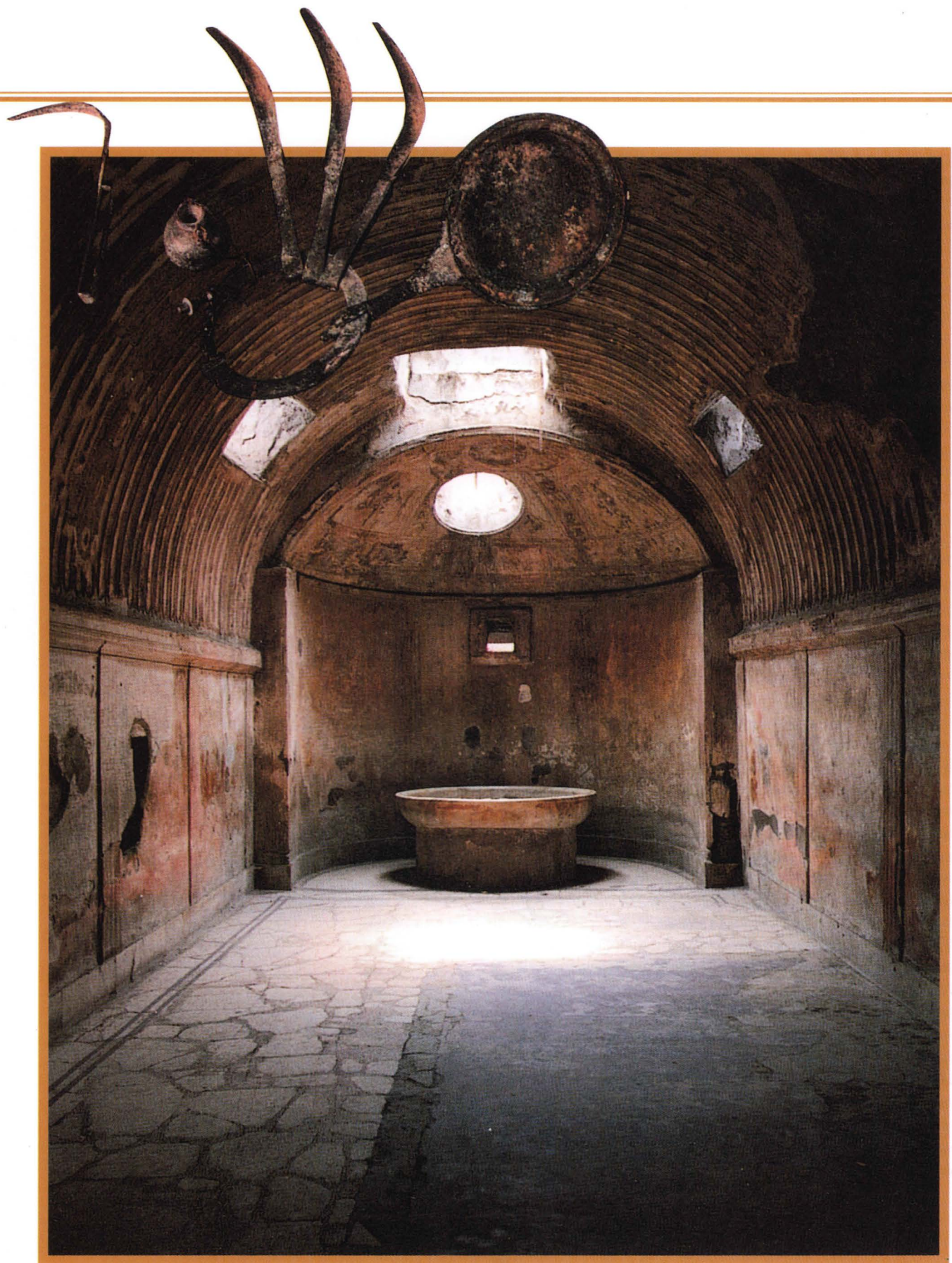
моменту извержения Везувия их, по-видимому, восстанавливали: под пеплом, покрывавшим бани, археологи обнаружили останки целой строительной “бригады”, которая прокладывала новые трубы, когда разразилось бедствие. Бани при форуме, расположенные в центре города, имели свой сад. Они были меньше Стабийских, зато внутреннее убранство было поизысканней: стены были тщательно отделаны штукатуркой и щедро расписаны пейзажами. На территории этого сооружения археологи откопали 1328 масляных светильников: значит, бани были открыты и по ночам.

Подобно современным клубам здоровья, бани предназначались главным образом для отдыха. Начиная с полудня, помпеяне приходили сюда, чтобы вымыться, поплавать и размяться, зимой же — чтобы еще и согреться, поскольку в жилых домах действовала лишь весьма примитивная система отопления. Хотя каждый посетитель бани, должно быть, следовал собственному распорядку, в общих чертах можно все же восстановить заведенную последовательность действий. Сперва люди раздевались в наружном “предбаннике”, запиравшемся на ключ, и сдавали одежду на сохранение рабу. Затем они проходили через ряд водных процедур, подвергая тело все более высоким температурам: из *тепидария* — теплого помещения — они перемещались в *кальдарий* — горячее, а потом и в *лаконик* — аналог сауны. Одно чрезвычайно хитроумное приспособление для нагревания бань было изобретено в начале I века до н.э. неким Гаем Сергием Оратой, который вначале зарабатывал на жизнь разведением устриц. Заметив, что устрицы быстрее растут в теплой воде, он принялся выращивать их круглый год в чанах, державшихся на кирпичных столбах и подогревавшихся снизу воздухом, который поднимался из печи. Эта техника срабатывала настолько хорошо, что Ората приспособил свое изобретение и к человеческим нуждам, разработав такой механизм, в котором пар и вода поступали из паровых котлов в трубопровод, нагревая тем самым жилые помещения и бани. На задах рабы-истопники поддерживали огонь в печах, ежегодно поглощавших огромное количество дров.

Прислуживали в банях и рабы-“массажисты”, растиравшие посетителей оливковым маслом перед атлетическими упражнениями или после того, как они побывали в кальдарии, а затем счищавшими масло с грязью скребницей — изогнутой металлической пластинкой. Это и считалось собственно мытьем, поскольку мыла в ту пору не было. Под конец дня любители бани, как правило, навещали во *фригидарий* — холодное помещение, где можно было напоследок взбодриться, нырнув в прохладный водоем. Как писал врач Гален³¹, такая последовательность процедур позволяла “согреть разные телесные стихии, высвободить их, сгладить их различия, расслабить кожу и очистить ото всего, что накопилось под нею”.

В Стабийских банях можно было и искупаться в *палестре* — дворике для атлетических упражнений. Правда, настоящие атлеты предпочитали Большую палестру — крупнейшую в Помпеях площадку

Эта паровая комната, чья сохранность спустя две тысячи лет кажется почти зловещей, принадлежала помпейским баням при форуме — одному из трех крупных заведений, работавших в городе. Обычно посетители являлись со своими банными принадлежностями (врезка напротив). В такой набор входили: металлический горшочек для масла, которым натирали тело, скребницы, с помощью которых счищали с кожи грязь и пот, и мелкая посуда вроде сковороды, использовавшаяся для обрызгивания холодной водой. Пол в кальдарии — горячем помещении, примыкавшем к паровой комнате, — так накалялся, что купальщикам приходилось надевать особые башмаки на высокой деревянной подошве, чтобы не обжечь ноги.

для состязаний, раскинувшуюся на три акра в южной части города возле амфитеатра. Открытый двор Большой палестры, с широким водоемом посередине, обступали колонны и древние платаны. Здесь всегда можно было застать силачей, поднимавших тяжести, прыгунов в длину, дискоболов, бегунов, метателей дротиков, пловцов и кулачных бойцов, — и вся эта пестрая орава “любителей здоровья”, должно быть, производила страшный гам: так, римский писатель Сенека с недовольством отзывался о шуме, доносившемся с атлетического двора в Байях, близлежащем городке. Иногда в портиках Большой палестры учителя собирали учеников, а разносчики спешили со всякой снедью к оголодавшим атлетам.

Во время второй мировой войны Большая палестра была частично уничтожена американскими военными самолетами. Немцы установили возле Помпей свои командные посты и укрепления, ставшие важными мишенями для союзнических войск, прорывавшихся на север, к Риму. Амедео Майюри, тогдашний руководитель раскопок, высылал срочные сообщения американским командующим войсками, умоляя не бомбить окрестности раскопок, но в сентябре 1943 г. самолеты все же появились. Майюри в сопровождении своего помощника, Антонио Йорио, покатила на полной скорости в сторону Помпей, чтобы хоть что-нибудь спасти, но, прежде чем он достиг города, его сбросило с велосипеда взрывной волной, когда упала бомба. Майюри отделался повреждением ноги, и впоследствии занимался Помпеями до 75 лет, после чего ушел на покой в 1961 г. Йорио же пропал без вести во время той бомбежки.

К востоку от Большой палестры, в здании амфитеатра — большого сооружения в форме эллипса, приютившегося у самой городской стены, — происходили совсем иные игры. Это было место узаконенной жестокости, которая порой выплескивалась и за границы арены, достигая зрительских рядов. По свидетельству историка Тацита, в 59 г. н. э. “между помпеянами и нуцерийцами, жителями соседнего городка, вспыхнула нешуточная схватка. Все началось с небольшого происшествия во время гладиаторского представления. Сперва посыпались оскорбления, потом камни, и наконец дело дошло до мечей. Местные победили, а нескольких нуцерийцев вынесли ранеными или убитыми”. Чтобы положить конец разнузданному бесчинству, римский сенат постановил закрыть помпейский амфитеатр на целых десять лет; это был тяжелый удар для населения, падкого на зрелища.

По словам римского архитектора Витрувия, на заре империи схватки гладиаторов происходили на форумах. Должно быть, бои в Помпеях прославились на всю округу, поскольку амфитеатр, возведенный на месте бывшего форума и предназначенный специально для таких зрелищ, вмещал двадцать тысяч зрителей, — а именно столько жителей насчитывалось в самих Помпеях. Надпись сохранила для потомков имена чиновников, занимавшихся строительством стадиона: это были ду-

Стилизованная настенная живопись изображает драку зрителей во время печально знаменитой стычки в помпейском амфитеатре в 59 г. н.э., а также множество деталей самого амфитеатра, протянувшегося на 460 футов в длину. Так, здесь видны каменные арки, подпирающие внешние стены, лестницы, ведущие к верхним рядам сидений, и веларий — навес, который натягивали над зрителями, чтобы защитить их от лучей солнца.

умвиры Вальг и Порций. Этот факт и некоторые детали каменной кладки позволили Августу Мау датировать время постройки приблизительно 80 г. до н. э. Хотя амфитеатр заметно уступает более поздним сооружениям, он является древнейшим сохранившимся образцом этого типа. Техника, применявшаяся в строительстве, позволяла образовать ярусы приподнятых сидений: внешние стены подпирали высокие арки, а дополнительной поддержкой для всей постройки служили внутренние лестницы. В жаркие дни, чтобы зрители сидели в тени, натягивался особый навес, причем эта услуга оговаривалась в «афишах». Так, дошедшая до нас надпись, оповещавшая о грядущем представлении, гласит: «31 мая в Помпеях будет выступать отряд гладиаторов Авла Светтия Церта. Также предстоит травля диких зверей. Будут навесы.» Первые зрительские ряды, окружавшие обнесенную стеной арену, отводились для чиновников; места в середине предназначались для тех, кто желал и мог себе позволить заплатить за билет. Вход же на верхние ярусы был бесплатным, и скамьи там всегда были переполнены.

Представление начиналось общим выходом гладиаторов, каждый из которых был искусен в особом виде борьбы. *Ретиарий* («наметчик сети») с непокрытой головой нес рыбацкий трезубец, кинжал и сеть. *Фракиец* в шлеме был вооружен коротким мечом или кривым кинжалом, а защищен круглым щитом. *Эквиты* («всадники») бились верхом, а *андабаты* — со связанными глазами. В Помпеях найдены грубые граффити, живописные изображения и надгробные барельефы, где представлены бойцы в подобном снаряжении, а в гладиаторских казармах, неподалеку от старого Треугольного форума, были откопаны немногочисленные остатки их боевой одежды.

После общего выхода, открывавшего представление, между бойцами начинались потешные сражения: размахивая деревянными мечами, они только раздражали зрительское нетерпение. За этим следовали настоящие состязания. Гладиаторы бились по двое — под музыку и реготанье толп. Гладиаторов могли сраживать и с дикими вепрями, быками или медведями. Пользовались успехом и схватки между львами, пантерами другими животными; несчастных зверей распалая до такой ярости, что они разрывали друг друга в клочья.

Хотя гладиаторам было положено биться насмерть, иногда проигравшим борцам, выказавшим доблесть, могли даровать пощаду. Кстати, вопреки расхожему голливудскому толкованию, если большой

палец указывал вниз, это в действительности означало, что победитель должен бросить оружие и отпустить проигравшего, а если он был обращен вверх, — значит, следовало нанести смертельный удар. Убитых бойцов утаскивали крюками через портал, который называли Вратами Смерти; победителей же венчали яркими лентами и награждали кошельками. Особую славу обретали бойцы, к которым была наиболее благосклонна судьба и вокруг которых витал дух неудержимой ярости и отваги. В одной таверне возле амфитеатра была выставлена на видном месте статуэтка улыбающегося гладиатора с мечом и щитом; по всему городу купцы торговали масляными светильниками с изображениями знаменитых бойцов. Если гладиатор проводил на арене три года и оставался жив, его отпускали на свободу, и в памяти людей он обретал своего рода бессмертие. Такой участи сподобились некий Север, вышедший победителем из 56 сражений, и некий Авкт, одержавший победу 50 раз.

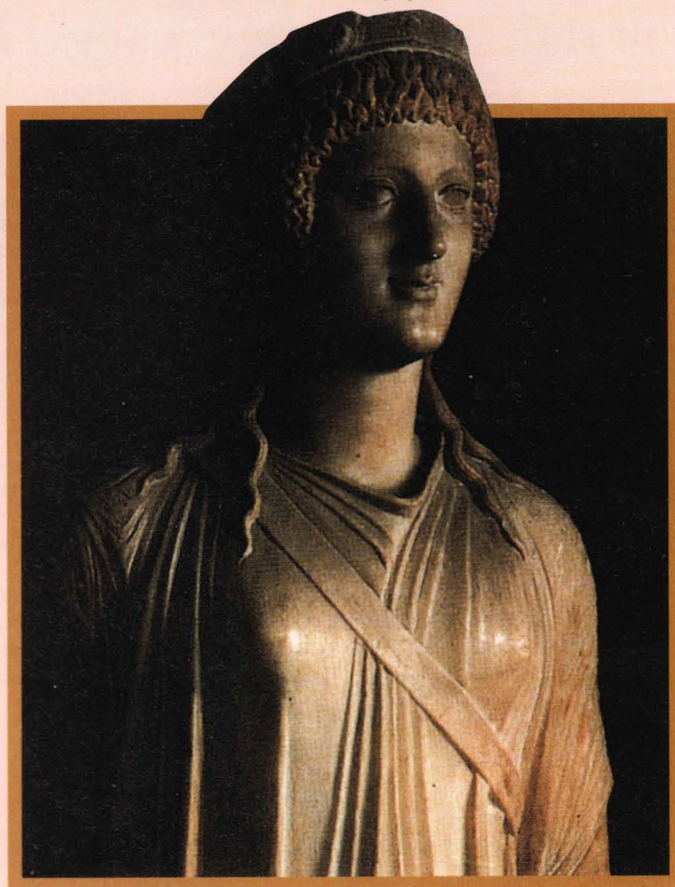
Но если доблесть в сражениях порождала некоторое оживление во время этих зрелищ, то кровопролитие составляло их сущность. Само действо гладиаторских битв было чрезвычайно древним: возможно, некогда оно представляло собой погребальный обряд этрусков, господствовавших в центральной Италии до прихода римлян. Этруски верили, что приношение свежей крови придает покойному силы для вступления в загробную жизнь. Римляне же вершили смертный обряд для собственной потехи; смерть влекла и щекотала их. Гладиаторское побоище было для них проявлением своего рода актерского искусства.

Это не мешало римлянам воздавать своим мертвецам большие почести, кремировать их и хоронить в роскошных могилах. Помпеяне располагали гробницы вдоль шумных дорог, которые вели в город, так что покойные находились словно среди живых. Та потребность к самовыражению, что породила в таком изобилии городские надписи и граффити, сказалась и в этих придорожных кладбищах. На гробницах можно было обнаружить нравоучения, барельефы со сценами охоты, пространные утверждения касательно положения, которое занимал покойный при жизни, и уж по крайней мере одно послание, по-видимому, обращенное к случайным странникам и прохожим: “Этот памятник поставлен Марку Цецилию. О незнакомец, я рад, что ты остановился возле места моего успокоения. Да пребудет с тобой удача и доброе здравие, и да будет сон твой безмятежен”.

Для помпеян почитание мертвых означало не столько скорбь по ушедшим, сколько чествование их пышными дарами жизни. Так, в тот роковой день 79 г. н. э., хотя бы несколько жителей города наверняка намеревались навестить на городские кладбища, чтобы зажечь светильники в память о почивших близких, украсить могилы цветочными гирляндами и попировать всем вместе, возлежа под сенью тревожного Везувия.

БОГ НА КАЖДОМ УГЛУ

В 1978 г., на древнем кладбище прямо за Помпеями, археологи обнаружили окутанное пеплом тело девочки: спасаясь от ярости Везувия, она искала убежища среди могил. Она погибла от серных газов, крепко вцепившись в священную статуэтку, которую схватила, прежде чем броситься прочь из дома. И ее жуткую безвестную и безвременную гибель, пожалуй, затмевает отблеск этого последнего жеста: отчаявшись и преисполнившись ужаса, она прибегла к своим богам. Быть может, с последним вздохом на устах она обращалась с мольбой к семейному божеству, которого прижимала к себе, сулила за спасение гирлянды цветов и сладкие пряности. А может быть, заметив неестественный мрак небес и священной рощи, укрывшей ее, она взывала к Диане — древнеримской богине луны и покровительнице полей (наверху).

К кому бы ни обращалась девочка с предсмертными обетами, сама настойчивость ее веры не может не поражать. И это ощущается в трагически замерших Помпеях повсюду: бурная и многоликая религиозная жизнь города заявляет о себе по сей день, разыгрываясь вновь и вновь

в храмах и на священных дорогах. Возле водомета на Виа дель'Аббонданца стоит алтарь, посвященный покровителям города, где до сих пор видны обуглившиеся остатки жертвоприношения, прерванного извержением Везувия. В роскошно обставленном святилище египетской богини Исиды запечатлен миг последнего поклонения жрецов: они навеки застыли в предсмертных судорогах, сиюсь спасти драгоценную утварь храма.

Судьба распорядилась так, что извержение застигло Помпеи в момент великого духовного переворота. Город, открытый с юга и востока влияниям Греции и Египта и евразийских стран, лежавших дальше, унаследовал множество самых разных верований. Полчища чужеземных богов уже начали завоевывать места достопочтенных олимпийцев и просачиваться в пантеон императорского Рима. Весьма вероятно, что здесь имелись и христиане, хотя таковые свидетельства довольно отрывочны. Несомненно, вера в грядущий лучший мир (роднившая их с некоторыми другими мистериальными культами) утешала и поддерживала их, когда над городом сыпался пепел.

ВЕЛИЧАЙШИЕ ИМПЕРСКИЕ ПОЧЕСТИ

С тех пор, как помпеянам было даровано римское гражданство (в начале I века до н.э.), ежегодно 1 января они стекались к северному концу форума, чтобы отпраздновать наступление нового года по римскому календарю. Украсив себя гирляндами, с оливковыми ветвями в руках, они собирались возле храма Юпитера — величественного сооружения, одно основание которого возвышалось на десять футов над землей (фон), — дабы наблюдать заклание быка в жертву Юпитеру Оптиму Максиму³² — богу богов и верховному покровителю Рима. К мольбам проконсула о благе государства благочестивые граждане, должно быть, безмолвно присоединяли собственные просьбы. Выполнив религиозный долг перед Римом, помпеяне с радостью предавались играм, пиршествам и возлияниям.

Как и другие благонадежные римляне, помпеяне регулярно воздавали почести официально признанным государственным богам, — особенно Юпитеру и божествам, связанным с духами императоров, как живых, так и мертвых. Но их верность этим священным духам была в лучшем случае поверхностной. В 62 г. н.э., когда землетрясение разрушило храм Юпитера, помпеяне даже не позаботились о его восстановлении. Взамен они наспех соорудили храм из скромного святилища Юпитера Милихия³³ — покровителя помпейских земледельцев.

Пожалуй, большей любовью пользовалась Фортуна Августа — божественная покровительница умершего императора Августа. Как богиню изобилия, Фортуну чтили бедняки; ее жрецов подбирали среди низших сословий (тем самым, это был один из немногих в Помпеях путей продвижения по социальной лестнице). Святилище богини — совсем небольшое, зато весьма изящное и отделанное мрамором — располагалось всего в нескольких сотнях шагов к северу от форума. Во время землетрясения храм сильно пострадал, но его любовно отстроили заново. Это заставляет предположить, что культ Фортуны не был всего лишь необходимой данью религиозной формальности.

Но ни любовь к торжествам, ни социальное самосознание не стояли за благочестием помпеян по отношению к новейшему из государственных богов — правившему императору Веспасиану. Задавшись целью завоевать себе его расположение и помощь после землетрясения, граждане Помпей воздвигли храм в его честь. Но циничный Веспасиан, неуязвимый для лести, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь разрушенному городу. Много лет спустя, лежа на смертном одре, он насмехался над обычаем обожествления императоров: «Увы! Я, кажется, становлюсь богом».

Этот алтарь, просуществовавший 17 лет, прежде чем стикнуть под вулканическими обломками во время извержения, некогда стоял перед ступенями храма Веспасиана. Украшающие его барельефы, вероятно, изображают обряды жертвоприношений, совершенных во время освящения самого храма.

*Эта бронзовая статуэтка
Фортуны (справа вблизи) —
вначале обретшая извест-
ность как Божественное Про-
видение, но позднее отождест-
вленная с покровительницей
императора Августа, — зани-
мала отдельную нишу. Шести-
футовое изваяние Юпитера
из терракоты было вынесено
из храма Юпитера, сильно по-
врежденного землетрясением
62 г. н. э.*

ОСОБЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ ПОМПЕЙ

Камснщикам, тесавшим блоки для нового храма Венеры, должно быть, с их утеса над Приморскими воротами открывался ужасающий вид на Везувий, изрыгавший к небу чудовищный столб дыма. Никому уже не узнать — сковала ли их на миг пмота безнадежного страха, или же они в числе первых кинулись бежать. Об их прерванной работе свидетельствуют лишь глыбы камня, оставшиеся после них.

Когда началось извержение, было едва заложено основание храма. С его северной стороны археологи нашли несколько неотреботанных глыб — казалось, она так и дожидается возвращения камснотесов. Статуэтка Венеры, извлеченная из-под фундамента (вероятно, это было приношение по обету во временный храм, построенный здесь) помогла установить, что данное место было посвящено именно этой богине.

Если бы строители завершили возведение святилища, то это был бы уже третий храм Венеры, сооруженный за полтора века, истекшие с той поры, как победитель Сулларимский полководец, покоривший Помпей, впервые вверил город покровительству богини. Первый храм снесли сами помпеяне, возведя на месте неуклюжей постройки из ду-

канической породы мраморное здание. Когда его разрушило землетрясение, помпейские граждане решили воздвигнуть своей покровительнице еще более пышное святилище; надо сказать, что богиня любви и природы находила весьма живой отклик в сердцах этого пастушески чувственного народа. Изображения Венеры встречались по всему городу — на вывесках трактиров, в лавках, поместьях, садах, и даже в гладиаторских спальнях.

По традиции, Венера делила свое покровительство с Аполлоном, отцом всех искусств и ремесел, и Геркулесом, мифическим основателем города. Храм Аполлона (фон), тоже рухнувший от землетрясения, оказался в числе тех немногих святилищ, которые удостоили полного восстановления. В соответствии с "цветистыми" вкусами того времени, его поврежденные колонны оштукатурили, покрыли красной, синей и желтой красками и увенчали пышными капителями, близкими к коринфскому ордеру. От храма, видимо, посвященного Геркулесу, мало что осталось. Но о стойкой любви к своему древнему герою свидетельствуют его многочисленные статуи и живописные изображения в садах и частных покоях.

Мраморная Венера (слева вблизи) с нарисованным золотым бюстальтером одной рукой снимает сандалию, опираясь другой о статую Приапа, бога плодородия. Аполлон-Стреловец (слева у края) натягивает отсутствующий теперь лук. В древности статуя стояла перед храмом Аполлона (фоновая иллюстрация); ныне на ее прежнем месте помещена копия изваяния.

Эта трехфутровая бронзовая статуя, некогда украшавшая большой сад в перистиле одной виллы в юго-восточной части Помпей, изображает Геракла, который сжимает свое излюбленное оружие — палицу. Совершая свои знаменитые двенадцать подвигов, Гераклес немало пострадал, и поэтому считалось, что герой оказывает покровительство тем, кто находится в долгом пути, так что он был в особом почете у купцов и торговцев. Поскольку Гераклес был древнейшим из покровителей Помпей, ему поклонялись во многих домашних святилищах.

ГНЕВ МАЛЕНЬКИХ БОГОВ

Под конец вечерней трапезы — и в пышных, и в скромных жилищах — благочестивые граждане умиляли духов домашнего очага одним и тем же обрядом: *pater familias* вставал из-за стола и, закутав голову краем одежды, приближался к семейному святилищу с небольшим подносом приношений. Это могла быть горсточка зерна, крупички соли, вымоченная в вине хлебная корочка, немного растертой корицы. Поставив эти дары на жертвенник, подняв ладони кверху, возносил мольбу о благоденствии семьи. Затем все остальные совершали жертвенные возлияния и пили за своих “маленьких богов” (*dii minores*).

Свершив же этот ритуал, можно было вкушать покой. Как и прочие римляне во всех других краях, помпеяне относились к этим домашним божествам — еще их звали *ларами* или *пенатами* — с величайшей серьезностью. Наряду с *гениями* — духами-советчиками — эти взыскательные боги взамен покровительства по отношению к семье и ее имуществу требовали благоговейного и преданного поклонения. Их святилища, или *ларарии*, выглядели по-разному: простая ниша в стене, живописное изображение этих богов или небольшое храмоподобное сооружение возле стены, уставленное изваяниями. В некоторых домах — например, в Доме Менандра (фон) — фигурки ларов и пенатов делили место на алтаре с изображениями предков. В других домах в ларарии хранили какие-нибудь семейные реликвии или личные памятки (срезанные по обету пряди первой бороды).

Отсутствие должных почестей домашним богам могло обернуться ужасными последствиями. На самом деле помпеяне были убеждены, что именно пренебрежение такими религиозными обязанностями и ускорило сильное землетрясение. Возможно, в знак примирения вскоре после этого бедствия раскаявшиеся жители воздвигли на форуме общегородской храм ларов.

Но наиболее красноречивого доказательства преданности этим богам следует искать не на форуме. Когда началось извержение и устрешенные помпеяне бросились прочь из домов, некоторые не забыли в спешке захватить своих покровителей: по крайней мере, археологи обнаружили девять таких маленьких изваяний, лежавших посреди дороги.

Нередко на домашнем алтаре, рядом с идолами семейных божеств, стояла и статуя одного из традиционных богов древнеримского пантеона. Крылоногий Меркурий (справа), покровитель торговли, вполне подходил в качестве благодетеля богатых купеческих домов.

На этом изображении из семейного святилища в Доме Веттиев (слева) домашний дух-хранитель стоит между двумя танцующими ларами. Змея символизирует подземные силы и производительную способность хозяина дома.

Этот лар, достигающий в высоту всего 11 дюймов, стоя на цыпочках, совершает жертвенное позлание из рта на блюдо. Лары считались общими защитниками домашнего очага и семейной жизни, а родственные им пенаты изначально воспринимались как хранители кладовых.

ВЕРА, ОКРУЖЕННАЯ ТАИНСТВАМИ

Неподалеку от форума, там, где правильные помпейские улицы сменялись узкими кривыми дорожками, стоял храм Исиды. Обычно приверженцы культа этой египетской богини справляли свои диковинные обряды, укрывшись от посторонних взоров за высокими стенами святилища (фон). Но каждый год в марте, когда на море утихали зимние штормы, тайные почитатели Исиды выходили из укрытия и направлялись к морю; это величавое зрелище было известно как Шествие с Ладьей. Жрецы в белых одеяниях, возглавлявшие процессию, несли над головой старинную лодку. Позади толпились верующие, облаченные в прихотливые египетские наряды. Дойдя до кромки воды, жрецы пускали по волнам свое священное судно — символ той ладьи, на которой, согласно египетскому мифу, солнце вершит свой еженощный путь под землей, двигаясь к рассвету — и возрождению.

Уже во втором веке до н.э. мореходы, рабы и купцы из всех ведомых концов света привозили с собой в Помпеи подобные культы, основанные на мифологии, или мистериальные религии. Среди них наибольшее количество последователей привлек культ Исиды. Шествие с Ладьей было лишь частью таинств, основанных на рассказе о воскрешении Исиды, богини небес, и ее супруга Осириса, бога солнца. Согласно мифу, после того, как тело Осириса растерзал бог тьмы, Исида искала по всему свету его останки, а затем соединила и оживила их. Посредством различных сложных обрядов почитатели египетского культа восстанавливали ход этих мифических событий, стремясь в то же время снискать такое же бессмертие и для самих себя.

Жрецы совершали священные обряды дважды в день: на рассвете, дабы восславить воскрешение Осириса, и в два часа пополудни, дабы освятить воду жизни (живопись, напротив, наверху). Хотя многое касательно священных обрядов культа Исиды остается туманным, последние мгновения жизни храма известны в трагических подробностях. Когда зев Везувия начал изрыгать пламя, жрецы бросили свою трапезу из яиц и рыбы (они так и остались в печи) и на бегу захватили священные сокровища: серебряную урну, статую Исиды, ритуальную утварь. Этих людей нашли возле основания храма: некоторых раздавили насмерть рухнувшие колонны, другие задохнулись. В руках они сжимали драгоценные храмовые принадлежности.

Стену в храме Исиды некогда украшал священный ибис (справа). Храм, разрушенный во время землетрясения и немедленно отстроенный заново, включал центральное святилище, вокруг которого располагались зал посвящения, жилые покои жрецов и алтарь, хранивший освященную воду из Нила.

Если потрясти этот сistr в египетском стиле (справа), он издаст гремещий звук, который, вместе со звоном кимвалов (наверху) сливался в ритуальную музыку культа Исиды.

Эта стенная роспись из Помпей изображает благословение святой воды из Нила, которое совершалось ежедневно в храме Исиды. Жрец, стоящий на верхней ступеньке лестницы между прислужниками и сфинксами, протягивает для поклонения сосуд со священной влагой — атрибут Исиды, символ плодородия и возрождения. Вступающие, выстроившиеся вдоль лестницы, участвуют в обряде поклонения, а между тем другой жрец раздувает священный огонь на жертвеннике, перед которым расхаживают ибисы. В нижнем правом углу изображен музыкант, вторящий на свирели звукам сестров, которыми потрясают жрецы среди собрания.

Эта мраморная статуя, извлеченная из-под колоннады в храме Исиды, — единственное изображение богини, сохранившееся в целостности после извержения вулкана. Изваяние выполнено под влиянием греческого архаического стиля в скульптуре. Некогда богиня держала в правой руке сестру (он не сохранился). В ее левой руке — иероглиф "анх", египетский символ жизни.

ОПЬЯНЕНИЕ ВИНОМ И ЛЮБОВЬЮ

Эта личина менады — спутницы Вакха — и поныне выглядит соблазнительной, несмотря на следы разрушения. Некогда изваяние украшало край парадного ящика, или сундука, из Помпей. Культ Диониса был особенно распространен среди женщин: вакханки всецело предавались чувственным обрядам опьянения.

В 1943 г., когда возле Помпей были сброшены бомбы союзников, пострадало несколько домов древнего города, имевших наибольшую ценность. Но, по счастливой случайности, взрывы бомб обнаружили руины храма Диониса — затерянного святилища единственного мистерияльного культа, на равных соперничавшего с культом Исиды. Почитатели бога вина упивались столь иступленными проявлениями чувственности, что порой коробили даже терпимейших римлян.

Строение храма рассказывает кое-что о практиковавшихся обрядах вакхантов. Рядом с алтарем археологи нашли два больших каменных ложа — остатки триклиния³⁴, или пиришественной залы. По истечении долгого поста поклонники Диониса собирались здесь для совместного пиршества. Прислужники в козлиных шкурах разливали вино сотрапезникам, лежавшим навзничь, а жрец — совершенно нагой, но увенчанный виноградной лозой, — вершил священный обряд. Затем следовал пир с обильными возлияниями, перемежавшийся ритуальными плясками. По мере того, как священное вино бросалось в голову, танец становился все более бешеным. В конце концов участники культа впадали в особое состояние экзальтации, видя в этом освобождение от своей смертной природы.

Целью таких вакханалий (фон) было слияние с таинствами плодородия, воспроизведения жизни, циклических смертей и возрождений. На юге Италии, где Вакха отождествляли с местным божеством Либером — освободителем от запретов, — подобные празднования, возможно, носили оргиастический характер. В 186 г. до н.э. римский сенат наложил запрет на вакхический культ, так как считалось, что он сеет беззаконие, — но, по-видимому, этот запрет никак не сказался на помпейском культе, который продолжали справлять и к моменту землетрясения. О распространении дионисийских верований ярче всего свидетельствует хотя бы количество различных символов — листьев плюща, менад, сатиров, — обнаруженных в том или ином виде в помпейских садах. Некоторые археологи даже придерживаются мнения, что в Помпеях, где грань между профанным и сакральным была весьма тонка, каждый сад служил святилищем Вакха.

Двое служителей вакхического культа — сатир с тирсом и козливой шкурой и менада, потрясающая факелом и бубном, — иступленно пляшут вокруг жертвенника Диониса.

Эта помпейская статуэтка (справа) изображает обрюзгшего и пьяноватого Вакха, который осторожно выливает из амфоры ее содержимое. Более величественный образ бога виден внизу: в одеянии из пурпурных гроздей винограда он стоит на страже виноградников на склонах Везувия. Это живописное изображение некогда составляло часть ларария и, вероятно, должно было оберегать богатство владельца (быть может, разбогатевшего на виноторговле).

СОНМ ЧУЖЕЗЕМНЫХ БОГОВ

В 1938 г., раскапывая Дом Четырех Стилей неподалеку от Виа дель'Аббонданца, археолог Амедео Майюри наткнулся на удивительную находку — статуэтку слоновой кости, изображавшую Лакшми — индуистскую богиню плодородия, красоты и богатства (*справа внизу*). Это сладострастное резное изваяние, проделавшее долгий путь из Индии в Италию, поставило Майюри перед загадкой: то ли какой-нибудь помпейнин-непоседа, скитаясь по дальним странам, приобрел эту восточную Венеру, то ли пленительная Лакшми служила предметом поклонения какого-нибудь индуса, обосновавшегося здесь и торговавшего помпейскими тканями?

Обе догадки вполне правдоподобны. Сами помпеяне все чаще обращались к чужеземным верованиям. А поселившиеся в городе торговцы и рабы из других стран беспрепятственно исповедовали собственные религии, ибо римское иго отличалось веротерпимостью. В числе этих диковинных чуждых верований, манивших к себе соблазнительным мраком, был и ближневосточный культ богини-матери Кибелы, связанный с силами плодородия и требовавший от вновь посвященных жрецов самооскопления, и суровая секта иранского бога солнца Митры.

Среди этих причудливых религий наиболее распространился культ ближневосточного бога Сабазия. В 1954 г. археологи нашли сад, окруженный колоннадой. Там находился скромный алтарь каменной кладки, возле которого стояли два терракотовых сосуда, и кладовые помещения, где хранились талисманы в виде изваянных кистей рук и множество бронзовых светильников. Исходя из символов, различных на этих руках и вазах (*фон*), исследователи заключили, что сад служил святилищем Сабазия.

Ученые восстановили ход обрядов, вероятно, совершавшихся там, основываясь на текстах Климента Александрийского — приверженца культа Сабазия, жившего во II веке н.э. и впоследствии принявшего христианство. Обычно ритуал заключался в следующем: участники обряда, увенчанные ветками укропа, танцевали вокруг нагого жреца, который ударял их змеей. Затем — это действие символизировало смерть — он осыпал их грязью и отрубями, после чего запевал с ними песнь, призванную приблизить духовное слияние с Сабазием. Обряд совершался ночью, при неверном мерцании огоньков в бронзовых светильниках.

Эта статуэтка слоновой кости, найденная в Помпеях, изображает индуистскую богиню плодородия Лакшми. Такая находка свидетельствует о многообразии верований, царившем в городе. Помпеи, будучи важным центром торговли, подвергались экзотическим влияниям чужих культур.

Бронзовое изваяние Сабазия — ближневосточного бога плодородия (спри-ви) — изображает его в колпаке, увитом виноградными гроздьями. Возможно, в этом сказалось его отождествление с богом вина Вакхом.

На ладони этой бронзовой руки восседает Сабазий, окруженный разнообразными таинственными символами. Эта изваянная кисть, как и терракотовая урна (фоновая иллюстрация), предназначенная или для вытягивания жребиев при обрядах инициации, или для жертвенных приношений, — были обнаружены в жилище, ныне известном под названием Дом Магических Обрядов.

ПОМПЕЯНЕ У СЕБЯ ДОМА

Целая колония ящериц, потревоженная лопатами и кирками археологов, бросилась врассыпную по развалинам. Одни быстро исчезали в расщелинах, другие вновь принимались греться на средиземноморском солнышке. Но одно пресмыкающееся так осталось лежать, даже не шелохнувшись. Его чешуйки мерцали, алые глазки блестели от соприкосновения с лучами света, коснувшимися их впервые за последние 1800 лет. Эта свернувшаяся кольцами змейка из золота и рубинов была созданием давно умершего ювелира и некогда обвивалась вокруг женского предплечья. Хозяйка, должно быть, очень дорожила этим украшением, ибо, когда началось извержение Везувия и весь мир вокруг принялся рушиться, она погибла, обратившись в бегство и унося его с собой.

Женщину звали Кассия — людям, нашедшим ее в атриуме ее разрушенного дома, возвестила это имя надпись на золотом кольце, все еще блестевшем на косточке бывшего пальца. Поблизости лежали кое-какие ценности — другие украшения, семейная печать. Кассия была богатой и знатной женщиной, она происходила из влиятельного рода и жила в доме, простоявшем уже не один век к тому моменту, когда время в Помпеях навеки замерло.

Обнаружение Кассии и ее соседей — а также изрядной части их имущества — обернулось множеством подробностей касательно частной жизни города. Руины жилищ скрывали свидетельства личных вкусов, повседневных занятий и домашних секретов помпейских граждан. Археолог Маттео делья Кортэ, занимавший видное место в ходе раскопок в первой половине XX века, особенно прославился

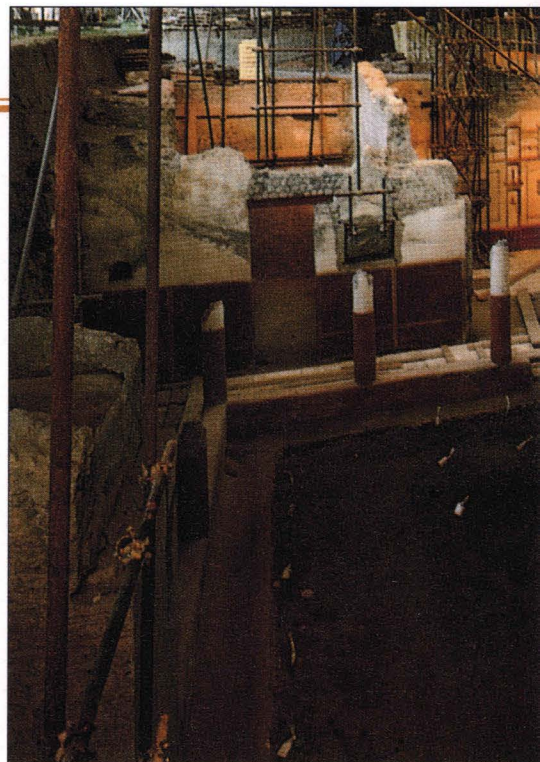
Спустя девятнадцать веков на нас смотрят глаза помпейского адвоката Теренция Неона и его жены. Их портреты с фрески, некогда приветствовавшей гостей у порога их дома, так и светятся жизнью. Он касается подбородка свернутым свитком, а в ее руках — вошедшие таблички и стиль.

тем, что сочетал в своей работе научные навыки с вдохновенными догадками, благодаря чему собирал настоящие “досье” на отдельных помпеян. Отталкиваясь от таких улик, как граффити на стенах, отметки о выборах, ярлыки на винных кувшинах, надписи на могилах и статуях, печати и драгоценные украшения, найденные возле мертвых, — он умудрялся выстраивать связи между людьми и теми местами, где они жили.

Правда, иногда подоплека оставалась неясна. Имена, встречавшиеся в одном контексте, неожиданно всплывали в совершенно другом; неразборчивые буквы, особенности местного диалекта и темноты латыни первого века порождали вопросов не меньше, чем разрешали. Так, создавалось впечатление, что некая Примигения служила предметом всеобщего внимания: “Привет Примигении — сладчайшей, любимейшей! Здравствуй!” “С каким восторгом взирали наши глаза на Примигенио!” Поскольку само имя было довольно распространено (оно означает “первороденная”), эти и несколько других упоминаний вполне могли относиться к разным женщинам, но общий тон высказываний безусловно не мог не заинтриговать.

В 1932 г. делла Кортэ обнаружил строку с упоминанием Примигении, нацарапанную при входе в аристократический особняк (известный теперь как Дом Менандра), принадлежавший родственникам Поппеи, жены императора Нерона. Некоторые слова оставались непонятными, но общий смысл надписи был таков: тот, кто ищет Новеллию Примигению, найдет ее в Нуцерии — соседнем городке, где она живет. Двадцать три года спустя делла Кортэ нашел другую надпись, которая начисто развеяла его прежние подозрения о нраве Примигении: это было небольшое стихотворение на кладбище возле Нуцерийских ворот, посвященное ей. И вновь, надпись допускала более чем одно прочтение, хотя было ясно, что это селования влюбленного поклонника на холодность недоступной любимой. Он хотел бы стать “печаткой на твоём кольце, чтобы приникать к твоим устам поцелуем всякий раз, как ты будешь запечатывать письмо”. Отсюда можно было заключить, что столь недостижимой могла быть лишь писаная красавица с незапятнанной славой.

Какова бы ни была история Примигении, касательно нрава и общественного положения женщины по имени Кассия не могло быть двух мнений. Ее останки были обнаружены исследователями из Археологического института Германии, начавшими раскопки ее дома в октябре 1830 г. в присутствии Августа фон Гете, сына знаменитого поэта. Чтобы почтить своего гостя и его отца, немецкие ученые назвали объект раскопок Домом Гете. Впоследствии он был переименован (ошибочно) в Дом Фавна — из-за найденной в атриуме статуи пляшущего существа с остроконечными ушами, позднее признанного не фавном, а сатиром.

На снимке показан помпейский дом в процессе раскопок и реставрации. Фотограф подсветил перистиль и примыкающие к нему комнаты с фресками. Призрачные очертания некогда бывшего здесь правильного сада просматриваются в почве двора, ныне покрытой решеткой, которая позволяет археологам помечать ярлыками места находок или остатков растительности.

Дом Фавна, одна из наиболее внушительных построек в Помпеях, занимает 3600 квадратных ярдов жилого пространства и образует целый городской квартал, длинный и узкий. Начав с главного входа, расположенного у короткой южной стороны (где мозаика на полу, выложенная кусочками красного, белого, зеленого и желтого мрамора, складывается в латинское приветствие), немецкие археологи принялись медленно прокладывать путь внутрь. Два года спустя они наконец добрались до тыльной стороны дома, но другие части строения оставались заваленными еще почти семь десятилетий. В 1900 г. археологи нашли останки четверых людей и двух коров, сваленные в одну кучу в стойлах — в двух помещениях от того места, где смерть настигла саму Кассию.

Год за годом дом продолжал открывать свои сокровища. Кассия и ее семья явно гордились древностью и изяществом своего жилища, которое некогда принадлежало почтенному роду Сатриев, чьи корни уходили в глубину помпейской истории, еще не знавшей римского владычества. (Вероятно, само семейство Кассии не принадлежало к клану Сатриев: существуют доказательства того, что племянник Суллы вступил во владение домом около 80 г. до н. э., скорее всего, прервав долгую цепочку прямого наследования.) Дом был сооружен в начале II века до н. э., и хотя время от времени производились некоторые внутренние переделки и усовершенствования, каждое поколение владельцев бережно сохраняло архитектурные и декоративные особенности, которыми наделили здание его первые строители. Другие богатые домовладельцы вольны были следовать за переменчивой модой, но хозяева Дома Фавна несомненно ощущали себя хранителями исторического памятника. Даже в 62 г. н. э., когда землетрясением была разрушена большая часть города и это вызвало волну строительных работ уже в новом стиле, — жители Дома Фавна воспротивились переменам. Починить крышу или подновить выцветшую стенопись они могли, но при этом оставались верны прошлому и эстетическим канонам зодчего, на славу выполнившего свой заказ.

Ни один другой дом в Помпеях не являл собой столь совершенного образца эллинистических влияний Греции, наложивших мощный культурный отпечаток на здешние места в ту эпоху, когда Рим еще прозябал в неизвестности. Расположение помещений отличалась логичностью и упорядоченностью, покои были просторны и соразмерны, глаз ласкали открывавшиеся перспективы.

Внутренняя планировка Дома Фавна следовала схеме, которой помпеяне придерживались до самого конца. Они строили жилища согласно обращенной внутрь системе, позволявшей им наслаждаться мягким климатом, в то же время ограждая их частную жизнь и обеспечивая наибольшую безопасность. В большинстве домов через наружную дверь попадали в узкий проход, уводивший к прямолинейному комплексу флигелей, открытых дворов,

портиков, небольших покоев и коридоров. К некоторым частям здания был пристроен второй этаж, другие стояли под открытым небом. В типичных домах возле входа располагался атриум — частично крытый дворик с имплювием — водоемом для сбора дождевой воды, — окруженный рядом помещений поменьше. (Главный атриум в Доме Фавна раскинулся более чем на 50 футов.) Если позволяло место, за атриумом многие домовладельцы строили перистиль — внутренний дворик с колоннадой, возведенный согласно греческим зодческим традициям. Там помпеяне позволяли себе уклониться от эллинистических канонов: вместо того, чтобы мостить центр двора, они разбивали там сад, нередко устраивая в середине водоем с рыбками или фонтан. Те, что были побогаче, могли не ограничиваться единственным атриумом или перистилем и заводили их сразу по два, а то и больше.

В украшении стен своего дома семейство Сатриев придерживалось консервативного подхода, который археолог Август Мау, анализирувавший художественные направления в городе, назвал “первым стилем”. Стиль этот отличался строгостью и вместе с тем красотой. Оштукатуренные стены разделялись на приподнятые панели и закрашивались; нежный колорит и эффекты *trompe l'oeil*³⁵, скрытые в орнаменте, усиливавшиеся игрой света, падавшего через дверные и потолочные проемы, создавали иллюзию мрамора. Другие декоративные элементы — отчасти, вероятно, добавившиеся при позднейших поколениях — свидетельствовали о большем вкусе и изощренности. Ни один другой особняк не мог похвастаться более ослепительной коллекцией фигурной мозаики: ряд театральных масок, олицетворявших Трагедию, на фоне буйной растительности; различные сценки с животными — от кошек и голубей до морской живности; сатир с торчащими острыми ушами и менада — спутница бога вина Вакха, — сплетенные в жгучем объятии.

Александр Великий с обнаженной головой (наверху), посреди лязга копий, мечей и цокота копыт, гонит своего мощного Буккфала прямо на персидского царя Дария (он в тюрбане). Тот же склоняется с колесницы, чтобы узреть возмездие, явившееся ему из Македонии. Этот шедевр мозаичного искусства, выложенный из полутора миллионов крошечных камешков, украшал пол в помпейском Доме Фавна. Ущерб, следы которого видны в левой части композиции, видимо, относится ко времени землетрясения 62 г. н. э.

Но ни одно другое художественное творение из найденных в Помпеях не произвело впечатления столь глубокого, как показанная здесь напольная мозаика, обнаруженная в начале второго года раскопок в Доме Фавна. 24 октября 1831 г. археологи докопались до *эксседры* — большого помещения, открытого с одной стороны и расположенного между двумя перистилами дома. Там их глазам открылась батальная сцена, отличавшаяся тщательностью проработки и драматической силой воздействия. Мозаика была целиком выложена *тессерами* — крошечными тесаными камешками разных цветов. Художественная мощь этого произведения преодолела тяжесть истекших веков: другие мозаики на сходный сюжет дошли до нас от классической эпохи, но ни одна из них не могла сравниться с новой находкой по силе воздействия и мастерству исполнения.

Сначала картина не поддавалась точному истолкованию, и в ней усматривали просто военное столкновение двух царей — вероятно, «варвара» и грека. Первый наклонялся со своей колесницы, второй сражался верхом, а вокруг сходились в бой полки. Однако это не было упрощенным прославлением воинской удачи. Изображение было проникнуто глубокими чувствами главных действующих лиц: оба смотрели в глаза смерти и пытались спасти своих соратников.

Через несколько месяцев после обнаружения мозаики трое итальянских ученых предложили ее более точное прочтение. Предметом изображения является историческая битва, исход которой решил судьбы значительной части древнего мира, а именно — война между персами во главе с Дарием³⁶ и войсками Александра Македонского, который изображен здесь на своем легендарном коне Букефале. Гете, узнав о таком выводе и изучив рисунки, выполненные с мозаики и присланные ему другом, согласился с утверждением итальянцев. «Не может быть никакого сомнения, — писал он в

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛАД В ЗАГОРОДНОМ ПОМЕСТЬЕ

“Наслаждайся жизнью, пока живешь, ибо на завтрашний день нет надежды”, — гласит надпись, начертанная на серебряном кубке (*справа*), найденном в помпейском загородном поместье. Этот пророческий совет иллюстрируют сценки с “живыми” скелетами, тянущиеся вокруг чеканного сосуда. Этот кубок, к которому существует пара, является одним из 109 предметов коллекции серебра, обнаруженных в 1895 г. в ходе раскопок виллы Пизанеллы в пригородном районе Боскореале, что в двух милях от Помпей. Серебряный клад, состоявший из полного столового набора, а также нескольких декоративных предметов, был спрятан в чане в помещении виноградной давяльни. Рядом с ча-

ном нашли скелет женщины, должно быть, спрятавшей сокровище в надежде когда-нибудь вернуться за ним.

В Помпеях, как и в Риме, серебро было излюбленным материалом для роскошной столовой утвари. Черпая вдохновение в образах, награбленных во время военных походов на восток или приобретенных богатыми гражданами, способными заплатить высокую цену за подобные предметы, римские среброкузнецы наладили собственное производство, призванное удовлетворить возникший спрос. Изпод их рук выходили тщательно изваянные кубки, чаши, кувшины, вазы, ковши, блюда и миски, а также предметы личного обихода, — например, зеркала с ручками. Те, кто мог позволить себе такую роскошь, все чаще покупали такие изделия и передавали их по наследству как фамильные драгоценности; одно блюдо из коллекции Пизанеллы к моменту катастрофы было в обращении уже триста лет. В конце концов, высокая производительность среброкузнецов привела к тому, что даже весьма скромное хо-

Сценки, украсившие этот кубок, полны мрачного юмора: над каждым из скелетов надписано имя одного из знаменитых философов. Наверху слева видно, как скелет, поименованный Эпикуром, с жадностью хватается со стола пирога.

зяйство порой обзаводилось одним-двумя серебряными предметами, но собрание такого размаха, как клад на вилле в Боскореале, могло принадлежать только очень богатому семейству. Вскоре после того, как на вилле было обнаружено это серебро, весь набор приобрел граф Эдмон де Ротшильд за сумму, эквивалентную нынешним полутору миллионам долларов. Два года спустя он передал всю коллекцию, включая воспроизводимые здесь предметы, в дар Лувру.

Этот кувшин для вина, должно быть, украшал пиришественный стол во время особых торжеств. Среди фигур, которыми он отделан, — купидон и крылатая Победа, приносящая в жертву оленя.

Плодоносные оливковые ветви — частый мотив в римском искусстве — обвивают этот кубок с двумя ручками. Тонкое мастерство отливки и богатство деталей свидетельствуют о необычайно высоком техническом уровне работы.

Это блюдо, выполненное из серебра и золота (наверху и справа), служило чисто декоративным целям и выставлялось для красоты. Выступающая из него фигура олицетворяет африканскую провинцию Рима. На ней головной убор из хобота, клыков и ушей слона. Рог изобилия указывает на плодородие этой земли.

Изящное зеркало с ручкой (внизу) — один из немногих предметов личного обихода, найденных в серебряной коллекции. На его оборотной стороне изображена Леда с лебедем — распространенный сюжет из греческой мифологии.

марте 1832 г., — что мозаика изображает Александра в роли победителя и Дария среди своих отрядов, побежденного и вынужденного обратиться в бегство”. “Это самая величественная картина во всем мире”, — провозгласил немецкий ученый Людвиг Курциус.

Несмотря на хранившиеся в Доме Фавна художественные ценности, он все же был не музеем, а жилищем богатого семейства, любившего наслаждаться жизнью. Пространство всегда особенно ценилось в помпейских домах, но в то же время здесь хватало места для различных домашних надобностей — для уборной, мастерских, садовничьих сараев, кладовых помещений. К ним вел отдельный коридор, а иногда они располагались вдоль тыльной части домового строения. Среди прочих удобств, в Доме Фавна имелись древнейшие в Помпеях частные банные помещения, оснащенные подпольной системой отопления, а также весьма просторная кухня с высоким потолком и множеством окон — для лучшего оттока дыма и запахов пищи.

В те дни, когда в дом Кассии были званы гости, в этой части дома кипела работа. Целый отряд рабов, приставленных к хозяйству, — а их в семье были десятки, — готовили пиршественные яства, убрали помещения и, вообще, улаживали как хозяев, так и гостей. Среди досужих высших сословий Помпей подобные развлечения были своего рода важным долгом. Обед начинался часа в три-четыре пополудни — после того, как гости уже совершили ритуальное посещение бань — и порой затягивался до позднего вечера. Общительные помпеяне часто проводили в совместных трапезах и утро, перемежая их азартными играми вроде костей или представлениями рабов — танцоров и музыкантов, нанятых на ночь. В некоторых кругах обычным делом были литературные дискуссии.

В Доме Фавна было четыре пиршественных помещения, которые использовались в зависимости от времени года, погоды и количества гостей. В жаркий летний день пирующие располагались в комнате, открывавшейся с одной стороны на перистиль и легко продувавшейся. В холода обед подавали в более защищенную от ветра столовую, прекрасно освещавшуюся благодаря большим окнам и украшенную напольной мозаикой с добавившим сезону сюжету: дух Осени, оли-

На этой кухне, довольно тесной, как это обычно было в помпейских домах, жаровня с углями была устроена поверх каменного очага — главном месте приготовления пищи. Бронзовую посуду с изогнутыми днищами засовывали поглубже в угли для большего поглощения тепла. Дым легко улетучивался через окошко над очагом, а в некоторых кухнях имелись и отверстия в крыше.

цветочный купидоном в венке из виноградных листьев, скакал верхом на льве и осушал глубокий золотой кубок.

Во время обеда или пира участники трапезы возлежали друг подле друга на трех широких, чуть скошенных ложах, поставленных U-образно вокруг общего низкого стола. Кроме того, возле каждого ложа стояли треногие круглые столики с подносами. При этом строго соблюдались установленные правила приличия, хотя досточтимому хозяину Дома Фавна (ни одна надпись не подсказывает нам, кем он приходился Кассии — отцом или мужем) никогда бы не взбрело в голову то, что проделал один его современник (вероятно, человек с не столь твердым социальным положением). Тот испещрил стены своего триклиния различными назиданиями касательно должного поведения:

Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры!
Если не можешь, шаги к дому обратно направь.
Взор на супругу чужую не смей кидать похотливый,
Ласков с нею не будь: скромно себя ты вежи.

Жилище этого домовладельца по праву стяжало себе имя Дома Моралиста.

Гости, собиравшиеся в доме у Кассии, наверняка являли смешение различных общественных слоев. Подобно другим видным гражданам своей эпохи, хозяин, должно быть, с удовольствием приглашал, наряду с друзьями собственного ранга, каких-нибудь купцов и торговцев, своих бывших рабов, которым он даровал свободу и помог обустроить дела, тщеславных сыновей этих вольноотпущенников, прочих клиентов — граждан скромного достатка, видевших в хозяине-патроне своего покровителя и благодетеля. Сколь разношерстным ни было это стечение гостей, для особо торжественных случаев количество гостей было точно оговорено: римляне находили, что наилучше число сотрапезников — девять, ибо на каждом ложе без труда помещались по трое. Но даже в таких случаях в пиршественном зале было порядком тесновато: туда-сюда сновали слуги, к тому же, многие гости приводили сюда для личных надобностей собственных рабов.

Если сам Дом Фавна был весьма примечателен внешне, то и хозяин его был человеком утонченных, в чем-то даже консервативных, вкусов. Следуя старинным обычаям, он потчевал гостей скорее изысканными, нежели обильными, яствами. Кушанья легко было брать ложкой или пальцами. Резать мясо вовсе не

Предметы утвари, показанные ниже, использовались в хозяйстве помпейских повара: это плоская бронзовая сковорода, миска красной глины с крышкой, железная решетка, которую клали на железный треножник для поджаривания мяса или рыбы, длинногорлые глиняные кувшины для пряностей, приправ или масла, и бронзовый противень для приготовления пирожков.

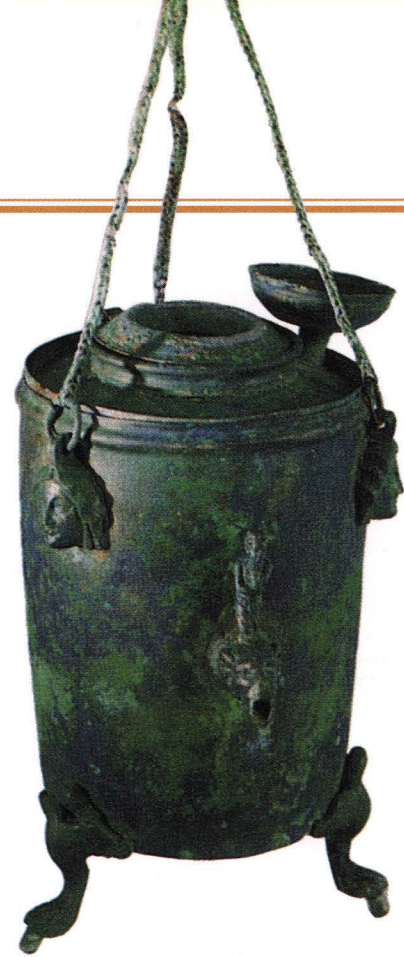

возникало необходимости — это проделывали рабы, прежде чем подать блюдо к столу. После того, как пищу приносили с кухни, она могла несколько остыть, но тут же, в зале, стояли переносные жаровни, где можно было вновь ее разогреть, или же нанести “последний штрих” в приготовлении лакомства прямо на глазах у гостей.

Часто первая “перемена” состояла из разных мелких вкусных вещей (это во многом походило на нынешнее итальянское *антипасто* — закуску), среди которых, как правило, были яйца и маслины. Если Кассия и ее родня знали толк в Апиции (древнеримский кулинар и гурман, оставивший собрание рецептов, которое дошла до наших дней), возможно, они заказывали повару одно из его “фирменных” лакомств в качестве главного блюда — быть может, свежую ветчину, начиненную смесью из сушеных фиг, меда и лаврового листа, а затем запеченную в тесте. Говядину ели куда реже, чем свинину или ягненка. Из птиц ценились гуси и всякая дичь. Поскольку помпеяне жили в двух шагах от Неаполитанского залива, то и местные дары моря у них на столе не переводились. Подавали рыбные блюда, обильно сдабривая их разными острыми соусами.

Во вкусе римлян были острые добавки — перец, ароматные пряности вроде тмина, и более привычные специи типа лаврового листа и тимьяна. Многие кушанья имели кисло-сладкий вкус; обычный соус для домашней птицы или пернатой дичи включал перец, обжаренный тмин, сливы, мед, уксус и миртовое вино. И редко какое блюдо не поливали обильно *гарумом*³⁷ или *ликваменом*³⁸ — жгучей соленой жидкостью, приготовленной из перебродившей массы мелких рыбешек вроде анчоуса и кильки, перемешанной с внутренностями скумбрии и прочих крупных рыб. Гарум был довольно густым и острым соусом, ликвамен — его более легкой, процеженной разновидностью. Десерт, называвшийся на обиходной латыни той эпохи “вторым столом”, непременно включал свежие плоды, а к ним уже мог прилагаться сладкий сырный пирог, посыпанный маком, или приготовленная смесь из взбитых яиц и оливкового масла, которую подавали с толченым перцем и медом. От этого лакомства — *ova mellita*, то есть “яйца в меду”, — сохранилось до наших дней, благодаря потомкам галлов, лишь название — “омлет”.

Только после завершения трапезы гости принимались пить всерьез. Иногда гости перебирались в другую залу, где уже пылал огонь в бронзовых или глиняных масляных светильниках, а рабы заново разносили вино. Ничей кубок не пустовал подолгу. В просторной кладовой, примыкавшей к кухне в Доме Фавна, имелся внушительный запас амфор, некогда полнившихся хозяйскими любимыми винами. Возможно, среди них было и местное — так называемое везувийское (*Vesuvinum*). Мало кто пил вино неразбавленным. В прохладные дни его подогревали, добавляя ков-

За обедом помпеяне, любившие разбавлять вино, держали воду поблизости — в сосудах для подогрева. Эта превосходной работы бронзовая урна, несколько смахивающая на самовар, предусматривала двойное применение: ее можно было подвешивать на цепях, крепившихся к трем кольцам в виде женских голов, или ставить на пол на три ножки в форме львиных лап. Устройство, помещенное внутри посуды, позволяло нагревать воду на углях. Найденные внутри сосуда угольки заставляют предположить, что его как раз использовали в те минуты, когда началось извержение Везувия.

Дельфины, послушно ныряющие по мановению бородатого Тритона, служат ручками для крышки этого нарядного бронзового сосуда для разогрева пищи. Внутренний очажок скрыт за двойными дверцами, напоминающими в миниатюре двери храма. Зимой такие нагреватели вдвоём прогоняли холод, пробравшийся со сквозняком в помпейские триklinии. Боковые ручки сосуда, отлитые в форме человеческих рук, позволяли легко перетаскивать его с места на место.

шик кипящей воды; летом же, наоборот, вино пили охлажденным, подливая в него прозрачную родниковую воду.

Люди покладистее, не в пример семейству Кассии, любили поражать гостей необычайной роскошью и обилием снеди, выписывая дорогие лакомства с дальних концов света. Любили они и прихотливые, требовавшие большого труда кулинарные изделия, состряпанные вовсе не из тех компонентов, которые ожидались. Автор прославленного *Сатирикона* Петроний³⁹, живописуя пиршество в доме вымыщенного обжоры Трималхиона в приморском городке, чем-то напоминающем Помпеи, упоминает, в числе прочего, такие лакомства: дикий вепрь с целой стаей живых дроздов, зашитых в брюхе; заяц в перьях, как бы в виде Пегаса; свинья, приготовленная в виде жирного гуся, окруженного всевозможной рыбой и птицей. Обрисовав Трималхиона и его окружение, Петроний лишь слегка сгустил краски, так что помпеяне, читавшие его, наверное, с пониманием улыбались: уж они-то знали, о каких людях он толкует.

В Помпеях тоже имелся свой слой “новых богачей”. В отличие от таких семейств, как Сатрии, чье богатство основывалось на земельном владении в течение многих поколений, эти выскочки (*homines novi*, дословно “новые люди”) сколотили состояние на торговле и вот теперь силились внедриться в среду местной потомственной аристократии. Один видный представитель этого расширившегося сословия, вероятно, на свой скромный лад способствовал успеху пиров, устраивавшихся в Доме Фавна. Имя его — Авл Умбриций Скавр. Скорее всего, он был ведущим производителем и торговцем острыми рыбными соусами, о которых шла речь выше. Множество подробностей его личной жизни и рода занятий были восстановлены, на основе самых разных источников, американским исследователем античности Робертом Кертисом, который начал изучать сей предмет в 1970-х гг.

Помпеи — возможно, из-за своей близости к рыбообильному морю — служили одним из важнейших в империи поставщиков гарума и ликвамена. Плиний Старший включал их в перечень городов, славившихся своим рыбным соусом. Ввиду того, что на этой приправе буквально держалась вся римская кухня, торговля гарумом была делом весьма прибыльным. Соус заливали в небольшие терракотовые сосуды, которые развозили во все концы империи; даже римские легионы, выступая в поход, прихватывали с собой изрядный запас рыбного зелья. Довольно часто на цветных ярлычках, прикреплявшихся к таким сосудам, стояло имя Умбриция Скавра и его родни (как правило, помимо наименования товара, на ярлыках значились имена его производителя, перевозчика и получателя). При раскопках кувшины с ярлыками Скавра обнаруживались в различных лавках и домашних погребах в Помпеях, в соседнем Геркулануме, а порой и весьма далеко — например, на территории современного городка Фос-сюр-Мер в южной Франции.

ПИРШЕСТВА В ГОРОДЕ ИЗОБИЛИЯ

Помпеяне знали толк в еде, и благодаря свежим дарам полей, речных потоков и моря, а также привозным диковинкам из других средиземноморских стран они ели на славу. День начинался с хлеба и меда, толики вина — чтобы размочить корочку — и, быть может, оливок с финиками. Вторая трапеза обычно бывала легкой — яйца, хлеб и сыр. Иное дело — обед. В зависимости от времени года, имевшихся запасов и случая его подавали в полдень или ближе к вечеру. Если беднякам приходилось довольствоваться в основном похлебками из пшеницы, лушеного гороха или крупных бобов, то богачи лакомились обильной и пряной снедью — особенно, когда к столу были званы гости.

По обычаю, каждый гость приносил с собой зубочистку и салфетку, чтобы пользоваться ими во время еды. А под конец пира можно было, в качестве небольшого вознаграждения, пожаловать запачканный утиральник рабу-прислужнику. Поскольку вилок не существовало — а это означало, что пищу приходилось брать пальцами, — без салфетки было никак не обойтись.

Чтобы удовлетворять взыскательным вкусам покупателей, Скавр не только производил несколько разновидностей рыбного соуса сам, но и ввозил для продажи в Помпеях кое-какие чужеземные приправы. Ярлыки на некоторых кувшинах говорят о том, что товар доставлен на имя Скавра от некоего производителя из Испании. Помимо собственного “торгового дома”, Скавр владел долей прибылей — возможно, решающей долей — по меньшей мере в шести других лавках, разбросанных по всему городу. Судя по надписям на ярлыках, найденных в Помпеях и их окрестностях, эти лавки принадлежали другим представителям клана Скавров. В различных “накладных” значатся имена его не то жены, не то сестры, а также двух вольноотпущенников, принявших родовое имя соусопромышленника.

Собственным детям Скавр искал занятий более возвышенных. Должно быть, он пустил в ход свое богатство, чтобы продвинуть сына вперед по государственной службе, ибо этот молодой человек (носивший то же имя, что и отец) был избран на должность дуумвира, которой никогда не заполучил бы без изрядной “подмазки”. Скавру Младшему не суждено было долго упиваться таким успехом: в семейной гробнице, что за Геркуланскими воротами Помпей, его память увековечила эпитафия. Хотя политическая деятельность молодого Скавра оказалась недолгой, судя по всему, он успел заслужить настоящий почет среди сограждан. На могильной доске его отец особо упомянул о двух тысячах сестерциев, которые пожертвовал городской совет на его похороны, и о решении совета воздвигнуть в его честь конную статую (ныне утрачена) на форуме.

Сколь бы велико ни было его богатство, каких бы высот в обществе он ни достиг, — Скавр Старший не переставал гордиться тем, как он нажил свое состояние. Его дом в старинном квартале Помпей, рядом с Приморскими воротами, представлял собой красивое здание, построенное на разных уровнях, с тремя атриумами, прудом с рыбками посреди перистилля и частными банями на нижнем этаже. Некоторым частям этого дома ко времени извержения было уже лет двести, но Скавр — или его предшественники — подновил дом в соответствии с новейшими веяниями. Вкусы Скавра явно склонялись к хвастливой роскоши. Ярчайшим проявлением его тяги ко всему показному стало модное новшество — напольная мозаика в атриуме, примыкавшем к новому главному входу: выложенная черными и белыми тессерами декоративная композиция, больше всего поражающая невероятно натуралистичными изображениями четырех кувшинов для рыбного соуса. Каждый сосуд был воссоздан в мельчайших подробностях, вплоть до ярлычка с четкой надписью от руки, где были означены не только само содержимое, но и его происхождение и отменное качество. На всех ярлыках, кроме одного, красовалось имя самого Авла Умбриция Скавра.

Расположение этих мозаичных сосудов было тщательно продумано, дабы сразу притягивать взгляд. Скавр явно стремился к тому,

Обед, включавший три перемены блюд, мог длиться часами. Первая перемена, или *gustus* — “закуска”, — могла состоять из устриц и овощной смеси. За ней следовало мясное блюдо. На пире были желанны сразу несколько видов птицы — от голубя, куропатки и фазана до павлина, страуса и фламинго (как говорится в одном из рецептов, “если нет фламинго, сойдет и попугай”). Рыба тоже часто появлялась на столе, тем более, повара были вольны выбирать среди сотни различ-

ных пород. После мясного блюда подавали плоды; а затем уже все принималось пить по-настоящему. На самых тонких винах были обозначены имя винодела и консула, при чем правлении давили виноград (любимейший сорт вина “старился” до ста лет).

Под рукой у поваров имелось великое множество рецептов, в том числе записанных Апицием — одним из первых в мире гурманов, составившим кулинарную книгу. К подобным лакомствам принадлежали: фаршированная соня (мелкий грызун, живущий на деревьях) и улитки, откормленные молоком. Одно из наиболее знаменитых блюд, описанных Апицием, — паштет из языков фламинго и печени кефали. И горе тому из поваров, кому не удавалось столь прихотливое лакомство: его приводили к хозяину и нещадно секли.

чтобы гости заметили их, принялись бы расхаживать кругом, изучать по очереди каждый ярлык и издавать подобающие восклицания восторга и изумления. Подобный фокус едва ли пришелся бы по вкусу настоящим патрициям с их врожденной сдержанностью. По словам Роберта Кертиса, “Скавр и Трималхион наверняка поладили бы между собой”.

Лишь таким символическим и несколько безвкусным образом представлен в доме Скавра его промысел: сами же перерабатывающие и прочие ремесленные заведения располагались далеко отсюда. Собственное пышное жилище виделось ему местом, более подходящим для расточения и выставления напоказ, нежели приобретения, богатств. Между тем, иные помпеяне — и отнюдь не какие-нибудь скромные ремесленники, а люди, занимавшие в обществе место куда выше, чем Скавр, — не проводили столь резких разграничений между местом работы и частным домом. Возможно, даже кто-то из обитателей Дома Фавна не чурался торговли по мелочам. Вдоль фасада здания расположились четыре лавки, причем в двух имелись внутренние ходы, тянувшиеся к самому дому: едва ли это было бы возможно, если бы помещения просто сдавались внаем какому-нибудь торговцу, не связанному с домовладельцами узами родства.

Луций Цецилий Юкунд, один из ведущих финансистов города, несомненно вел все свои дела дома. Он держал записи своих сложных денежных сделок в прекрасном жилище на Виа Стабиана. В 1875 г. археологи, расчищавшие там завалы мусора, обнаружили окованный бронзой сундук, где хранились 154 восковые таблички, чудесным образом не пострадавшие от разрушений, что нанес Везувий. Эти таблички, содержавшие сводки займов, выплат и прочие финансовые секреты многих видных помпейских граждан — в том числе, соупромышленников из клана Скавров, — снабдили историков множеством ценных сведений относительно древнеримского банковского дела.

Юкунд был сыном вольноотпущенника, заложившего основы прибыльного семейного дела. Кто-то из них счел нужным, в свой черед, даровать свободу одному из собственных рабов. Чтобы выразить признательность, новый вольноотпущенник заказал бронзовый бюст своего бывшего хозяина, а затем подарил ему несколько копий для украшения атриума. Надпись на пьедестале единственной сохранившейся копии сообщает имя дарителя, посвятившего это произведение своему благодетелю: “Вольноотпущенник Феликс — гению нашего Луция”.

Неважно теперь, кого изображает бюст — Юкунда или его отца, зато сам этот человек словно заново ожил, и облик его остался неповрежденным. Древнеримские ваятели, в целом, достаточно искусно и реалистично передававшие портретное сходство, порой идеализировали черты модели. Но этот мастер изобразил лицо прозорливого

дельца с предельной честностью, чуждой украшательства. Он не пощадил ни низкого лба, ни морщин, ни больших оттопыренных ушей, из-за которых, наверно, в детстве его дразнили сверстники. Но скульптор не забыл передать и умного, пронизательного взгляда. Судя по внешнему облику, этого человека нелегко было бы перехитрить в финансовых делах.

Доказательством деловой хватки Юкунда служил его роскошный дом на Виа Стабиана. Сколь скромным ни было происхождение его рода, Юкунд вместе с богатством обрел и любовь к искусству. Он заказал ряд прекрасных настенных фресок, в том числе — на сюжет Троянской войны. Живопись изображала эпизод с выкупом царем Приамом тела убитого Гектора. Извержение Везувия сильно повредило это произведение, но один ее фрагмент все же сохранился: царица Гекуба, уже в преклонных летах, но все еще миловидная, смотрит из окна на погибшего сына, и на лице ее написана скорбь.

Некоторым помпеянам сама их собственность служила источником доходов. Среди предприимчивых горожан, именно таким образом добывавших себе средства к существованию, была некая Юлия Феликс — владелица самого большого (по результатам раскопок на сегодня) дома в Помпеях. Занимая площадь вдвое большую, чем Дом Фавна, это строение охватывает огромную часть городского пространства и образует целый квартал через улицу от Большой палестры и амфитеатра; его северный фасад выходит на Виа дель'Аббонданца. Несмотря на расположение дома внутри стен города, ученые окрестили его виллой — прежде всего, из-за его неохватных размеров. Кроме того, и распределение внутреннего пространства скорее напоминало сельское имение. Во владении имелись изысканные жилые покои, большой сад, а в нем — пруд с рыбками и изящный портик со стройными прямоугольными колоннами из мрамора, харчевня, бани, лавки и целая цепочка жилых построек с отдельными входами для сдачи жильцам. В тот роковой день, когда заволновался вулкан, с наружной стороны стены возле одного из входов висела большая доска с объявлением о сдаче помещений внаем: "В земельном владении Юлии Феликс, дочери Спурия, сдаются бани, достойные самой Венеры, подходящие уважаемым особам, а также лавки, комнаты на верхнем этаже и другие покои, начиная с ближайших августовских ид

Треногий круглый столик покоится на полу с изысканной мраморной инкрустацией, окруженной мозаикой с фигурами животных. Столик был найден в таблинуме — большом помещении для приемов, размещавшемся между атриумом и перистильным садом, или двором. На таких столах обычно расставляли какие-нибудь лакомства для гостей.

*Масляный светильник, во-
друженный на такую высо-
кую тонкую подставку, ос-
вещал помпейские ночи
тускло и дымно. В этом
светильнике имелась всего
одна насадка для фитиля,
но иные насчитывали до
четырнадцати насадок, —
причем становилось чем
светлее, тем дымнее.*

*Бронзовая скамейка с ладно
сработанными ножками по-
казалась бы куда привлека-
тельнее, будь на ней и
сейчас привычные подушки
для сиденья. Такой предмет
мебели назывался бисел-
лий — "двойное сиденье".*

и до тех пор, пока не повторятся они шесть раз, то есть на пять лет кряду. По истечении же пятилетия, найм можно возобновить простым соглашением”.

Если бы не извержение Везувия, Юлия Феликс с удовольствием провела бы потенциальных жильцов по своим обширным владениям. Но прошло почти 1700 лет, прежде чем кто-либо заглянул сюда. А те, кто навещался в дом в 1755 г., оказались шайкой кладоискателей, и их интересовали не столько хитрая планировка и убранство дома, сколько ценности, которые легко было вынести. Они разгребли груды щебня и увезли с собой такие бесценные предметы, как, например, стенные фрески с Аполлоном и Музами (позднее они обрели пристанище в Париже, в Лувре). Эти первые “археологи”, одержимые безумной жадностью наживы, разграбили дом, растащив обстановку “на сувениры” и оставив его в худшем состоянии, чем прежде.

В течение почти двухсот лет руины дома вновь пролежали среди мусора. Те скудные сведения, что были известны о них, давали повод необоснованным слухам о назначении постройки. Кое-кто из первых исследователей, не понимая, что многие из найденных предметов служили символами плодородия, и не в силах выйти за рамки собственного пуританского сознания, которое и в прочих свидетельствах усматривало лишь непристойность, — выстроили целый миф, основываясь на таких “уликах”, как объявление, расхваливавшее “бани, достойные Венеры”, огромный фаллос, высеченный из камня, и граффити, оставленные множеством постояльцев, — в том числе, неким Фебом, сообщавшем о своем роде занятий — мужской проституции.

В 1952 г. итальянский археолог Амедео Майюри (который в середине XX века долгое время руководил раскопками) предпринял вторую — и куда более тщательную — попытку исследовать этот объект. Он отнесся и к самому владению, и к владельцу с неизмеримо большим почтением, нежели его предшественники, жившие в XVIII

веке. Хотя о Юлии Феликс известно, пожалуй, лишь то, что она была наделена изысканным вкусом — о чем говорит изысканная обстановка ее дома, — можно смело утверждать, что это была женщина деловой хватки, умевшая разглядеть возможную прибыль. Некоторые ученые высказывают догадку, что

она была обедневшей наследницей, вынужденной сдавать внаем родовой особняк. Правда, имя ее отца — Спурий — наводило на мысль о скромном происхождении, но из этого еще не следует делать определенных выводов. Неважно, унаследовала Юлия виллу или купила ее сама, — она явно рассматривала ее как собственность, способную приносить прибыль.

Ученые по сей день спорят о том, для чего предназначались сдававшиеся части здания. Исследования Майюри показали, что “баня, достойная Венеры”, была не комнатой водяных забав для почитателей богини любви, а небольшим общественным заведением, которое Юлия оборудовала из тех трезвых соображений, что подобное дело может приносить немалый доход. Майюри считал, что после землетрясения 62 г. н. э. многие крупные городские бани были выведены из строя, а Юлия, заметив брешь в рынке услуг, заполнила ее. Она произвела все необходимые изменения, в частности, обустроив *судаторий* — парильню и помещение для погружений в холодную воду (фригидарий).

В отличие от Майюри, Маттео дела Кортэ полагал, что имение служило “штабом” объединения, известного под названием “юные помпеяне”. Они-то и устроили в доме собственный гимнасий со всем необходимым атлетическим снаряжением. А в 1988 г. американский исследователь античности из Дьюкского университета Лоренс Ричардсон выдвинул новое истолкование. Он предположил, что дом с самого начала был построен как баня и харчевня для всякого рода дельцов. Так или иначе, те, кто посещал это место, без стеснения — в типично помпейском духе, — оставляли свои “автографы” везде, где только могли найти еще не замазанную надписями поверхность. Дела Кортэ, изучая эти древние граффити для собственных следопытских надобностей, сличил имена писавших здесь с именами, встречавшимися в других местах, и сумел узнать кое-что о положении этих людей в обществе. Одни смело сообщали свое родовое имя и род занятий, другие скрывались под прозвищами.

Хотя ничто не говорит о том, что все эти люди жили здесь одновременно, среди них явно имелись и знатные юноши, и ремесленники, и работяги попроще. Здесь бывал некий Кампан, ювелир, и Авл Веттий — возможно, отпрыск богатого купеческого рода, владевшего одним из крупнейших в городе особняков; Приск, зарабатывавший на жизнь ремеслом гравера, и Габит, надоедавший друзьям рассказами о своей победе в атлетических состязаниях, которые произошли 21 апреля неведомо какого года в Нуцерии.

В других частях виллы постояльцы нанимали комнаты на совсем короткое время. Там парочки оставляли записи о своих посещениях: так, Пифия Прима водила здесь шашни с неким мужчиной, назвавшимся Спаритундиолом (дела Кортэ перевел это прозвище как “лопающийся лещик”).

Чем бы ни занимались жильцы, Юлия поддерживала свое имение в превосходном состоянии и заботилась о роскоши. Про-

ПОМПЕЙСКИЕ САДЫ НАСЛАЖДЕНИЙ

Граждане Римской империи чрезвычайно высоко ценили сады — общественные, частные, торговые, — почитая их непрменным залогом благополучной жизни. Помпеяне, в частности (а им, по словам поэта Флора, досталась “прекраснейшая страна, не только в Италии, но и в целом мире”), проводили всякий досужий миг в садах, шелестевших густой зеленью в самой укромной части жилища.

В просторных домах иногда имелось несколько изысканных перистильных садов. Это были милые оазисы меж колонн, открытые небу, где хозяева могли вкушать покой, внимая журчанью фонтанов и наслаждаясь видом мраморных и бронзовых изваяний, расставленных среди растений. Даже в самых маленьких домах имелся крошечный садик.

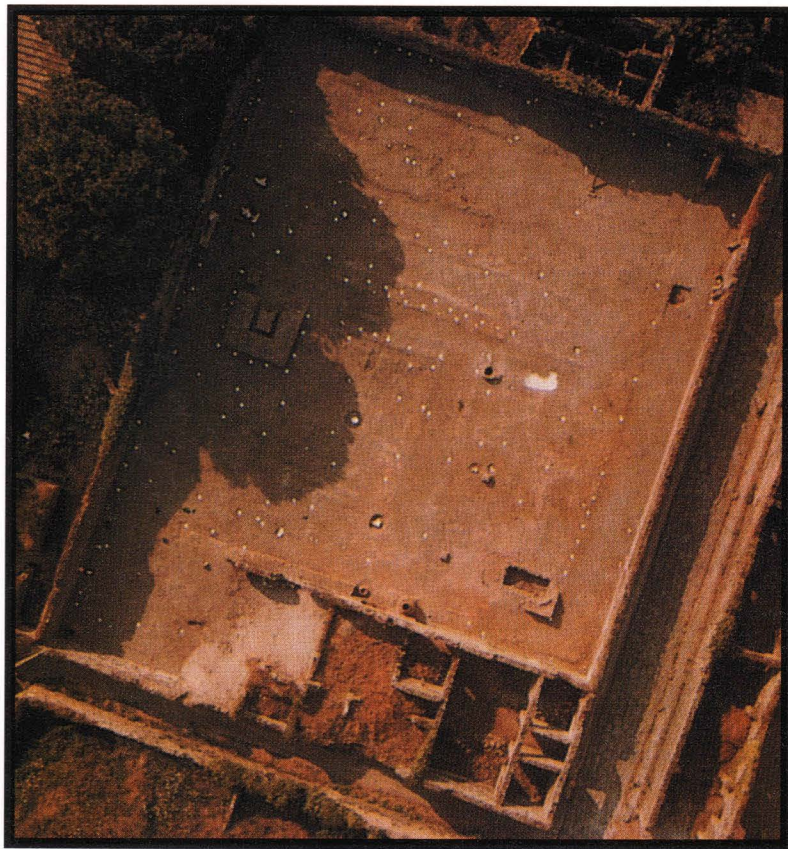
В строгих садах преобладали вечнозеленые деревья, да несколько разновидностей цветов создавали яркие пятна на траве. В менее строгих садах простирали тень

плодовые и ореховые деревья. Тут же росли овощи и прочие съедобные травы, — благо, отличный климат позволял собирать урожай трижды в год, если не чаще. В дни особых торжеств между колоннами подвешивали старательно сплетенные гирлянды из цветов и плодов. Этой форме украшения часто подражали и художники, расписывавшие стены во внутренних помещениях (наверху).

Среди исследованных в Помпеях садов doskonaльнее всего изучен обширный (115×23 фута) участок в юго-восточной части города (вни-

зу). Этот сад, сразу показавшийся чересчур большим для скромного дома, назвали Геркулесовым Садом, так как в ходе первых раскопок, в 1953—54 гг., там обнаружили мраморную статую этого божества. Назначение сада стало понятным после того, как дальнейшие раскопки — с применением некоторых хитроумных археологических методов (см. следующие страницы) — показали: растения, которые выращивали здесь (быть может, и не круглый год), составляли основу прибыльного промысла.

Как отчетливо видно на этой фотографии Геркулесова Сада, снятой с воздуха, сам дом (в нижнем правом углу) по сравнению с садовым участком кажется карликом. Белые точки, усеявшие землю, — это цементные слепки, снятые археологами с обнаруженных в почве полостей.

АРОМАТЫ ПРОШЛОГО

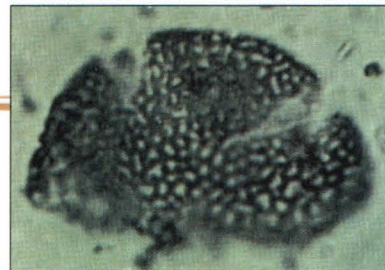
Вильгельмина Яшемски, специалист по Помпеям с мировым именем, занимаясь разгадкой “улик”, сокрытых под выбросами Везувия, посвятила более тридцати пяти лет кропотливому восстановлению истории городских садов. Эти исследования позволили ей на удивление подробно рассказать, что за растения выращивали в этих садах, как за ними ухаживали и даже — для каких целей они предназначались.

Например, когда она расследовала загадку Геркулесова Сада, значительная часть ее “сыскной” работы сводилась к изучению почвенных контуров и обугленных растительных остатков, а также к выполнению гипсовых слепков с полостей в земле, оставшихся от разложившихся корней и колышков (внизу). Эти слепки послужили своего рода “отпечатками пальцев”: благодаря им обнаружилось, что некогда в Геркулесовых Садах произрастало несколько крупных деревьев, в том числе — вишня и огромная старая олива. Отсутствие же в остальной части сада углублений, оставленных деревьями или другими растениями,

указывало на то, что там росли в основном цветы и овощи, а их разложившиеся корни были бы чересчур малы, чтобы оставить заметный след внутри вулканического мусора. Такой вывод подкреплялся еще одним свидетельством: повсюду было найдено множество углублений от колышков, на которые натягивали навесы, чтобы уберечь молоденькие растения от палящего солнца.

В образцах почвы, которые Яшемски отправила на экспертизу Г. В. Димблби, профессору Института археологии Лондонского университета, были найдены остатки древней пыльцы. Хотя специалисты утверждали, что никакая пыльца не выдержала бы ни температуры раскаленных вулканических выбросов, ни истекших с тех пор столетий, — Димблби все же удалось опознать 21 разновидность пыльцы. В их числе практически отсутствовала пыльца сорняков — а это, наряду с иными указаниями, говорило о том, что за садом исправно ухаживали.

Среди прочих знаков этого тщательного ухода была и отработанная система полива: грядки раз-

Пыльца оливы (как выглядят эти крупинки, видно на увеличенном фотоснимке) из Геркулесова Сада, послужила окончательным доказательством того, что там некогда выращивали маслины.

мещались на разной высоте, для облегчения оросительных работ (справа). Так, исходя из расположения грядок, изрядной величины участка, а также “показаний”, полученных благодаря слепкам с корней и кольев, — Яшемски установила, что здесь выращивали множество цветов, причем едва ли единственно для эстетического наслаждения самих владельцев сада. Картину довершили небольшие стеклянные флаконы, обнаруженные в доме (целиком) и в саду (в осколках). Яшемски пришла к выводу, что хозяева Геркулесова Сада выращивали разнообразные цветы, вытяжку из которых смешивали с оливковым маслом (а олива росла здесь же) и прочими необходимыми ингредиентами, для получения благовоний и притираний, а готовые ароматические смеси запечатывали во флаконы и продавали.

Этот топорик-колун, извлеченный из-под завалов вулканического мусора (на снимке он показан с новым топорщищем), вероятно, использовали для прополки широких цветочных грядок в саду (внизу).

Пытаясь установить, что за деревья росли в древности в Геркулесовом Саду, Вильгельмина Яшемски и ее помощники принялись за изучение самой почвы. Вначале они удалили вулканические остатки из сохранившихся полостей, оставленных разложившимися корнями (крайнее левое фото), затем вставили в отверстия крепезную проволоку; и наконец влили туда цемент.

Спустя несколько дней, когда раствор уже должен был затвердеть, рабочие откопали из земли готовые слепки, — и перед их глазами предстала точная копия древнего древесного корня, которая показана на ближнем снимке слева.

Эти сосуды для благовоний, приобретшие за века характерный переливчатый блеск, навели профессора Яшемски на мысль о том, что сад и прилегающий к нему дом предназначались для промышленного изготовления благовоний. Раскопав оросительные каналы и грядки, археологи нашли осколки стеклянных флаконов и глиняных баночек для притираний. В саду было обнаружено лезвие мотыги — очень похожее на те, что в этой местности в ходу по сей день, — а в углу сада притупилась собачья конура.

Эта свернувшаяся спиралью золотая змея некогда обвивалась вокруг предплечья богатой помпеянки. Золотых дел мастер искусно придал поверхности браслета фактуру змеиной кожи.

изведенные Майюри раскопки обнаружили, что и жилище, и сад украшали прекрасные мраморные и терракотовые статуи, в том числе — изваяния древнегреческих философов, исторических деятелей, мифологических героев.

Не все помпейские дома отличались такой пышностью и таким размахом, как вилла Юлии Феликс, и не все хранили столько художественных сокровищ, как Дом Фавна. Чаще всего соседями оказывались люди самых разных сословий. Скромные дома стояли прямо под боком у владений аристократов, а многие крупные особняки, некогда выстроенные для знати, которая затем перебралась в загородные поместья, теперь были разделены на “квартиры” для семейств победнее. Такое расселение стало особенно типичным после землетрясения, когда в городе обнаружилась нехватка жилого пространства.

Так, многоэтажное здание, получившее название Дома Джузеппе II (в честь австрийского императора Иосифа II), вероятно, до землетрясения 62 г. н. э. было роскошным жилищем некой богатой семьи, но ко времени извержения Везувия оно уже было разделено на несколько “квартирок” с лавкой. Если некогда стены дома были изящно отделаны штукатуркой — их давно ободрали, сами стены обветшали, колонны вовсе исчезли. К тому же новые жильцы поделили комнаты перегородками на тесные закутки, пристроили убогую лесенку, замуровали старые двери и прорубили в фасаде новую. Уютная баня — с нишами, фонтаном и круглым окном, — где прежние владельцы, должно быть, нежились в тишине и покое, явно превратилась в какое-то “коммунальное удобство”. Другое крыло здания было приспособлено под пекарню с помещением для замешивания теста и с печью, чья величина наводила на мысль, что хлеб здесь выпекали не для одного семейства, а скорее на продажу. Быть может, соседи, которые знавали старинный дом в дни его былого расцвета, лишь головой качали, проходя мимо и наблюдая все эти признаки упадка.

Однако никак нельзя сказать, будто монополия на хороший вкус принадлежала высшим сословиям богачей. Устройство даже самых скромных домов тяготело к зодческой гармонии. Особенным изяществом отличался один домик, расположенный восточнее театров на квартал. Немногочисленные комнаты поражают своей соразмерностью, а все здание до сих пор источает дух домашнего уюта и подлинной теплоты. Садик, разбитый внутри двухэтажного перистыля, был мирным уголком: вдоль перистильных колонн тянулась красиво изогнутая невысокая стена, одновременно образуя приподнятые клумбы для садовых растений. Кто-то — то ли сами обитатели дома, то ли друг, зашедший понежиться в лучах семейного счастья, — начертал на стене

На этой стенописи из Геркуланума изображены женщины за туалетом. На шее у матроны (она в окружении дочерей и рабыни) — ожерелье, чем-то похожее на тот шедевр ювелирного искусства, что представлено ниже — плетеное золотое ожерелье со вставками изумруда и перламутра.

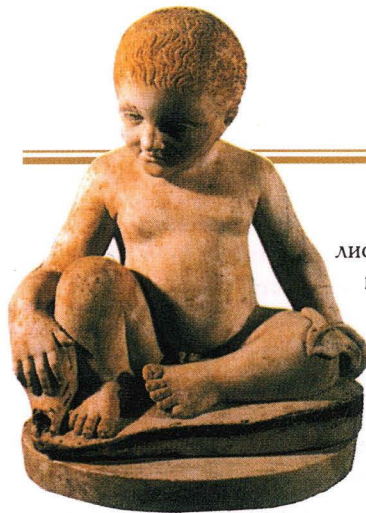

портика: “Любовникам, словно пчелам, жизнь здесь кажется медом”. Поэтому дом окрестили Домом Любовников. Многие сады в Помпеях испещрены сходными похвальными граффити. Гости знали, что угодят хозяевам, оставив такие осязаемые знаки благодарности.

Помпеяне очень любили свои сады и проводили в них немало времени: летом они обедали, возлежа на пиршественных ложах прямо на открытом воздухе, под навесами или под сенью деревьев; то и дело выходили взглянуть на солнечные часы; забавляли детей возней с щенятами и домашними голубями; учили петь черных дроздов в клетках. Для почитания ларов и пенатов — древних богов-покровителей домашнего очага — они строили небольшие святилища и внутри дома, и в саду. Иногда это были простые ниши, иногда — изящные храмы в миниатюре, где в урочный час дымились жертвоприношения.

У этих горожан со скромным достатком, которым недоставало места для увитых виноградом беседок, для кустов с осыпными цветами, для дорожек, обсаженных живыми самшитовыми изгородями, для брызжущих фонтанов, — все же имелись свои радости. Жрец Аманд души не чаял в огромном дереве, своей тенью целиком закрывавший от солнца его крошечный внутренний дворик. Должно быть, его радовали певчие дрозды, горлицы, малиновки, ласточки и прочие птицы, слетавшиеся посидеть в раскидистых ветвях гиганта. А более состоятельные соседи Аманды усадили свои обширные перистилы деревьями, приносившими маслины, грецкие орехи, миндаль, груши, яблоки, инжир и вишни. Иные садоводы выращивали овощи и разные съедобные травы. А некоторые сады отличались изрядной строгостью: там росли лишь ровно подстриженные ряды буксов, розмарин, аканф да плющ, а кое-где — лавр или олеандр.

С тех пор, как в начале I века н.э. по приказу Августа здесь был выстроен акведук, в город поступало значительно больше свежей воды, нежели раньше. Это позволило некоторым домовладельцам обзавестись — красоты ради — собственными прудами с рыбками, фонтанами, декоративными ручейками. Так, в доме Октавия Квартона вдоль террасы был вырыт канал, а с обеих сторон его обступали небольшие статуи, среди которых был миниатюрный сфинкс. Поток продолжал струиться в нижней части сада, игриво подражая извивам и порогам Нила. В иных садах статуи легко обрача-

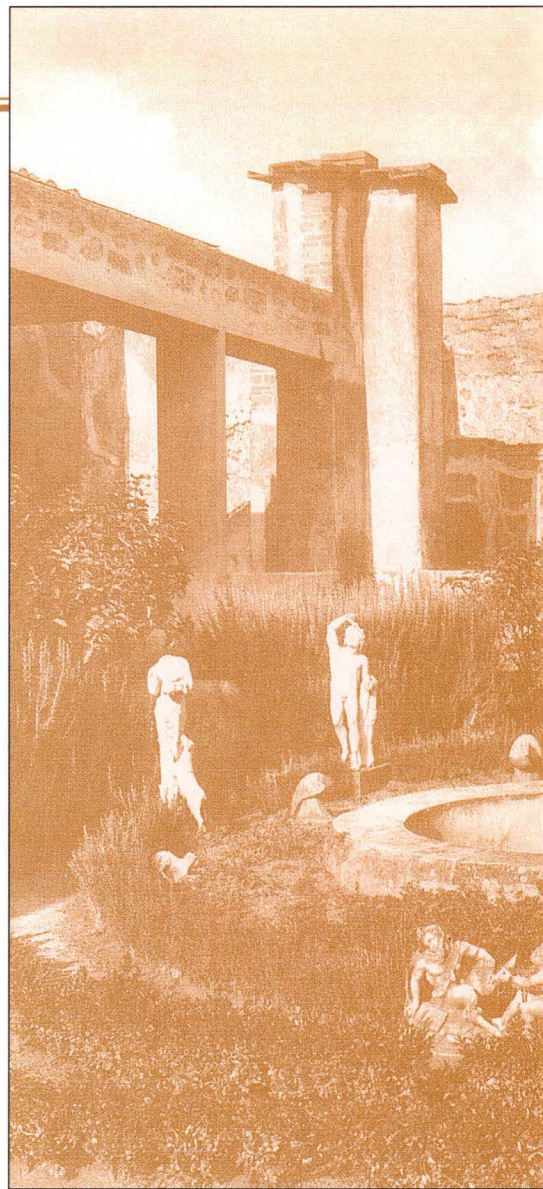

лись в фонтаны, выбрасывая струи воды в мраморные водоемы. Пышные хоромы братьев Веттиев насчитывали в перистиле четырнадцать таких фонтанов; их приводила в действие искусная гидравлическая система, исправно срабатывающая и по сей день.

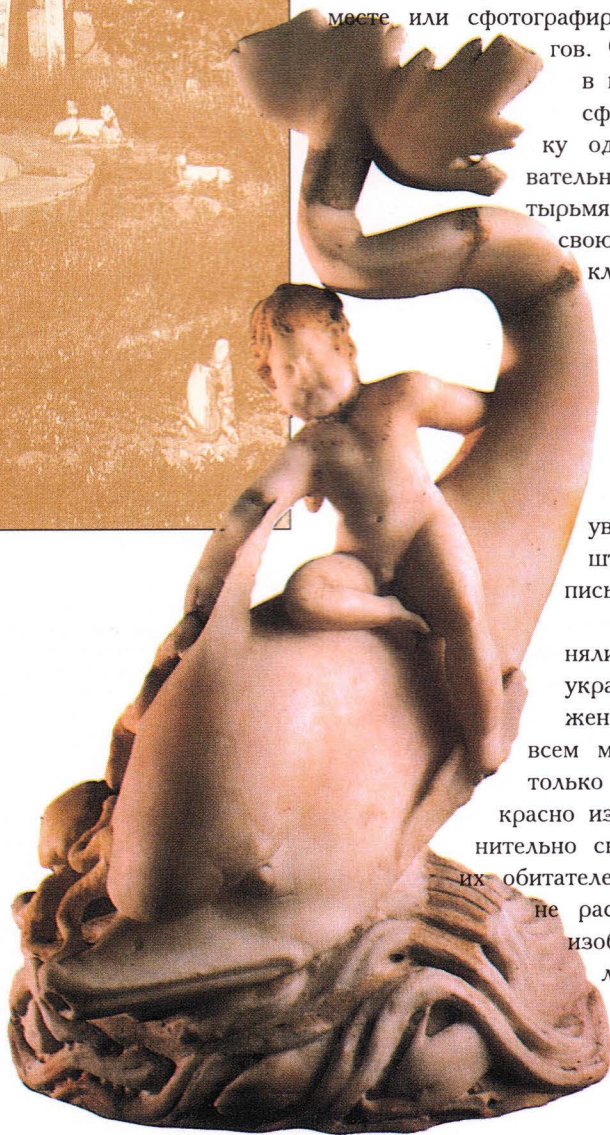
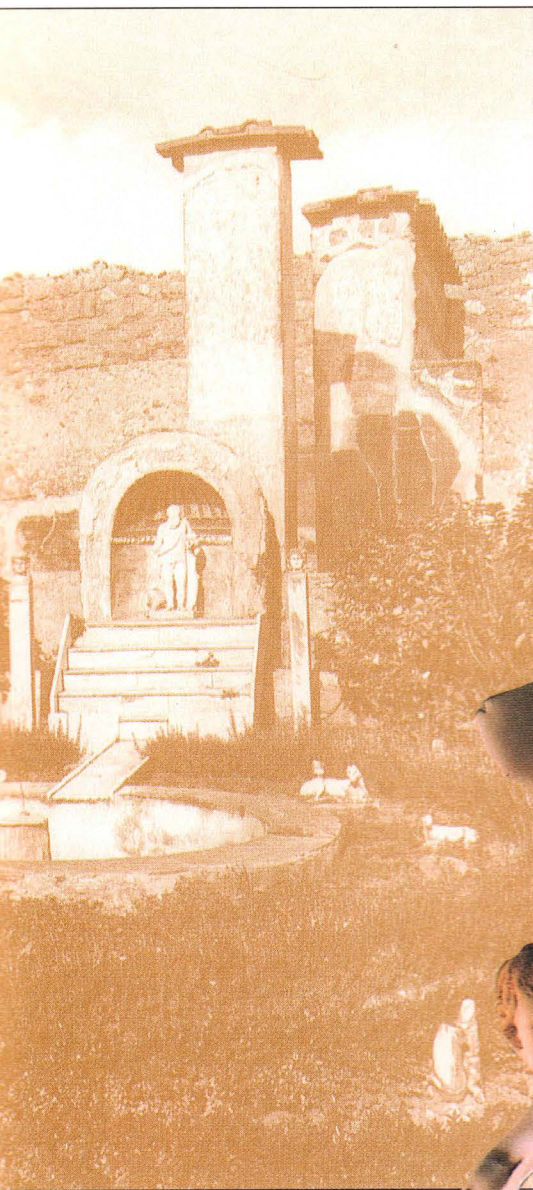
Вильгельмина Яшемски, американский археолог и историк античности, всесторонне исследуя помпейские руины,

посвятила более тридцати пяти лет тщательному изучению городских садов. Добыв из почвы сохранившиеся образцы растительной пыльцы, а также обугленных семян, плодов, овощей, стеблей и остатков корневых систем, она обратилась за помощью к ботаникам, чтобы установить, какие же растения разводили помпеяне для красоты, для еды и — в ряде случаев — для прибыли. Методы, которыми она пользовалась для обретения подобных свидетельств, сходны с теми методами, которые применялись археологами для восстановления лиц и фигур людей, погибших при извержении, когда они снимали слепки с отпечатков, оставленных внутри вулканического пепла разложившимися телами. Подобно человеческим останкам, корневая система многих погибших деревьев тоже гнивала, оставляя явственный отпечаток своей формы и структуры в виде полости в глубине почвы. Вначале каждый садовый участок осторожно расчищали до исходного уровня земли 79 г. н.э., где становились видны эти остатки корневых систем. Затем вулканический мусор, забившийся позднее в образовавшиеся полости, бережно извлекали с помощью особых инструментов, отверстия опутывали изнутри крепкой проволокой, после чего заливали доверху цементирующей смесью. Через несколько дней, когда раствор затвердевал, почву вокруг заполненных отверстий удаляли, получая правдивые слепки с древних корней. С помощью сведений, раздобытых таким способом, нередко ученые точно устанавливали, какие растения водились в том или ином месте, и заново воссоздавали облик античных садов, посадив там те самые образцы флоры, что росли до извержения. И теперь в помпейских садах снова цветут розы.

А то, что Яшемски не удалось узнать из анализа древесных корней и прочих ботанических останков, она почерпнула из растительной образности, пышным цветом расцветшей в помпейском изобразительном искусстве. Ведь почти все домовладельцы украшали живописью стены вокруг садов, а также и интерьеры своих жилищ. Так, Яшемски исследовала небольшие огороженные садовые участки, волшебным образом “увеличенные” с помощью нарисованных садов на одной или нескольких стенах ограды: там были изображены деревья и статуи, слишком большие, чтобы уместиться в настоящем саду. Там важно ступают и охорашиваются двухмерные павлины, а нимфы льют воду в несуществующие водоемы. Нарис-

Скульптура являлась неслучайной составляющей помпейских садов, и часто их владельцы выставляли там раскрашенные изваяния, — такие, например, как статуи золотовласых мальчиков, играющих с дельфинами, показанные слева наверху и справа. На верхнем снимке представлен перистильный сад Марка Лукреция — в том виде, в котором он был обнаружен. Там стоит в своей нише силен — уродец вроде сатира — и льет воду из винного меха на ступени, откуда она стекает в круглый водоем. Другой сатир (на переднем плане) рассматривает копыта Пана.

сованные иволги порхают над финиковыми пальмами, бутонами роз и продолговатыми листьями олеандров; все это передано с дотошными подробностями.

Даже в те давние времена такие произведения искусства были недолговечны. Раз в несколько лет помпейский домовладелец обновлял росписи, так как они блекли и осыпались от природного воздействия. Те изображения, что не погибли во время извержения сразу, хорошо сохранились под слоями вулканического пепла, засыпавшего сады, — но как только фрески снова раскопали, спасти их от разрушения было уже практически невозможно. В любом случае, ими зачастую вовсе пренебрегали охотники за более “существенными” сокровищами.

В ходе работы Яшемски часто удавалось запечатлеть для потомства облик таких обреченных фресок, прежде чем они гибли окончательно, а также разыскать уже описанные, зарисованные на месте или сфотографированные предыдущими поколениями археологов. Однако и такие старания порой терпели крах в последнюю минуту: так не удалась ее попытка сфотографировать роспись, известную по рисунку одного археолога-предшественника. Эта очаровательная сценка изображала плодовое дерево с четырьмя птенцами в гнезде, радостно встречавшими свою мать, которая прилетела к ним с пищей в клюве. “За год до этого мы пробрались к стене сквозь заросли молодых деревьев и ветвей, буквально душивших сад, и ободрали немало диких виноградных лоз, чтобы убедиться — живопись еще цела. На следующий год мы возвратились и узнали, что сад давно расчищен. Мы поспешили к росписи, чтобы сфотографировать ее. Но, подойдя ближе, мы увидели лишь голую стену и груду осыпавшейся штукатурки у ее основания: уникальную живопись погубили зимние ливни”.

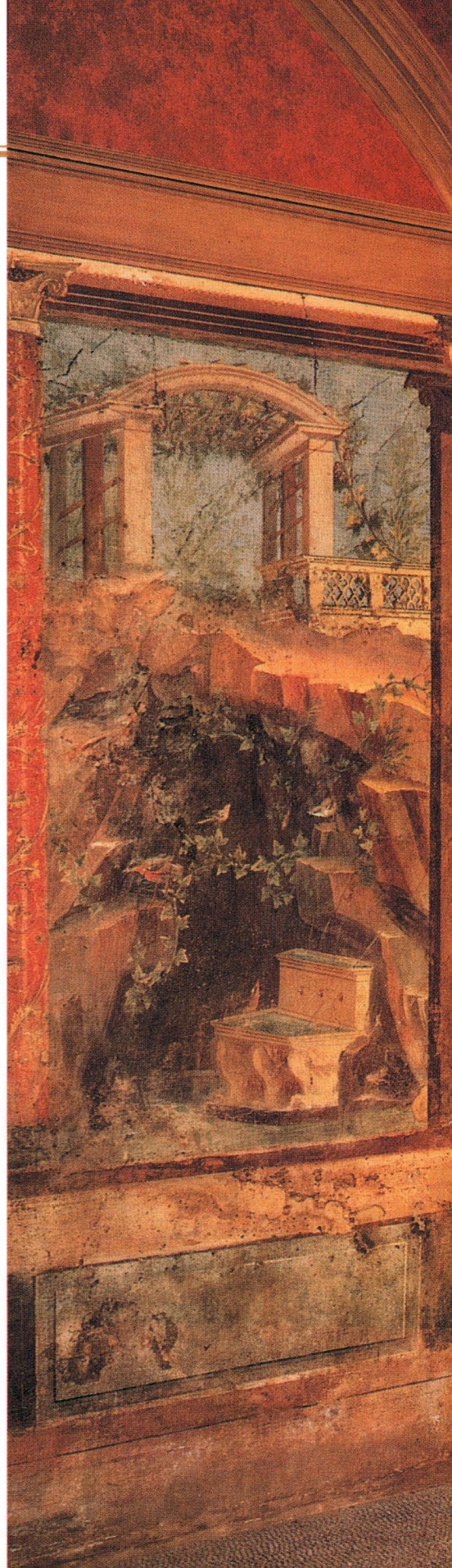
Росписи внутри жилых помещений сохранились гораздо лучше. Помпеяне всех сословий украшали стены интерьера живописными изображениями. Хотя комнаты, как правило, были совсем маленькими — *кубиклюм* (спальня) занимал только десять квадратных футов, — стенопись прекрасно избавляла от всякой клаустрофобии. Даже сравнительно скромные жилища свидетельствовали о страсти их обитателей к живописи: редко какая стена оставалась не расцвеченной яркими красками, а декоративные изображения или драматические сценки часто были обрамлены причудливыми узорами. А в тех

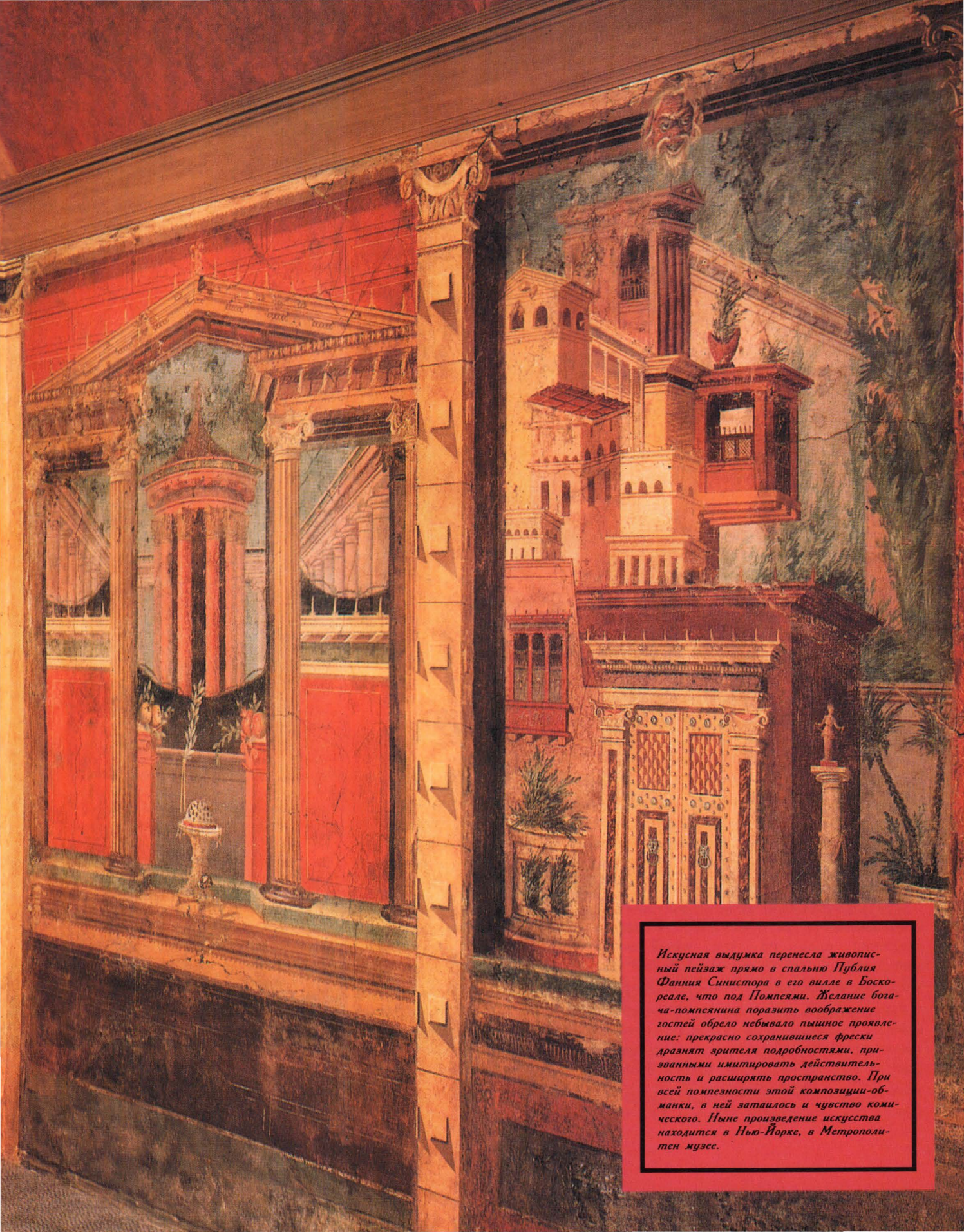
домах, где рабам жилось достаточно вольготно и у них были собственные спальни, их стены оживляли какие-нибудь разноцветные полосы или другой нехитрый орнамент.

Тогда, как и ныне, стили менялись, а о вкусах не спорили. Представители старинных патрицианских семейств, по-прежнему жившие в родовых домах, не видели смысла что-либо менять в росписях, радовавших глаз предков. Иные намеренно расписывали интерьеры в традиционном, тяготевшем к старине стиле. Но были и такие, кто не церемонился с прошлым, стремился идти “в ногу” со временем и поэтому гонялся за новизной, за “свеженьким”. Новые богачи наверняка равнялись на соседей и, стоило им заметить какие-нибудь основательные изменения в доме напротив, как тут же бросались перещеголять их в смелости. Но помимо таких хозяев, охотно соривших деньгами, было множество других горожан, которым гнаться за модой просто не позволяли средства. За годы между землетрясением и извержением вулкана Помпеи, по всей видимости, скатились к хозяйственному упадку.

Когда на помпейские дома обрушился поток вулканических выбросов, их стены уже хранили более чем двухвековые традиции самых разнообразных декоративных росписей. Несмотря на явно различимую смену стилей, почти ни один элемент не исчезал из такой живописи вовсе. Зачастую старомодный подход сочетался с новейшими веяниями, отдельные мотивы заимствовались, изменялись, изгонялись, затем всплывали заново. В древнейших особняках, на которые последние помпейцы, должно быть, взирали как на живую старину, сохранялся древний обычай расписывать поверхность стены, подражая фактуре каменных панелей; с помощью искусных ухищрений иногда создавали даже обманные колонны и карнизы. Уже в начале I века до н.э. стенописцы освоили различные приемы, создающие эффекты оптического обмана. Они вовсю “играли” с перспективой, увлекая взгляд зрителя в воображаемое продолжение реального помещения, маня его зеленью несуществующих двориков и голубиной нарисованного неба или создавая полную видимость того, что никакой стены и в помине нет, а вместо нее сразу простирается улица. Порой живописцы вдохновлялись искусно расписанными занавесами местных театров, а также театров в Риме или соседнем Неаполе, — этими архитектурными обрамлениями для фантазий, которые разыгрывались лицедеями на сцене.

Устав от такой “ловкости рук” и зрительных трюков, в начале I века н. э. помпейцы, следившие за модой, позаимствовали из Рима некоторые новые веяния, зародившиеся при императорском дворе: более формальный стиль, смелые цветовые решения, использование абстрактных геометрических и растительных узоров для обрамления небольших живописных сценок. С годами эти росписи становились более сложными и фантастическими; возможно, это отражало смену темпераментов среди столичных законодателей императорского стиля. По всей империи холодный “классицизм” эпохи Августа постепенно уступал место цвети-

Искусная выдумка перенесла живописный пейзаж прямо в спальню Публия Фанния Синистора в его вилле в Боскореале, что под Помпеями. Желание богача-помпейнина поразить воображение гостей обрело небывало пышное проявление: прекрасно сохранившиеся фрески дразнят зрителя подробностями, призывая имитировать действительность и расширять пространство. При всей помпезности этой композиции-обманки, в ней затаилось и чувство комического. Ныне произведение искусства находится в Нью-Йорке, в Метрополитен музее.

стым вывертам Нерона. Затем, как раз за несколько лет до извержения, некоторые богачи из тех, что первыми задавали тон, ввели новейшую моду — покрывать стены мозаикой из натуральной мраморной крошки. Скорее всего, они руководствовались эстетическими соображениями, но, как знать, не породило ли такую художественную затею желание залатать щели, образовавшиеся в стенах после землетрясения? Правда, если бы Везувий так и не опустил последнего занавеса над спектаклем жизни в Помпеях, то, быть может, величайшее собрание живописных сокровищ в этом городе исчезло бы вовсе — по мере того, как приглашали бы к себе декораторов очередные выскочки из низов и любители всяческой новизны.

Но живописные изображения, что, избегнув подобной участи, дошли до наших дней, являют взорам глубочайшие чувства помпейских граждан. Люди с выпестованным вкусом взирали на эллинистический мир как на живительное средоточие искусств и учености. Их детей воспитывали образованные рабы-греки, а от болезней их пользовали греческие же врачи — или рабы, или вольноотпущенники. Излюбленными сюжетами домашней живописи служили сцены из греческой мифологии и истории. Например, упомянутый уже жрец Аманд украсил триклиний своего дома фресками, где изображались: Персей, спасающий юную Андромеду, Геракл в садах Гесперид и падение Икара. И, разумеется, весь город был наводнен живописными сценами Троянской войны, поскольку в скитаниях троянцев-изгнанников римский народ обрел миф о собственных истоках и становлении.

Художники, выполнявшие такие произведения, порой полагались на собственное творческое видение. Но чаще они копировали старые греческие образцы или пользовались своего рода “трафаретными” книгами, плодя картины наподобие современных оттисков. В нижнем конце рынка дешево и быстро работали ремесленники, выполнявшие заказы покупателей с менее взыскательными вкусами. Наиболее расхожей темой у них была извивающаяся змея, охранявшая святилище домашних богов. Многие помпеяне любили словно подносить зеркало к собственному миру, украшая дом правдивыми портретами самих себя, своих детей, своих четвероногих питомцев и птичек и прочими характерными штрихами повседневной жизни.

Именно этим живописным деталям суждено было стать ценнейшими археологическими сокровищами, не менее важными для постижения прошлого, чем какой-нибудь раскопанный храм или императорская гробница. Поскольку жизнь прервалась здесь столь внезапно, везде царил атмосфера не смерти, а, напротив, оживленной и напряженной деятельности. Послания, начертанные на стенах пустых комнат, словно до сих пор ждут ответа. В Доме Веттиев, на одной из колонн в перистиле, какой-то юноша нацарапал приветствие: “Акций желает своей милой матери Коссинии доброго здоровья!” Быть может, в тот злосчастный августовский день, пока еще не начал падать пепел, она прочла эти слова и улыбнулась.

ДОМА, ПОДНЯТЫЕ ИЗ ПЕПЛА

О Альбций, сколь гостеприимен твой дом!" — написал кто-то из гостей на стене в саду одного из красивейших домов в Помпеях. Схожие слова вполне могли бы относиться к любому из других изящных жилищ в городе. Такие дома, отныне освобожденные из-под слоев пемзы и пепла (некоторые даже пугают своей идеальной сохранностью), без слов повествуют о том, какой была домашняя жизнь жителей помпеян.

Хотя в городе, где годное для застройки пространство ценилось весьма высоко, дома тесно примыкали один к другому, — все же жителям особняков-«островов» был обеспечен полный покой в частной жизни. Высокие стены, чаще всего без окон, защищали жильцов от уличного шума и посягательств воров. Вместе с тем, благодаря отверстиям различной величины, проделанным в черепичной крыше, даже в самый крохотный домик проникало довольно света. Непременной особенностью подобной архитектуры было естественное чередование залитых солнцем пространств с приятно затененными покоем. Вид, открывавшийся сквозь проем уличной двери, увлекал взгляд от яркого атриума с высоким потолком и от рассеянного света в *таблινуме* — главном помещении для приемов, — к залитому солнцем перистиллю, или садику с ко-

лоннадой; а воздействие подобных контрастов лишь усугублялось красочными настенными росписями и затейливыми мозаиками.

В помещениях, показанных на следующих страницах книги, мало предметов мебели, ибо за время, истекшее со дня катастрофы, почти ничего не сохранилось. Да ее и тогда было немного — разве что деревянные кровати, шкафы, столики и ширмы. От зимнего холода комнату ограждали ставни, двери и занавески. По ночам горели сальные свечи или масляные светильники, а бронзовые, железные или терракотовые угольные жаровни давали скудное тепло. Но помпейские дома были не очень приспособлены к зиме: по-настоящему оживали они летом.

Даже обратившись в руины, роскошные хоромы Дома Фавна (*наверху*), названного так из-за статуи в водоеме атриума, дышат тем величавым спокойствием, которое делало помпейские дома настоящими убежищами, недостижимыми для городского гама. Неудивительно, что в судорожном смятении того последнего дня многие помпеяне искали спасения в прохладных уголках собственного жилища, чьи толстые стены до той поры всегда надежно ограждали их от внешнего мира.

A photograph of the interior of the Villa of Lucius Fannius in Pompeii. The image shows a large, dark, fluted column in the foreground, and another column further back. The walls are made of brick and plaster, with some frescoes visible. The floor is made of dark tiles. The lighting is dramatic, with strong shadows and highlights.

КЛИЕНТАМ И ГОСТЯМ НА ДИВО

В величественном атриуме виллы Луция Альбуция Цельса, отпрыска старинного помпейского рода, приятно сочетаются солнечный свет и прохладная тень. Внушительный размер помещения (это самый большой атриум в Помпеях) и уравновешенные тона настенных фресок прекрасно согласуются с назначением комнаты — зала для официальных приемов, призванного поразить посетителей богатством и хорошим вкусом хозяина.

Короткий коридор в дальнем конце соединяет атриум с улицей, а боковые двери ведут в спальные покои. Терракотовые водостоки, встроенные в конек покатыми крыши, позволяют дождевой воде стекать внутрь потолочного отверстия, в мелкий водоем-имплювий, проделанный в полу. В древности вода из имплювия попадала в цистерну под полом особняка: таким образом, в доме всегда поддерживался запас свежей воды для хозяйственных нужд.

Иные помпеяне придавали атриуму еще более торжественный и возвышенный вид, выставляя в нишах или вдоль стен бюсты родственников и посмертные маски предков. Иногда в атриуме помещали железный денежный ящик (мы бы сказали — сейф) патрона, часто намертво прикреплявшийся к полу, — ведь все необходимое для его «дел» находилось под рукой.

ХОЗЯЙСКИЕ ПОКОЙ

Из атриума Дома Старинной Охоты виден таблинум ныне безымянного патриция, украшенный настенной живописью и выходящий в небольшой перистиль виллы. Обычно такие помещения должны были "прибавлять весу" хозяину, каждое утро принимавшему там клиентов, которые толпились в атриуме в поисках его благодеяний.

В большинстве домов таблинум был самой большой комнатой из тех, что окружали атриум, откуда открывался самый лучший вид на все внутренние покои. Его название происходит от слова *tabula* ("доска"); поэтому можно предположить, что в более ранние времена такое помещение использовалось в качестве летней столовой. Возможно также, что некогда таблинум служил спальными комнатами хозяина, отгороженными от атриума занавесками или складной деревянной перегородкой. По мере того, как сменялись зодческие стили и семейная жизнь перемещалась в более укромные комнаты вокруг перистилия, — таблинум постепенно превратился в своего рода официальную "гостиную" — помещение для приема гостей, которых не допускали в частные покои.

МЕСТА ДЛЯ ИЗЫСКАННОГО УЕДИНЕНИЯ

Расточительные помпеяне заботились об украшении даже самых маленьких уголков своего дома. Таков кубикунюм Виллы Мистерий (слева) — типичная для помпейских жилищ спальня без окон. Здесь стенопись с архитектурными мотивами служит иллюзорному расширению пространства. Выложенная белыми камешками часть мозаичного пола указывает местоположение ложа; в других спальнях оно стояло в небольшой нише или было встроено прямо в стену. В большинстве спален из предметов мебели находились только ложе и светильник: прочие принадлежности личного обихода хранились в других помещениях.

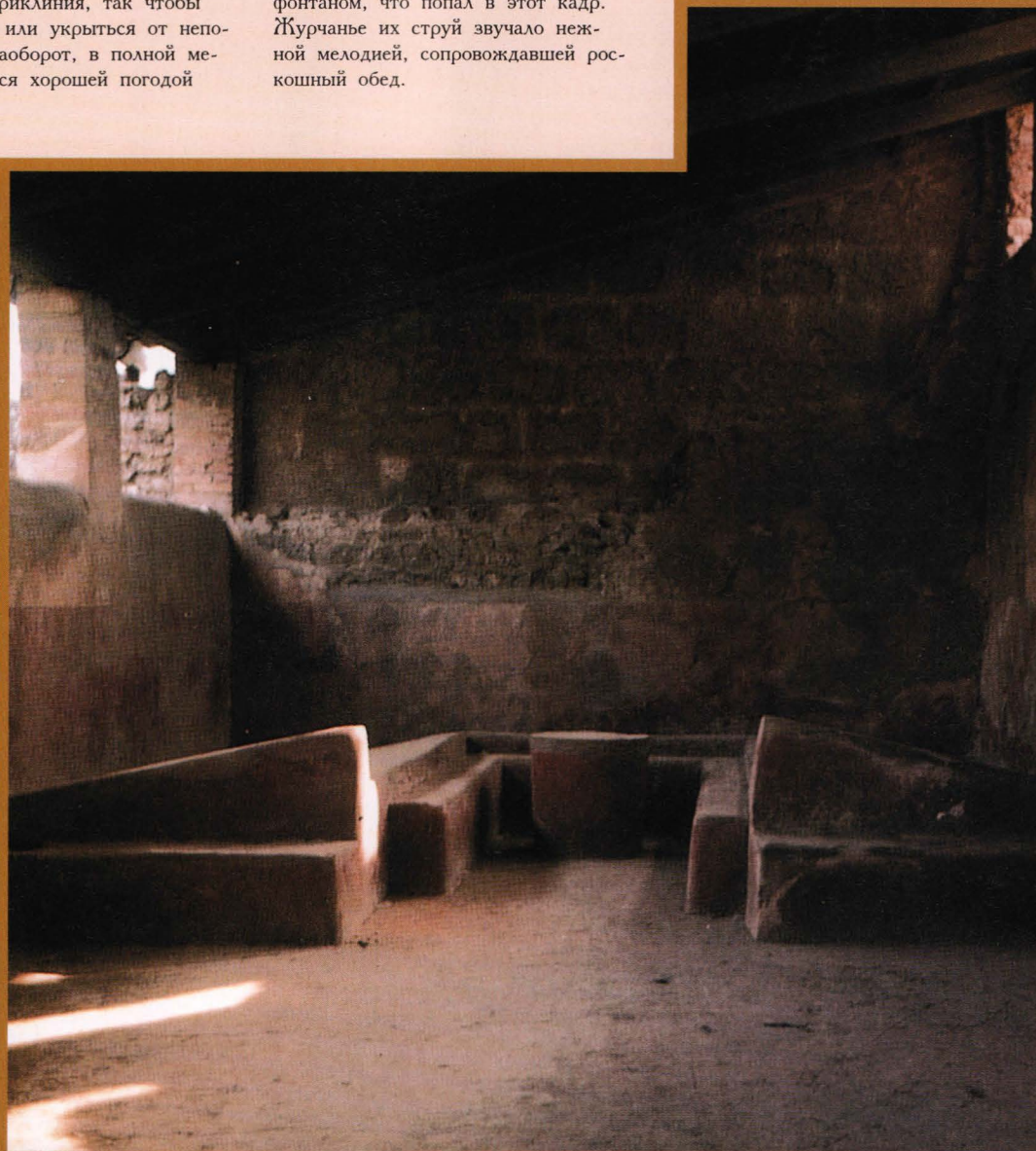
Над ванной комнатой в Доме Менандра (наверху) тянется живописный фриз с изображением купальщиц. В отличие от общественных терм, куда ходило большинство помпеян, в частной бане на вилле, как правило, свободно помещался только один человек. Здесь показан *кальдарий* — одно из трех банных помещений, для горячих ванн; кроме него, в любой бане обязательно имелись *фригидарий* и *тепидарий* — соответственно, для холодных и теплых ванн. В тепидарии купальщику могли сделать массаж, растереть тело маслом и соскрести грязь.

ЛЮБОВЬ К ПЕРЕДВИЖНЫМ ПИРАМ

Богатые помпеяне переняли греческий обычай пировать, возлежа вокруг общего стола на наклонных каменных ложах с подушками, известными под их греческим названием — *klinai*. На каждом таком ложе помещалось трое пирующих, поэтому считалось, что идеальное число сотрапезников — девять.

Во многих домах имелось более одного триклина, так чтобы можно было или укрыться от непогоды, или, наоборот, в полной мере насладиться хорошей погодой

во время пира. Зимний триклиний ограждал хозяина и гостей от разгула стихий; в самые холодные дни на окна опускали ставни. А в доме, показанном на снимке справа, летом можно было пировать на свежем воздухе. Возлежа на ложах, не видных здесь, гости брали еду со стола, посреди которого бил фонтан, и любовались тем фонтаном, что попал в этот кадр. Журчанье их струй звучало нежной мелодией, сопровождавшей роскошный обед.

Д В О Р В Н У Т Р И Д О М А

Залитый солнцем сад, разбитый в нем пруд с рыбками словно переносят красоту окрестного кампанского пейзажа прямо в обрамленный колоннадой перистиль Дома Юлии Феликс — одной из крупнейших жилых построек в Помпеях. Хотя после землетрясения 62 г. н. э. владелица сдавала комнаты и даже свою частную баню внаем, — просторный перистиль она все же оставила в собственное распоряжение.

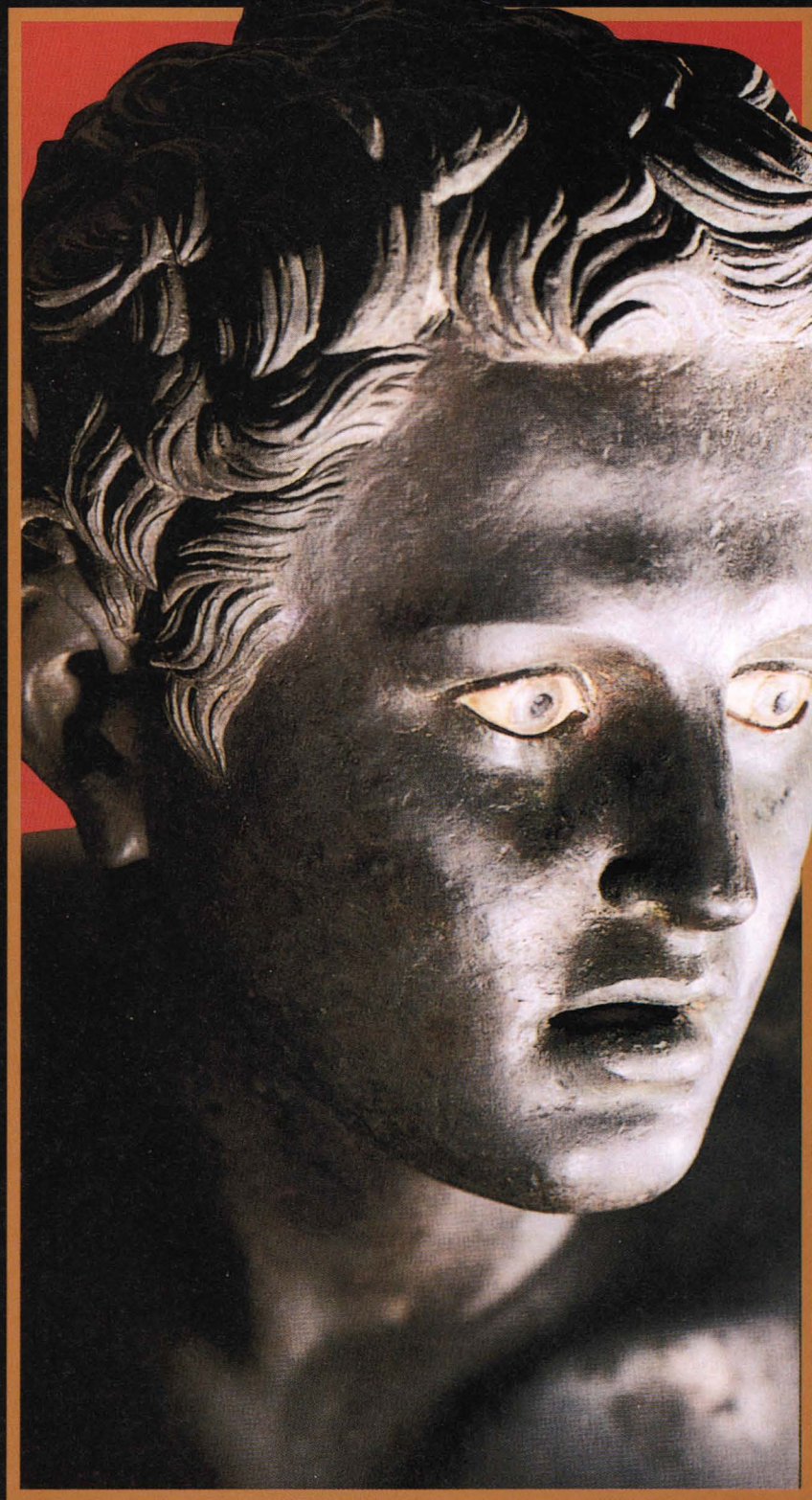
Такие помпейские дворики с колоннадами были заимствованы из эллинистической архитектуры (слово *перистиль* происходит от древнегреческих *peri* — “вокруг” и *stylos* — “колонна”). Правда, на Аппенинском полуострове мощные полы, бытовавшие у греков, уступили место высаженной прямо в земле растительности. Помпеяне любили помногу бывать на воздухе, и такой двор под открытым небом, окруженный тенистой колоннадой, становился средоточием семейной жизни, где предавались самым разнообразным занятиям: там играли дети, там читали вслух или пряли шерсть.

ЗА ЗЕРКАЛЕ ОБМАННЫХ ПАРАДИЗОВ

Многие помпеяне прилагали большие усилия к тому, чтобы превратить свои сады и перистилы в подобие земного рая. Часто там, где пространство особенно ценилось, появлялись натуралистичные настенные пейзажи с дикими зверями, словно распахивавшими новые просторы за материальной плоскостью стены. Здесь показан такой огороженный уголок в Доме Цезя Секунда. Чтобы не казалась столь резкой грань между настоящим садом и изображением хищников, преследующих добычу, нижнюю панель фрески нарочно расписали побегими плюща и мирта с порхающими птичками. А фонтан, нарисованный в углу, как будто струит воды в настоящий желоб у основания стены.

Даже владельцы менее богатых домов, чем этот, стремились дополнить свои немногочисленные деревья и другие растения живописными изображениями обширных садов или пейзажами с животными, чем-то напоминавшими императорские парадизы — парки в загородных поместьях, где водилась дичь. Правда, наиболее пышные дома, особенно виллы в ближайших окрестностях города, не нуждались в такого рода иллюзорном расширении реального пространства. Там взгляд и так беспрепятственно скользил по просторам, то и дело задерживаясь на изваяниях, водоемах и фонтанах, а благодаря авиариям — садкам для разведения птиц, укрытым среди буйной растительности — не смолкал живой щебет птиц.

ЧУДЕСА И ТАЙНЫ ГЕРКУЛАНУМА

Эта бронзовая статуя атлета, найденная в Геркулануме, — с тревогой на лице и в позе человека, как будто обращенного в бегство, — олицетворяет ужас всех тех несчастных, кто тщился покинуть обреченный город.

Подобно многим своим предшественникам, итальянский археолог Джузеппе Маджи, руководивший раскопками в Геркулануме с 1971 по 1984 гг., более всего желал набрести на новые находки и открытия. Но в мае 1980 г. у него оказалось более срочное дело: он велел вырыть траншею у юго-восточного края раскопа. Эта работа — а выполняли ее не опытные археологи, а местные наемные рабочие, — была призвана укрепить Пригородные Бани. Это массивное сооружение в древности было возведено непосредственно над береговой линией города, однако теперь, в результате активности Везувия, оно располагается в пятистах ярдах от воды вглубь суши, и в тринадцати футах ниже уровня моря. Траншея должна была отвести излишек грунтовых вод, грозивших затопить здание. Памятуя о том, что нередко в обнаружении геркуланских сокровищ важную роль играл случай, — Маджи просил рабочих действовать крайне осторожно.

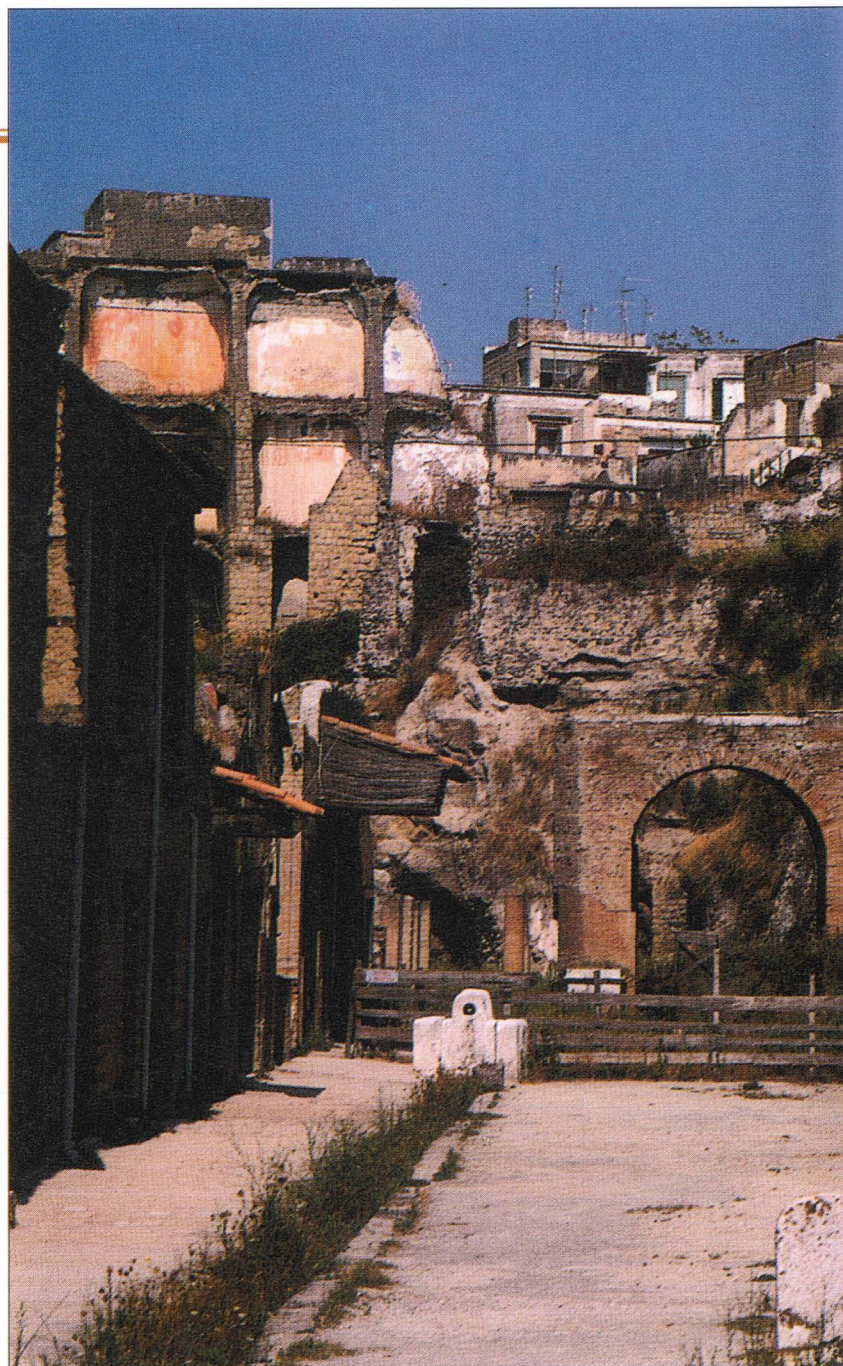
Спустя несколько дней перед банями был прорыт канал шириной в три и глубиной в двадцать футов. Работы продолжались, и вот, 21 мая, до Маджи донеслось чье-то восклицание: “O muorto!” — что на неаполитанском диалекте означает “мертвец”. Там, в грязи, лежал человеческий скелет — находка неожиданная и любопытная, но не то чтобы из ряда вон выходящая. Однако вскоре еще в двух местах были обнаружены залежи костей, и Маджи понял: он действительно набрел на нечто весьма примечательное.

За те два с лишним века, в течение которых уже велись раскопки, в Геркулануме было найдено лишь десятка полтора скелетов.

А раз человеческих останков здесь оказалось так мало, то наиболее вероятным представлялось, что почти все население успело благополучно покинуть город до его гибели. Теперь же вырисовывалась совсем иная картина.

К западу от терм рабочие постепенно раскопали ряд сводчатых помещений, встроенных в волнолом, где геркуланские рыбаки держали лодки и снасти. Они медленно прорубались через затвердевшие вулканические обломки, заполнившие склады, как вдруг их глазам предстало плачевное зрелище: повсюду лежали скелеты людей, скорчившихся в жутких предсмертных судорогах. В одном помещении погибло сорок человек, в другом двадцать шесть, в третьем — двенадцать. Очевидно, все они устремились к берегу, чтобы спастись морем, и решили ненадолго укрыться в складских помещениях, но там они задохнулись от первой губительной волны пепла и газа, набежавшей на город. За несколько мгновений вокруг них уже поднялся толстый слой раскаленного щебня, похоронив их в этой общей могиле. Всего в этом месте обнаружилось 150 жертв. Сама внезапность постигшего их конца заставила Маджи усомниться: а спасся ли хоть кто-нибудь из жителей Геркуланума от катастрофы?

До этого мрачного открытия львиную долю всеобщего внимания удерживали Помпеи. Ведь это было куда большее поселение с бурной торговлей, — Геркуланум же представлялся каким-то сонным приморским городком: его узкие улочки не сохранили глубоких отметин колес, а стены были лишены граффити, в которых более темпераментные помпейцы хвастались своими свершениями, трубили о своих политических пристрастиях и просто высмеивали друг друга. Хотя была раскопана лишь небольшая часть Геркуланума, общая картина совпадала с описанием греческого географа Страбона. За несколько десятилетий до извержения он писал, что “Гераклова крепость” (то есть, Геркуланум), благодаря своему климату, — “поселение удивительно здоровое”⁴⁰. Быть может, оно служило прибежищем для богатых римлян, стремившимся ненадолго скрыться от козней и суеты столичной жизни. Действительно, в числе

Эта раскопанная часть древнего decumanus⁴¹ maximus (“главной улицы”) в Геркулануме, с напластованиями разных эпох, пролегла под жилыми кварталами выросшего наверху городка. По обеим сторонам этой просторной улицы (не сохранившей следов колес, так как здесь разрешалось

только пешеходное движение) стоят дома и лавки, а в дальнем конце через арку виднеется вход в базилику. А дальше, все еще под глубокими слоями твердой вулканической массы, из-за которых раскопки в Геркулануме столь трудны, быть может, скрывается еще не найденный форум.

первых находок оказались развалины поместий, построенных над берегом, — вероятно, чтобы владельцы могли наслаждаться прекрасным видом и морским ветерком.

Эти дома и те предметы искусства, что были найдены в них, пробудили интерес к Геркулануму еще в начале XVIII века, когда к городу впервые подступились. Однако, столкнувшись с непосильной задачей (нужно было подкопаться под шестидесятифутовый слой вулканической породы), охотники за сокровищами вернулись к Помпеям, где пожить было куда легче. Да и археологи отдавали предпочтение более крупному городу, хотя то и дело случайные раскопки в Геркулануме обнаруживали более древние следы античности. В Помпеях, когда на город обрушился поток раскаленной лавы и град камней, продолжавшийся долгие часы, — многие здания рухнули, различные предметы были сильно повреждены. Геркуланум тоже пострадал от мощных ударов, когда Везувий начал изрыгать яростный поток вулканического шлака: под его напором обрушивались стены, а колонны разом сшибало с оснований. Но кое-где эта лавина, устремляясь по извилистым улицам, замедляла свое течение, мягко обволакивая иные места и оставляя все в точности таким, каким оно было до катастрофы. Многие деревянные предметы и остатки пищи мигом превратились в угли под воздействием высокой температуры, некоторые лишь слегка обуглились, — а там, где температура оказалась ниже всего, сохранились почти совершенно неповрежденные вещи — куски веревки, обрывки кожи. Затвердев, вулканическая масса образовала своего рода воздухо непроницаемый кокон, практически запечатавший со всех сторон поглощенные ею предметы и уберечь их от разрушительного воздействия времени.

Если руины Помпей удалось обнаружить во всем их величии, то попыткам извлечь на свет божий Геркуланум препятствовали не только неподъемная тяжесть физических работ, но и сопротивление со стороны жителей Резины (позже переименованной в Эрколано) — современного поселения, давно возникшего на этом историческом месте. В 1980 г., когда столь мало было исследовано и так много загадок оставалось без ответа, — казалось, что Геркулануму уже навсегда суждено пребывать в забвении.

Но обнаружение этих скелетов позволило приподнять край таинственной завесы. Специалистам, умеющим читать зашифрованный язык костей, открылась настоящая летописная страница из жизни древнеримского провинциального городка. Анализ скелетов не только рассказал о состоянии здоровья, богатстве и общественном положении этих жертв катастрофы, но и раскрыл потрясающие подробности их биографии (с. 133—137). Наконец Геркуланум повернулся к ученым своей “человеческой” стороной. Даже до этого открытия сами руины

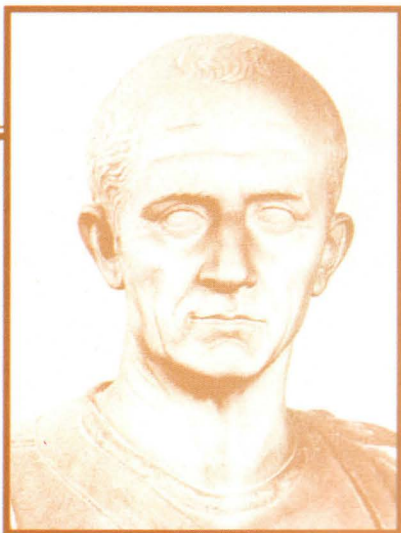
и извлеченные из-под них предметы давали повод к заманчивым догадкам о жизни, разворачивавшейся в городе. Так, театр свидетельствовал о любви геркуланцев к драматическим постановкам, высокое качество скульптурных произведений обнаруживало утонченные вкусы граждан, а наличие огромной библиотеки философских трудов на роскошнейшей городской вилле, по-видимому, указывало на то, что здесь царил дух изящной словесности. Эти отблески былой жизни в Геркулануме, наряду с находками грабителей, любителей и ученых, в разные годы отваживавшихся подступиться к древним развалинам, — создали довольно подробную картину существования города и его обитателей.

Культурные предпочтения геркуланцев стали известны почти сразу же после того, как в 1709 г. город заново открыли, добравшись до дна колодезной шахты. Правда, вначале ясно было только то, что рабочие, копавшие колодезь, наткнулись на какое-то великолепно украшенное общественное здание классической эпохи, — и только тридцать лет спустя выяснилось, что это Геркуланский театр. Изумлению не было конца. Полукруглое сооружение, не встроенное в склон холма, а расположенное особняком, вмещал около двух с половиной тысяч зрителей — вдвое меньше, чем вместительность большего из двух театров в Помпеях, но, учитывая, что все население города составляло лишь пять тысяч человек, этого было вполне достаточно. Обстановка и декорации отличались роскошью, просцениум был облицован желтым, темно-красным, пурпурным и черным мрамором, который привозили сюда из дальних концов империи. Многоярусные сиденья были разделены в соответствии с сословными рангами. Верх рядов украшали бронзовые изваяния императоров и городских властей. Вся постройка, вместе с элементами декора, осталась неповрежденной во время извержения. Пострадало лишь несколько статуй, которые сбросило с подпор, когда вулканический поток достиг верхнего края полукружья и хлынул вниз, на сиденья и сцену, пока не заполнил всю “чашу” театра целиком.

Однако встречу со своими “первооткрывателями” театру не суждено было пережить столь же удачно. Первый из них, австрийский князь д’Эльбеф, прихватил с собой все, что только можно было сдви-

Нахождение Телефа — один из трех шедевров фресковой живописи, обнаруженных внутри геркуланской базилики, — изображает обнаженного Геракла (Геркулеса), признающего собственного сына. Согласно древнегреческому мифу, младенец был брошен в дебрях Аркадии (на фреске ее олицетворяет женщина в венке) и вскормлен ланью.

Возле входа в базилику находились весьма натуралистичные скульптурные изображения проконсула Марка Нония Бальба (наверху) и его сына — на снимке они заключены в рамки, — поставленные здесь в честь наиболее влиятельного геркуланского рода. К многочисленным щедрым дарам, пожертвованным этим родом городу, относилась и сама базилика.

нуть с места и вытащить из колодезной шахты. Кавалер Рокко де Алкубьерре, явившийся следом, оказался разбойником и того пуще. Взявшись руководить раскопками, он вел себя так, как если бы ему была поручена военная операция. Чтобы легче было выносить сокровища из театра, он велел расширить шахту. При этом он использовал труд заключенных. Надеясь найти предметы более ценные, Алкубьерре продвинул раскопки до населенных кварталов города, разрушая по пути жилые дома. Однажды он содрал бронзовые буквы с доски, к которой они крепились, и грудой свалил их в корзину, даже не удосужившись скопировать саму надпись. Понаблюдав за “работой” Алкубьерре, немецкий историк искусства Иоганн Винкельман гневно заявил, что этот инженер “смыслит в археологии не больше, чем свинья в апельсинах”.

Но даже Винкельман (а его систематическое изучение различных предметов искусства значительно обогатит науку сведениями о Помпеях и Геркулануме) не подумал о том, как важно сохранить обычные дома, чтобы побольше узнать об их древних обитателях. Подобно многим своим современникам-ученым, он пребывал под чарами греческой скульптуры, а потому ошибочно полагал, что древний мир был сплошь населен расой физически совершенных, “богоподобных” людей. Увидев же статую Марка Калатория — знатного геркуланца, чье изваяние стояло в театре, — Винкельман ужаснулся. Эта фигура, этот суровый рот, это изборозженное морщинами лицо, эта бородавка под глазом, — неужели древние римляне могли выглядеть так?! И Винкельман предпочел обращать свое исследовательское внимание на более “идеальные” образцы среди тех, что вновь появлялись на свет.

Алкубьерре продолжал рыскать в поисках новой поживы, прокладывая свои разрушительные тоннели все дальше — медленно, чаще всего наобум. К 1739 г. он подкопался еще к двум общественным сооружениям — базилике и палестре. Позднее исследователи установили: ко времени извержения Везувия базилика простояла менее двадцати лет; значит, здание было выстроено заново после землетрясения 62 г., причинившего ущерб и Помпеям, и Геркулануму. Раскопкам Алкубьерре помешали протесты жителей Резины, боявшихся, что тоннели вызовут обвалы и разрушат их жилища. Но, прежде чем подземные проходы были снова засыпаны, двое французских путешественников все же успели исследовать здание. Согласно их донесениям, изнутри помещение представляло собой большой прямоугольный зал, центральная часть которого была обрамлена колоннами. Такую традиционную древнеримскую планировку повторяли и раннехристианские церкви, впоследствии получившие название базилик. Возле обеих коротких сторон прямоугольника имелись апсиды — полукруглые ниши, украшенные фресками. Одна из этих великолепнейших фресок изображала мифологическую сцену из жизни Геракла — легендарного

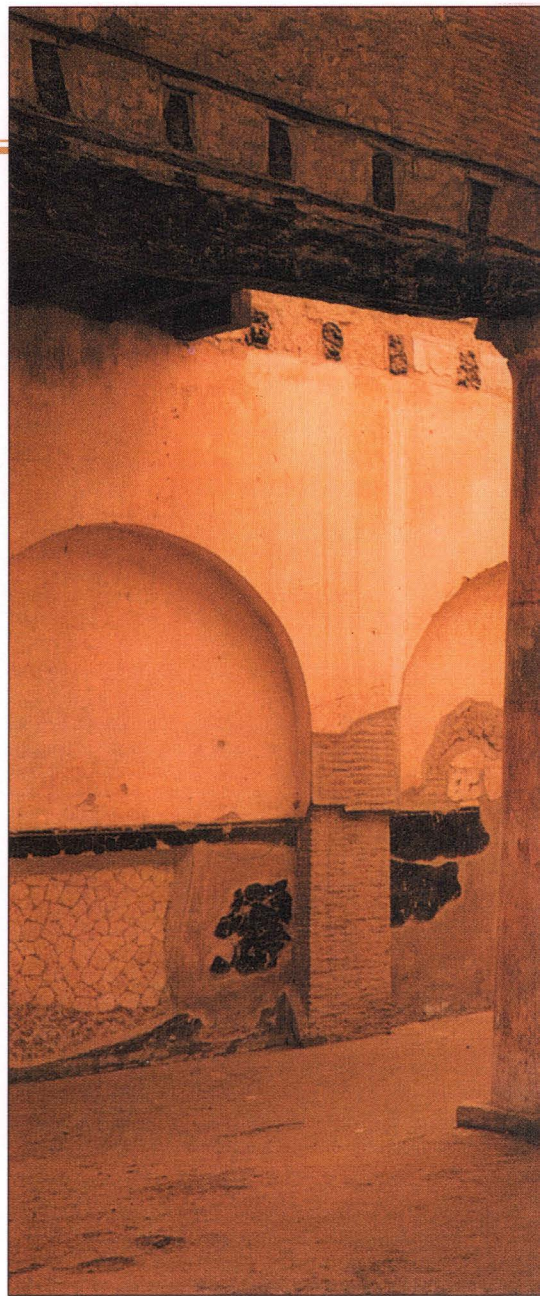
основателя города (с. 128). На другой запечатлена победа Тесея над Минотавром. Живопись была выполнена настолько искусно, что Алкубьерре, увидев ее впервые, воскликнул: “Да он превзошел самого Рафаэля!” Третья картина изображала кентавра Хирона с воспитанником — юным Ахиллом, которого — во избежание предсказанной гибели — обрядили в женское платье и спрятали на Скиросе, среди дочерей царя Ликомеда.

Надпись, высеченная на части архитрава (балке из мраморных плит, тянувшейся над колоннами) гласит, что базилика была отстроена заново на средства, пожертвованные проконсулом Марком Нонием Бальбом — правителем римской провинции, виднейшим гражданином и главным благодетелем Геркуланума, на чьи деньги также были восстановлены городские ворота и стены, пострадавшие от землетрясения. В разных местах Геркуланума были обнаружены статуи Бальба и надписи, сообщающие о его щедрости и влиянии, а в базилике был увековечен в мраморе весь клан Бальбов.

Внутри здания находились статуи женщин из этой семьи — жены, матери и двух дочерей Бальба. Лица обеих девушек простоваты и непримечательны. Мать их красива, но выглядит изможденной. Облик бабки суров и непреклонен, что заставляет заподозрить весьма грозный нрав, по всей видимости, унаследованный от нее и сыном. Конные статуи самого Бальба и его сына, Марка Младшего, были установлены возле входа в базилику. Скульптор изобразил их в одинаковой позе, зато в трактовке лиц уловил существенную разницу характеров. Проконсул с властно сжатыми губами излучает не столько патрицианскую гордость, сколько чиновное самодовольство, каковое чувство весьма под стать человеку, чьему роду удалось возвыситься, насколько известно, из безвестности. Сын же, напротив, чуть хмурится, слегка выпятив нижнюю губу; самоуверенности в нем уже меньше.

Исходя из столь красноречивых портретных данных, некоторые исследователи дерзнули довериться воображению. Надо полагать, дом Бальба, находившийся под строгим присмотром бабки, был не очень уютным местом: повсюду чувствовалось правление железной руки, в воздухе витали обиды и раздражение. Сторонники такой гипотезы выдвигают в качестве веского свидетельства девиз, начертанный на стене самого пышного дома в Геркулануме, согласно догадкам, принадлежавшего семейству Бальбов. Девиз этот гласит: “Кто не умеет защищаться — не сумеет выжить”.

Кавалер Алкубьерре провел больше десяти лет, разгребая вулканическую оболочку, сокрывшую под собой Геркуланум, — но все еще не представлял себе настоящих размеров города. С каждым днем его все больше раздражала медлительность, с какой продвигалась работа. В 1748 г. он переключился на другой археологический объект (вскоре будет установлено, что это Помпеи), но и там, несмотря на первые успешные находки, его постигло разочарование;

Святыни августалов служило местом собраний высших лиц, приставленных печась о культе обожествленных римских императоров. Здесь, за запертой дверью, был обнаружен скелет человека, позабытого там во время извержения. Быть может, это был какой-то римский государственный деятель, подвергнутый наказанию за проступок, изгнанный из родного города и содержавшийся под стражей жрецов-августалов.

годом позже он возобновил раскопки в Геркулануме. К счастью для последующих поколений, Алкубьерре был отозван в Неаполь, не успев натворить еще горших бед своей хищнической кампанией. Хотя официально он оставался главным уполномоченным, повседневные обязанности перешли к более ответственному и вдумчивому исследователю, Карлу Веберу — швейцарскому инженеру, с 1735 г. состоявшему на службе у испанцев.

Вскоре после назначения Вебера рабочие, копавшие колодезь к западу от Геркуланума, неожиданно наткнулись на мраморный пол совершенно круглой формы, являвшийся частью садового бельведера — удобной площадки для обозрения окрестности, наподобие современных вышек на крышах домов. Такие площадки часто встречались на загородных римских виллах, и вскоре Веберу представилась исключительная возможность исследовать один из великолепнейших образцов подобного зодчества, которые когда-либо были найдены.

За последний век существования республики виллы вошли в большую моду. Например,

Юлий Цезарь то и дело удалялся в свое поместье под Байями — “курортным” городом с морским побережьем, согласно Страбону, прекрасно подходившим как для исцеления больных, так для услаждения здоровых. Цицерон, неоднократно выказывавший презрение к показной роскоши, тем не менее, владел тремя виллами на берегу Неаполитанского залива. Там, по его словам, он предавался своему излюбленному отдыху — сидел на берегу, считая набегающие волны. В течение нескольких десятилетий, последовавшими за этим открытием возле Геркуланума, вдоль побережья и в окрестностях Помпей было раскопано много подобных жилищ, но ни одно из них не шло в сравнение с первой по времени находкой.

На протяжении шести лет Вебер исследовал лабиринтоподобный комплекс комнат, залов и дворов, порой прокладывая по несколько ходов одновременно. Невзирая на указания Алкуберре — сосредоточиться на поиске предметов искусства, — Вебер принялся подробно воссоздавать планировку тех помещений виллы, которых ему удалось достичь, исходя из сохранившихся частей пола и фундамента. Это было в 1754 г. Не было и тени сомнений, что он нашел жилище какого-то знатного лица: ведь это сооружение с черепичными крышами и колоннадами вытянулось вдоль побережья более чем на восемьсот футов. Судя по деталям архитектуры, здание было построено во втором или первом веке до н. э. и изначально представляло собой простой дом атриумного типа. Впоследствии его расширяли, и постройка становилась все величественнее. В западной части находился перистиль, раскинувшийся более чем на триста футов в длину и на сто двадцать в ширину. Посреди него был разбит водоем размерами 217 на 23 фута; по величине он не уступал иным императорским термам, позднее выстроенным в Риме. Согласно Веберу, этот водоем и прочие пруды и фонтаны, находившиеся в пределах поместья, наполнялись при помощи хитроумной подземной гидравлической системы, узловые элементы которой все еще засыпаны.

Помимо своего эстетического назначения, этот большой водоем, вероятно, служил и прозаическим целям, поставляя рыбу к столу, если только владелец не поддался новой римской причуде — разводить декоративных рыбок. По словам некоторых бранчливых современников, увлечение это настолько ослепляло иных знатных богачей, что они давали своим чешуйчатым любимцам имена, украшали их драгоценностями и рыдали, когда те умирали. Цицерон обрушивался на этих *писцинариев* — “рыбоманов”, — заявляя, что в своем помрачении рассудка они пренебрегают государственными делами и горюют лишь тогда, когда их хвостатый лобанчик отказывается принимать корм из их рук.

Метр за метром пробирались к тайнам виллы Вебер и его помощники, прорубая путь через сырые, скользкие тоннели. Это был опасный труд, так как внутри могли накопиться смертоносные подземные газы. 4 августа 1755 г. в одном из тоннелей в Геркулануме искра, высеченная из камня киркой, вызвала взрыв, ужаснувший рабочих. Зато отвага и настойчивость археологов, исследовавших виллу, были сполна вознаграждены: в раскопе было обнаружено девяносто бронзовых и мраморных статуй, изображавших греческих философов и государственных мужей, а также богов, сатиров и животных.

В одном конце главного перистила, между двумя весьма живыми бронзовыми статуями оленей, стояло бронзовое изваяние силена — получеловека-полузверя из свиты Диониса, наподобие сатира, — изображенного в виде опустившегося атлета, пьяновато

САРА БИЗЕЛ И “ТОВАРЯЩИЕ КОСТИ”

Ввиду того, что в Геркулануме обнаружилось достаточно мало скелетов, ученые долгие годы полагали, что большинство жителей успело покинуть город до извержения. Но затем, в 1982 г., рабочие, рывшие сточную канаву, наткнулись на десятки скелетов в том месте, где некогда проходила береговая линия города. Охваченные страхом геркуланцы бежали к морю, видимо, собираясь спастись от лавины камней, пепла и удушливых газов, отчалив на лодках, и по пути укрылись внутри каменных помещений на молу, служивших стоянкой для лодок.

Там они пролежали до того дня, когда их впервые увидела Сара Бизел, американский археолог. В 1982 г., когда Бизел попросили произвести в Геркулануме анализ некоторых костей, она едва ли предполагала, что ее ждет многолетний труд. Да никто и не догадывался, что появятся еще десятки скеле-

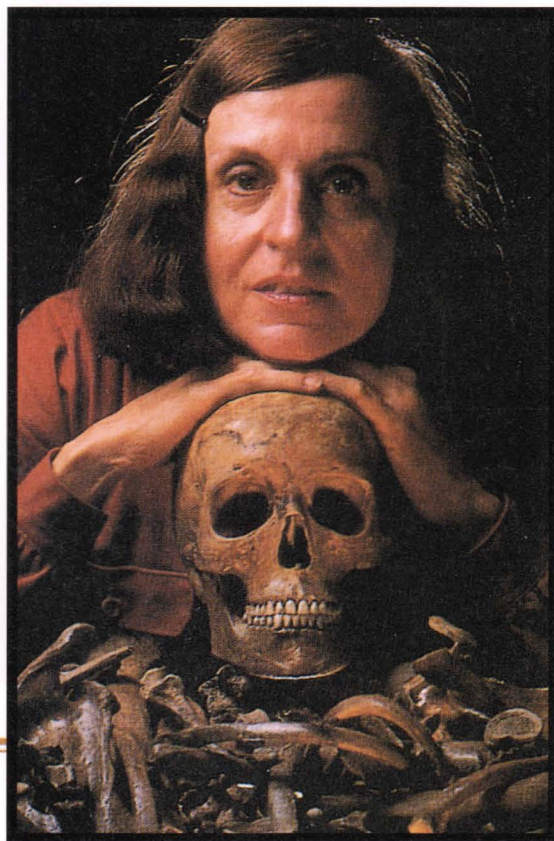
тов, которые предоставят не только массу сведений касательно питания и здоровья древних римлян, но и разнообразные подробности о жизни отдельных геркуланцев. Никогда прежде подобная возможность ученым не выпадала: ведь “древние римляне сжигали своих покойников, а прах хранит молчание”, — как напишет позднее Сара Бизел.

За долгие века, проведенные под шестидесятифутовым слоем вулканической массы, некоторые кости обуглились от чрезмерного жара, а грунтовые воды не давали скелетам окисляться. Но, соприкоснувшись с нормальной температурой и перепадами влажности, они принялись бы разлагаться, и тогда было бы утрачено

уникальное и бесценное археологическое сокровище.

Поэтому Саре Бизел приходилось торопиться. Под ее бдительным и активным руководством каждую кость поднимали с того места, где она лежала, чистили под струями воды зубной щеткой, давали ей обсохнуть, а затем опускали в акриловый раствор для застывания. Обычно Бизел требовалось два дня на то, чтобы собрать разбитый череп из груды костяных обломков, склеивая и скрепляя между собой проволокой разрозненные фрагменты. Лишь после такой работы она позволила себе роскошь всерьез заняться анализом останков отдельных людей. На протяжении следующих шести лет — десять месяцев в году, шесть дней в неделю — она неустанно трудилась, склоняясь над множеством скелетов, которые постепенно разворачивали перед ней свои истории жизни и смерти, долгое время сокрытые во мраке.

Сара Бизел, прозванная Костяной дамой, опирается на череп, которому более тысячи девятист лет, — словно в знак нежной привязанности к геркуланцам, чьи жизни ей удалось вырвать из безымянной неизвестности.

КАК ВОССОЗДАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ПО ГРУДАМ ЖАЛКИХ ОСТАНКОВ

“Кости приятно трогать, — сказала как-то Сара Бизел. — Им нравится, чтобы над ними как следует покорпели, и тогда они рассказывают свои истории”.

Исследовав кости, Бизел может установить возраст и пол человека. Произведенные ею обмеры показали, что в среднем рост мужчины из Геркуланума составлял 5 футов 7 дюймов, а женщины — 5 футов 1 дюйм. Уплотнение или утолщение некоторых костей говорило об последствиях питания, тяжелой работы или атлетических упражнений. Скелет шестнадцатилетнего юноши с развитой грудной клеткой наводил на мысль, что тот был рыбаком — вытягивал

невод и сидел на веслах. С правой стороны его зубы были подпорчены — вероятно, он держал удочку во рту, чиня сети. Осмотрев таз женского скелета, Бизел определяла, были ли у женщины дети, и если да, то сколько: каждая беременность оставляла характерные шрамы на костях.

Бизел удалось сообщить даже об общем состоянии здоровья геркуланцев. Она пишет, что их зубы сохранялись в лучшем состоянии, нежели зубы других итальянцев той же эпохи — благодаря отсутствию сахара в их рационе. Забурны на зубах у

некоторых свидетельствуют о детских болезнях, прервавших поглощение кальция организмом. Химический анализ, произведенный Бизел, показал, что геркуланцы потребляли много морепродуктов: об этом говорит концентрация стронция в их костях. Кто-то страдал от отравления свинцом. Свинец применялся в косметике, гончарном деле и для изготовления красок, но Бизел предположила, что у этих больных отравление происходило оттого, что они пили дешевое вино, подслащенное сиропом, который варили в свинцовой посуде.

“Она лежала на боку, и казалось, что она умерла во сне, — пишет Сара Бизел об одном из скелетов. — Я расчистила щеткой ее левую руку и заметила что-то блестящее. Это было золотое кольцо. Когда мы откопали всю кисть руки, мы увидели еще одно кольцо. И мы назвали ее Дамой в кольцах”.

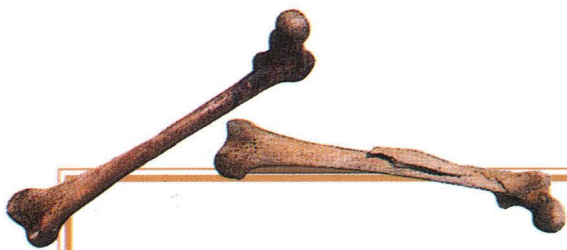

Когда был найден скелет девочки-подростка, сжимавшей в руках останки младенца с колокольчиками и булавкой в виде купидона, — кто-то подумал, что это мать и дитя. Но, осмотрев таз девочки, Бизел определила, что та была еще слишком молода, чтобы родить, и вскоре установила, что эти двое — няня-рабыня и ребенок ее богатых хозяев.

По зазубринам на зубах девочки-рабыни Бизел определила, что ее очень плохо кормили или же она тяжело болела в раннем детстве. Ее кости рассказали также о том, что ей приходилось поднимать слишком большие тяжести и часто бегать вверх и вниз по лестнице или по холмам. У нее было вырвано два зуба недели за две до гибели; одна из щелей от них видна на снимке.

С К А З А Н И Е О РИМСКОМ ЛЕГИОНЕРЕ

Когда этот воин принялся бежать к берегу, он едва ли мог вообразить, что когда-нибудь кости, оставшиеся от него, поведают историю его жизни. Скелет лежал ничком на морском берегу, рядом — меч и ножны, а за спиной находился набор плотницких инструментов. В момент смерти мужчине было 37 лет, он был мускулист и, видимо, хорошо питался. Бизел была уверена, что он побывал в боях: у него было выбито шесть зубов, а на левой бедренной кости имелись следы ранения. Вероятно, он служил в коннице, так как возле коленных суставов кости срослись с мускулами от езды верхом на неоседланной лошади. У воина были мощные предплечья — должно быть, от длительных

упражнений с мечом и щитом и от изнурительно тяжелого ручного труда. Поскольку от всех легионеров требовались навыки какого-нибудь ремесла, помимо воинского дела, не удивительно, что при нем оказались рабочие орудия — молоток, тесло, два резца и крюк. Возможно, он был в Геркулануме на побывке, но, будучи опытным воином, сохранил во время извержения достаточно самообладания, чтобы захватить свое оружие и даже несколько монет, которые нашли рядом с ним, в поясе-кошельке.

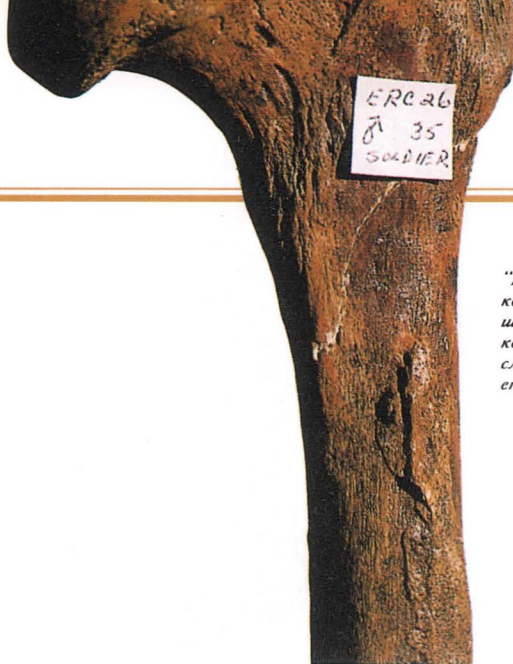

На бедренной кости воина — всадника до мозга костей — появилось утолщение над коленом, так как во время езды он крепко сжимал ногами скакуна. Опознавательный ярлык прикреплен Бизел.

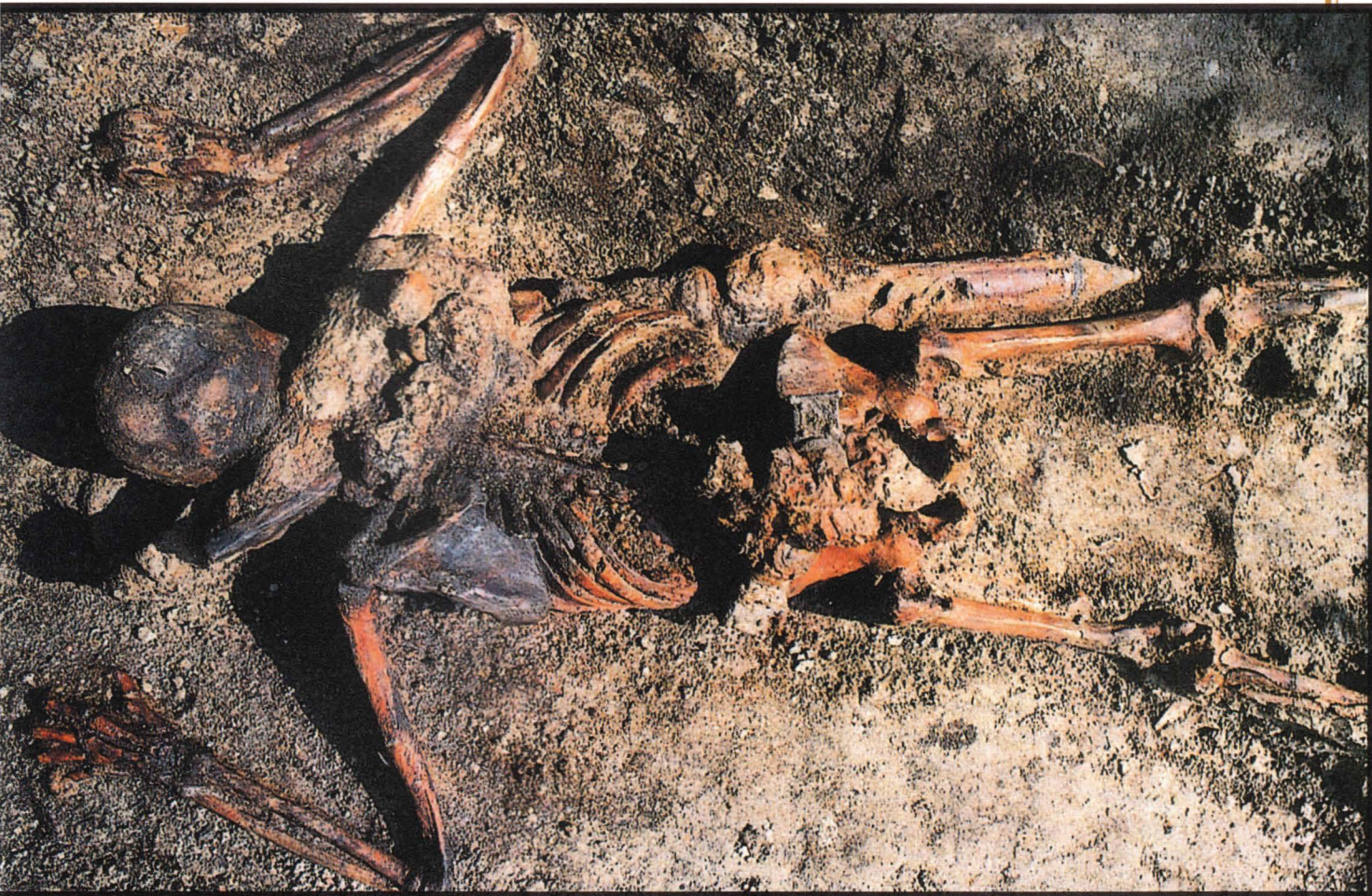
Археолог счищает со скелета воина грязь, налипшую за долгие века. Возле распростертой жертвы вулкана лежит меч, оказавшийся бессильным против разбушевавшейся стихии.

Среди золотых монет, найденных в поясе-кошельке воина, на одной (верхняя на врезке слева) была выбита голова императора Нерона, умершего за 11 лет до извержения.

"Когда я осмотрела его левую бедренную кость, — сообщает Бизел, — я увидела шишку в том месте, где рана проникла в кость и образовала сгусток крови, впоследствии затвердевший". Шишка виднеется под ярыком, наклеенным Бизел.

Скелет воина с согнутыми руками лежит в гравии на берегу моря; на спине хорошо виден мешок с инструментами. Поблизости были обнаружены спасательные лодки, на которых обратившиеся в бегство геркуланцы, застигнутые врасплох вулканическим бедствием, так и не успели отчалить. Всего Сара Бизел исследовала более ста скелетов, найденных в данных окрестностях.

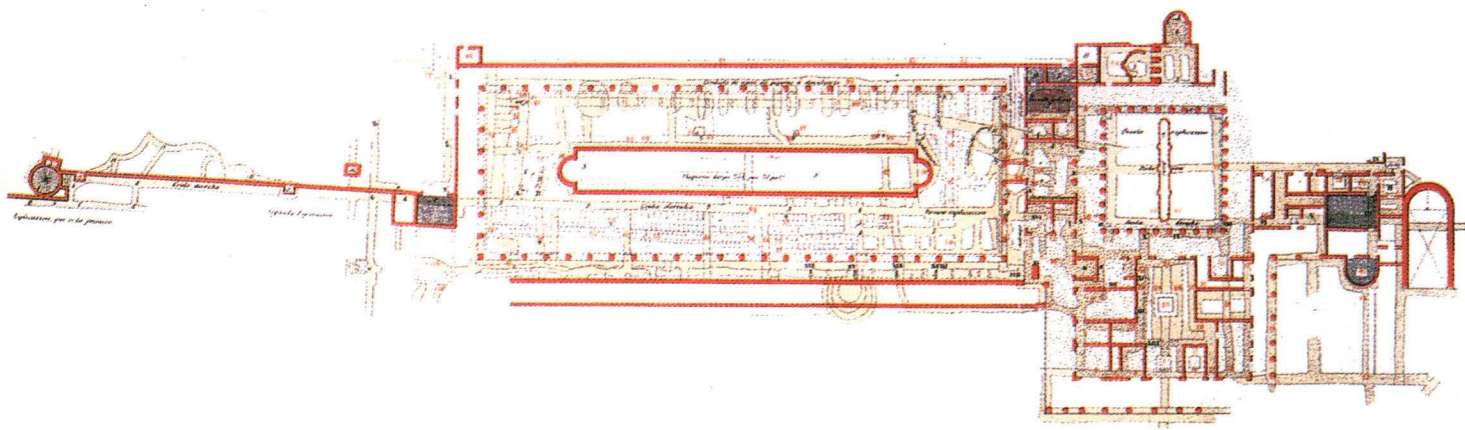
опирающегося на мех с вином и щелкающего пальцами в нетерпении. Неподалеку находился так называемый *Отдыхающий Гермес* (в римской мифологии ему соответствовал Меркурий): бесчисленные копии его гибкой фигуры известны во всем мире, воплощая идеал безупречной юношеской красоты и здоровья. У противоположного конца водоема находилась выполненная в человеческий рост бронзовая статуя спящего фавна — еще один шедевр, прославившийся на весь свет. Возле центра перистилия стояло пять женских скульптур; вначале ученые сочили, что они исполняют некий ритуальный танец, но впоследствии выяснилось, что они черпали воду. Поблизости оказалось произведение, весьма шокировавшее тех, кто его нашел, и поэтому поспешно спрятанное подальше от глаз, — мраморный Пан, совокупляющийся с козой.

Являя резкий контраст таким проявлениям чувственной красоты и грубой распушенности, длинный водоем был окаймлен мраморными статуями и бюстами, представляющими попарно греческих властителей и греческих мудрецов; отсутствие же сходных римских образцов наводит на мысль, что владелец поместья не чтит философов или государственных мужей в своем отечестве. Внутри дома обнаружили другие бюсты греческих мыслителей: афинского оратора Демосфена; Эпикура, основавшего в III веке до н. э. философское учение, обретшее многочисленных последователей среди образованных римлян спустя двести лет; Гермарха, преемника Эпикура; Зенона Сидонского, основателя стоицизма — сурового философского учения, распространившегося в Риме наравне с эпикурейством и в конце концов вытеснившего последний.

Эта отборная галерея великих мужей Греции ясно говорила о том, что вилла принадлежала человеку просвещенному. Подтверждение тому не замедлило появиться в 1752 г., когда археологи добрались до скромного по размерам помещения, уставленного полками, которые были завалены почерневшими цилиндрическими предметами. Вначале было высказано предположение, что это свернутые рыболовные сети или брикеты угля. Но когда один из свитков случайно уронили, от него откололись кусочки, и изумленные очевидцы заметили знаки, начертанные тусклыми темными чернилами, явственно выделявшиеся на фоне несколько другого оттенка. Это был текст на греческом языке.

“Цилиндрические предметы” оказались обугленными папирусными свитками, а помещение — библиотекой — первой библиотекой

В 1754 г. швейцарский инженер Карл Вебер начертил этот план роскошной Виллы деи Папири, вместе с расположением комнат нанося направление тоннелей, которые были прорублены в ходе раскопок через вулканические слои глубиной в 65 футов. Внутри виллы — огромный перистильный сад, посреди которого разбит пруд для рыб. В крайнем левом углу обозначен маленький круглый бельведер: именно на него наткнулись рабочие, копавшие поблизости колодезь. Так стало известно о существовании самой виллы.

Музей Дж. Пола Гетти в Малибу, штат Калифорния, являет собой воссоздание Виллы деи Папири, выполненное согласно чертежам XVIII века (внизу слева). С возможной точностью здесь повторены очертания величественного перистильного сада, пруда, а также статуи. В этом музее, открывшемся в 1974 г., хранятся римские и греческие древности, а также произведения искусства из других европейских стран.

классической древности, какую удалось обнаружить. Тогдашние ученые были крайне взволнованы: а вдруг эти обуглившиеся фрагменты, рассыпавшиеся от прикосновений, таили в себе неведомые произведения великих греческих и римских поэтов, драматургов, философов, историков? С неимоверной осторожностью папирусы были переправлены в королевский дворец в Портичи (к северо-западу от Геркуланума), а там Камилло Падерни, директор музея и советник короля Испании Карла III по вопросам искусства, взялся за труд развернуть свитки. 18 ноября 1752 г. он доложил о результатах

Лондонскому Королевскому обществу, важнейшему в мире научному учреждению. “В прошлом месяце нами было найдено несколько весьма почерневших папирусных свитков, каковые, по велению короля, потщился я раскрыть. Прилагаю здесь копию нескольких слов из тех, что удалось разобрать, чтобы имели вы понятие о том, как писали древние”. Попытка потерпела крах, потеря была невосполнима. Падерни попытался с помощью острого ножа расщепить некоторые свитки в длину, и хотя такой метод помог сохранить внешние слои, под напором лезвия рассыпались в прах ломкие листки внутри, и их содержание было утрачено навеки.

Вскоре была испробована более замысловатая техника. Помимо прочего, свитки обрабатывали ртутными парами, — в результате этого процесса они обратились в мокрую кашу. В отчаянии, испанский двор обратился за помощью к Ватикану, и префект посоветовал прибегнуть к услугам патера Антонио Пьяджо — книжника-латиниста и заведующего собранием живописи Ватиканской библиотеки. Падерни — по свидетельству Винкельмана, “упрямец и неуч”, — пришел в ярость от того, что им пренебрегли, и из ревности “попридержал” лучшие свитки, отдав одни только фрагменты. В то время, как всего оставалось больше 1800 свитков.

Понимая, что любое неловкое прикосновение руками грозит гибелью хрупким документам, Пьяджо смастерил особый снаряд — деревянный станок с натянутыми нитками для поддержания ломких папирусных страниц, которые разворачивались при помощи валика, вращавшегося от винтовой передачи. Чтобы сверток не закручивался вновь, чистая сторона листа замазывалась тонким слоем вязкого вещества; для вящей прочности, к ней прикреплялась “кожа золотобита” — упругая природная оболочка, — подбитая шелком. Ра-

бота продвигалась мучительно медленно: в лучшем случае, за четыре или пять часов удавалось размотать два-три дюйма. Несмотря на все усилия, прилагаемые Пяджо, некоторые рукописи погибли в процессе работы. Спустя четыре года было

развернуто лишь три свитка.

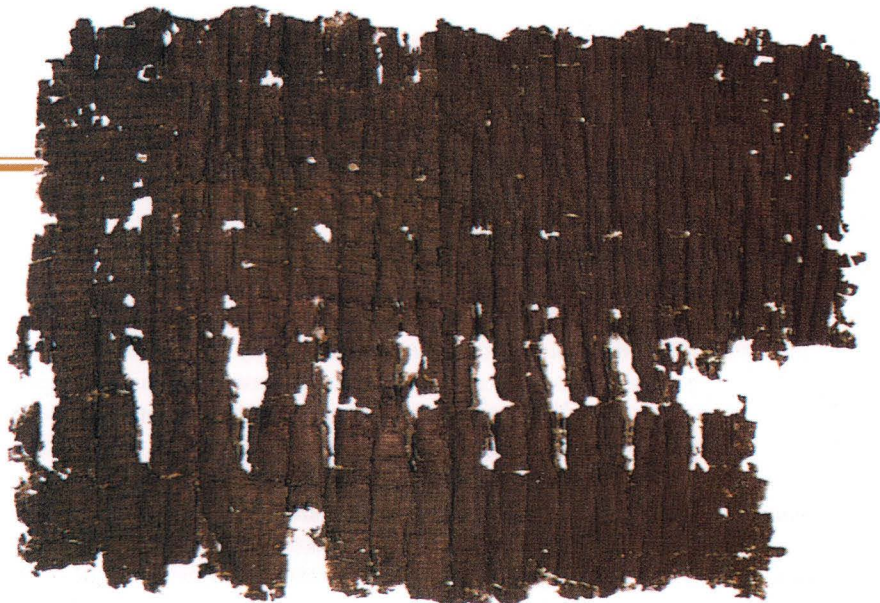
Первый оказался трактатом о музыке Филодема⁴², философа-эпикурейца, жившего в I веке до н. э. Филодем, родившийся у Мертвого моря, жил в Риме, где водил знакомство с такими светилами, как Цицерон, Вергилий и Гораций. Это многообещающее открытие раззадорило ученых, с нетерпением ждавших, что за этим последуют настоящие литературные сокровища. Но и два других свитка содержали произведения Филодема. По сути, вся библиотека оказалась собранием большинства трудов Филодема, а также нескольких других эпикурейских сочинений — в том числе, самого Эпикура⁴³, — но столь вожделенных классических шедевров античности там не было. Ученые жестоко обманулись в своих упованиях. “Разве не располагаем мы уже во множестве трактатами о риторике, — вопрошал Винкельман, — и разве *Трактат о пороках и добродетелях* Аристотеля не ценнее для нас, нежели все остальное, вместе взятое?”

С течением веков под *эпикурейством* стали подразумевать разнузданное потворство собственным прихотям, особенно в смысле гастрономических роскошеств. Изначально же эпикурейское учение, напротив, проповедовало суровую жизненную философию. По словам Эпикура, “приятная жизнь проистекает отнюдь не из непрестанной смены пиршеств и возлияний, и не из чувственной любви, и не из вкушения рыбы и прочих лакомств роскошного стола, — а проистекает она из трезвомыслия”.

Эпикур напрочь отвергал все чувственные удовольствия. Он полагал, что любовь приносит больше страданий, чем наслаждений, а плотские радости и вовсе осуждал. “От половых сношений ни с кем еще не приключилось добра, — угрюмо остерегал он учеников, — и хорошо еще, если не приключилось худа”. Брак и политика были равно заклеены как источники страстей и раздоров. Считая единственно совершенной жизнь в созерцании и безвестности, эпикурейцы классической поры выдвигали метафору сада как духовного прибежища, где должно сокрыться мудрецу, покинув суетный людской мир.

На Вилле деи Папири была обнаружена библиотека, заполненная обугленными папирусными свитками (среди них были те шесть, что показаны на странице напротив, наверху). Ученые загорелись надеждой, что они таят сочинения великих древних авторов. Все попытки развернуть свитки терпели неудачу — до тех пор, пока священник Антонио Пьяджо (XVIII век) не придумал особое приспособление (слева), с помощью которого работа стала продвигаться, хотя весьма медленно. Свитки (справа), чудесным образом сохранившие разборчивые строки, до сих пор продолжают разворачивать, уже с применением современных методов. По большей части в них оказались сочинения философа-эпикурейца Филодема, а не шедевры классической литературы.

Однако уже к I веку до н. э. мало кто из эпикурейцев придерживался столь воздержанного образа жизни, — и в том числе Филодем. Помимо серьезных философских трактатов, за ним числятся веселые, а порой и распутные, эпиграммы и стихи. Одно из них посвящено его возлюбленной Филайнион: “Любую доставляет / Филайнион мне даром / Усладу. О златая / Киприда! С ней пребуду, / Покуда мне другая / Краса не приглянется.”

В глазах некоторых ученых — в том числе, Винкельмана, — собрание стольких трудов Филодема указывало на то, что это поместье — отныне прозванное Вилла деи Папири, то есть “вилла с папирусами” — принадлежало самому философу. Другие исследователи возражали, что для скромного философа дом чрезмерно роскошен. Они склонялись к мнению, что виллой владел какой-нибудь богатый покровитель искусств.

Косвенный ответ на вопрос о том, кто же являлся владельцем поместья, можно было почерпнуть у Цицерона, упоминавшего о некоем философе-эпикурейце как о добром друге Луция Кальпурния Пизона Цезония — богатого тестя Юлия Цезаря. По словам Цицерона, Пизону явно не доставало того духа самоотречения, который проповедовал Эпикур. Он погряз в чувственных наслаждениях, пировал с греческими мальчиками-красавцами и пил ночи напролет. Цицерон обвинял Пизона в том, что тот награбил для себя немало статуй в Греции. Быть может, именно таким путем попали на виллу некоторые произведения искусства, хранившиеся там? Быть может, философ, чье имя не было названо, и есть сам Филодем?

Поскольку загородное поместье самого Цезаря находилось неподалеку от Геркуланума, то весьма соблазнительно представить себе, как он навещал тестя на Вилле деи Папири, как оба прохаживались вдоль пруда с колоннадой, толкуя о государственных делах. А может быть, здесь же Филодем декламировал им стихи в честь ожидавшего их пир: “Наизготове розы, / О Сосил! Свежих россыпь / Стручков, стеблей зеленых. / Здесь мягкий сыр соленый, / Гольян, что пахнет морем, / И нежные листочки / Кудрявятся салата...”

В 1796 г. скончался Антонио Пьяджо — после сорока двух лет терпеливого, но, по сути, неблагодарного труда: ведь среди свитков, которые он разворачивал и расшифровывал, не оказалось утраченных шедевров античности. Несмотря на волну разочарования по поводу содержания свитков, вскоре на них нацелились коллекционеры. Так, в 1820-е гг. сэр Уильям Эйкорт, британский посланник в Неаполе, приобрел у короля Фердинанда IV восемнадцать свитков в обмен на такое же количество кенгуру (зоологическая диковинка из Австралии лишь недавно появилась в Европе). Кто-то все еще надеялся, что на Вилле деи Папири обнаружится другая библиотека — с латинскими сочинениями, поскольку древние римляне обычно держали свои собрания греческих и латинских авторов по отдельности. Но в 1765 г. жители Резины снова вынудили Алукуберре прекратить раскопки в Геркулануме. Шахты, откуда можно было попасть на виллу, были опечатаны, и все работы переместились в Помпеи.

Хотя великолепие виллы было потеряно для мира, ему суждено было обрести второе воплощение — два с половиной столетия спустя, за тридцать земель — в Малибу, штат Калифорния. Поддавшись порыву, который одни искусствоведы сочли вычурной, а другие весьма одобрили, — американский нефтяной магнат, миллиардер Дж. Пол Гетти избрал Виллу деи Папири в качестве модели для музея, где он собирался выставить свою коллекцию произведений классического искусства. Используя план Вебера в качестве чертежа, американские и итальянские архитекторы в точности воссоздали все части виллы, о которых что-либо было известно, заполнив “белые пятна” соответствующими участками, позаимствованными из планировки других домов той эпохи в Помпеях и Геркулануме. Была предусмотрена подлинность каждой детали — от мрамора, который Гетти завозил из древнеримской каменоломни, разработанной еще 1800 лет назад, до трав в саду, где древние выращивали пятьдесят разновидностей растений для кулинарных, целебных, религиозных или декоративных нужд. Музей, работа над которым началась в 1970 г., был открыт для посещения в 1974 г. Он обошелся Гетти в 17 миллионов долларов, причем тот умер, так и не увидев своего детища.

Эта мраморная статуя — нетленный образец римской скульптуры — была обнаружена в жилище, получившем название Дом с Оленями. Это первая из двух скульптурных групп, изображающих травлю оленя гончими. На второй изображен олень, уже растерзанный свирепыми мучителями.

Незадолго до ухода Алкубьерре к работе подключился испанский архитектор Франсиско Ла Вега. Он составил настолько полный план Геркуланума, насколько это позволяли имевшиеся сведения. Впоследствии его карта сослужит добрую службу многим поколениям археологов, но в течение десятилетий она лежала впустую, так как к городу никто больше не подступался. Наконец, спустя шестьдесят с лишним лет, в 1828 г., работы возобновились. Отчасти в силу того, что прокладывание тоннелей оказалось делом непосильным — и физически, и политически, — руководители раскопок решили действовать способом открытых траншей (именно благодаря такой системе Помпеи заново появлялись из-под земли). Разумеется, этот метод был применим только к ограниченному числу объектов. Так было раскопано лишь несколько сильно поврежденных домов, а через семь лет работы были вновь приостановлены. Однако эти усилия принесли свои плоды. Осматривая те немногие участки древнего города, которые удалось открыть для обозрения, люди постепенно стали называть и современный городок, располагавшийся здесь, не Резина, а Эрколано (так по-итальянски звучит имя Геркуланума), — так что они наконец узрели живую связь с прошлым. Официально город был переименован в конце 1970-х гг.

Между тем, временами предпринимались отдельные попытки раскопок в Геркулануме. В 1869 г, когда работами заведовал Джузеппе Фиорелли — один из величайших археологов за всю историю Италии, — за дело вновь серьезно взялись. Но через шесть лет дело опять заглохло по причине технических трудностей и политических беспорядков. Прошло более полувека, прежде чем руководителем раскопок был назначен Амедео Майюри, распорядившийся постоянно проводить исследования в Геркулануме.

Отказавшись от рытья тоннелей, Майюри принялся методично изучать слой за слоем, продвигаясь от поверхности книзу. При этом он строго придерживался современного подхода, оставляя все, насколько можно, на своих местах: горшки в печи, еду на столе, дощечки для письма — под кроватью, куда их беспечно засунули. По мере того, как велся этот кропотливый труд, все четче вырисовывался облик города, подтверждая прежние догадки ученых. Геркуланум и в самом деле был более тихим местом, по сравнению с Помпеями, и, возможно, здесь шире процветала образованность. Вдобавок к тому, что на дорогах не имелось следов от колес повозок, не было еще и каменных глыб для пешеходов поперек улиц: это означало, что сами улицы здесь были чище и система стока работала лучше. Среди городских районов четко выделялся квартал для знати — вытянувшаяся вдоль берега изящная терраса особняков, расположившихся на разной высоте, с верандами, крылечками и окнами, откуда открывался живописный вид на залив.

Великолепнейший образец изысканного зодческого стиля, пользовавшегося любовью у богатых домовладельцев Геркуланума, являет

Дом с Мозаичным Атриумом. Дом обдувал морской ветерок, а вокруг расстился чудесный пейзаж. По существу, это было два дома в одном: старинный дом атриумного типа (в него вела дверь с мозаичной надписью: *Cave canem* — “Осторожно, собака!”) и более поздняя пристройка, вытянувшаяся вдоль старой городской стены. Внутри нового строения оказался сад с колоннадой и фонтаном, портик со стеклянной оградой и солярий — площадка для солнечных ванн, с небольшими тенистыми помещениями с боков, где можно было вздремнуть в жаркие дневные часы. В отношении обстановки и убранства этот дом выглядит скромным по сравнению с соседним Домом Оленей, получившим свое имя по двум статуям, найденным в его саду. Он был построен всего за 25 лет до извержения Везувия, и в нем ощущается настоящий, почти современный, простор. Традиционная колоннада с садом здесь уступила место коридору с окнами, расписанным сценками с резвящимися купидонами. Озорной нрав владельца, сказавшийся и на его художественном вкусе, полностью проявился в украшении сада: там красовались статуи пьяного сатира, поднимающего мех с вином, и еще более пьяного Геркулеса, явно собирающегося помочиться. Среди более привычных предметов, обнаруженных в Доме с Оленями, оказался набор терракотовой посуды на угольной печи. Там же была найдена бронзовая ванна — вещь весьма редкостная, если вспомнить о пристрастии римлян к общественным баням.

Здесь, как и в Помпеях, отнюдь не во всех патрицианских домах проживало какое-то одно богатое семейство: в I веке н. э. многие представители старинной знати оказались в стесненных условиях, и, по всей вероятности, некоторые были вынуждены пойти на раздел своего имущества, чтобы оплатить починку дома после землетрясения. На такую жертву явно пришлось пойти хозяевам Дома с Деревянной Перегородкой — одного из наиболее хорошо сохранившихся жилых строений во всей округе. Это роскошное жилище, сооруженное еще в доримскую эпоху, некогда занимало целый квартал, но впоследствии помещения, выходившие на улицу, были превращены в лавки и жилые комнаты для мастеровых. Вдобавок, к зданию был пристроен второй этаж с лестницей, предназначавшийся для сдачи внаем или даже для продажи. Но несмотря на это, семья домовладельца по-прежнему наслаждалась мирным и изысканным существованием в окружении мраморного великолепия.

Дом получил свое название из-за ряда деревянных — ныне обугленных — створок, отгораживавших таблинум от атриума. Из трех частей, изначально составлявших перегородку, две сохранились в таком превосходном состоянии, что до сих пор легко поворачиваются

В Доме с Геммой (наверху показан его восстановленный атриум с черепичной крышей) археологи нашли обуглившуюся деревянную колыбель со скелетом младенца. Свое имя дом получил из-за драгоценного камня, обнаруженного среди руин. На гемме было выгравировано изображение женщины.

В Доме с Деревянной Перегородкой атриум — с изысканным мраморным столиком и имплювием посередине — отделен от остальных помещений обугленными деревянными дверьми, которые по сей день поворачиваются на петлях. Некогда на месте ныне пустого проема имелось еще несколько створок, но в XVIII веке их разрушили первые исследователи, прокладывавшие здесь тоннель.

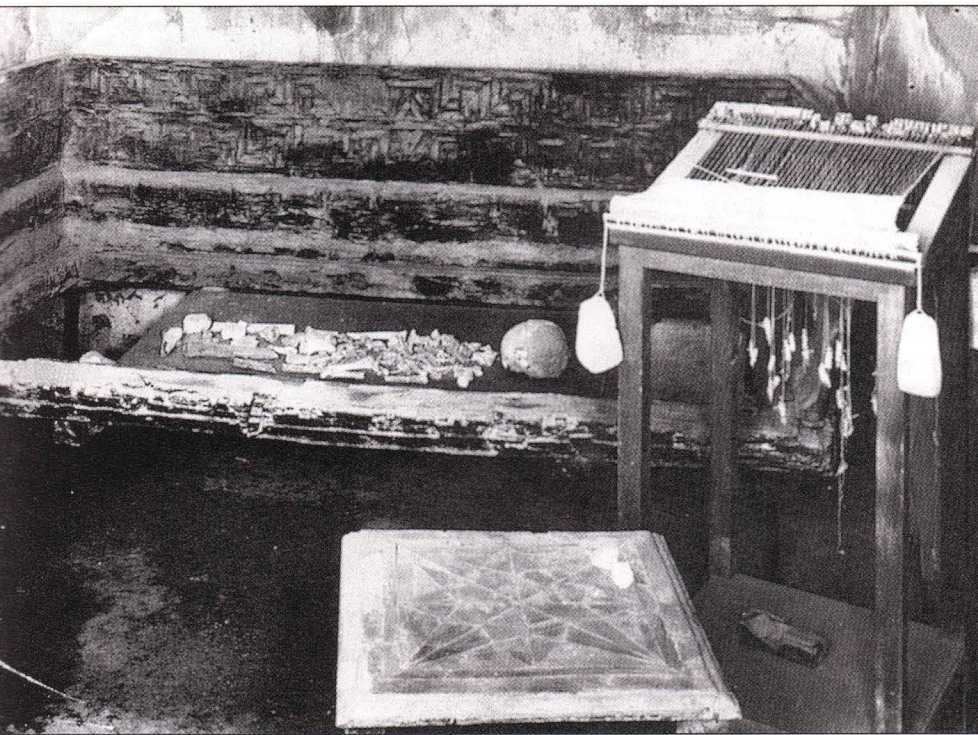
на штифтах петель — лишнее свидетельство удивительного “консервирующего” воздействия вулканической породы, намертво “запечатавшей” город. В двух комнатках, примыкающих к главному входу, сохранились также деревянные кроватные рамы, а разнообразные предметы обихода — от стеклянных сосудов и флаконов с благовониями до бронзовой иглы для шитья и соломенной метлы, — обнаруженные в разных частях дома, рассказывают о повседневном быте хозяев. В одной из комнат археологи нашли обугленный кусочек хлеба, оторванный от большого ломтя как раз тогда, когда началось извержение Везувия. К нему намертво пристал кусочек скатерти.

Другой патрицианский дом, также подвергшийся разделу, скрывает тайну. В комнатке на верхнем этаже, в центре оштукатуренной панели, замечен необычный след в гипсе, видимо, оставленный неким предметом, который в спешке сорвали со стены. По форме же след весьма напоминает христианский крест. Некоторые ученые говорят, что это лишь обманчивая видимость, что это просто следы от полки. Однако крепежные гвозди были вбиты вверх и вниз вертикальной, более длинной полосы — не самого стойкого приспособления, — да и сама форма была бы странновата для полки. Памятуя о том, что в 61 г. н. э. апостол Павел побывал в Путеолах, что в нескольких милях к западу от Неаполя, — вполне возможно, что в Геркулануме были христиане. Правда, довольно сомнительно, чтобы в столь раннюю эпоху среди них уже был в ходу крест как символ веры. Однако никто не оспаривает того факта, что здесь жили евреи: на стене другого дома, по соседству, кто-то нацарапал иудейское имя *Давид*.

Геркуланцы из “среднего класса”, у которых хватало денег на строительство собственного дома, из-за нехватки площади были ограничены в пространстве. Один такой дом вплотную подходил к лавке, торговавшей зерном, зато владелец выказал свой вкус внутри: желая возместить отсутствие сада, он украсил триклиний яркими мозаиками с цветочными мотивами. Среди примет домашнего быта, сохранившихся в этом жилище, — перечень закупавшихся вин и даты их поставок, помеченные на стене, и каракули, выведенные детской рукой — видимо, ради упражнения в письме.

Менее зажиточные семьи или снимали комнаты — например, в обширном жилом квартале с “квартирами”, выходившем к морю, — или сооружали двухэтажные домики из древесины и щебня, с внутренними стенами из оштукатуренных досок, а то и из тростника, обмазан-

В доме геркуланского резчика по драгоценным камням стоит кровать, инкрустированная разноцветным деревом, а на ней лежат останки мальчика-подростка. Должно быть, он был очень болен и не мог сдвинуться с места, когда началось извержение Везувия. Возле кровати стоят воссозданные заново вышивальный станок и табуретка, где нашлись куриные косточки — все, что осталось от предсмертной трапезы юноши. За табуреткой лежал скелет женщины — возможно, матери больного или рабыни-сиделки.

Этот частично отреставрированный деревянный комод (слева) являлся алтарем и шкафом одновременно. Его верхняя часть имела форму маленького храма, где стояли статуэтки хозяйских ларов. Нижний же отсек служил для хранения всякой всячины: когда его открыли, там обнаружилась масса самых разных предметов — флаконы для благовоний, пуговицы и даже остатки чесночного блюда.

ного глиной. В I веке до н. э. римский архитектор и строитель Витрувий с неодобрением отзывался о подобных постройках — хлипких и непрочных. И тем не менее, в Геркулануме, под боком Дома с Деревянной Перегородкой, сохранился один такой домишко, причем от налетевшего на город смертоносного бедствия ни каркас здания, ни даже мебель внутри комнат нимало не пострадали. Дом этот, всего лишь двадцати двух футов в ширину, предназначался для двух семей, занимавших второй этаж. В их распоряжении имелся отдельный колодезь, откуда черпали воду с по-

мощью лебедки и веревки (и то, и другое было обнаружено здесь же, едва тронутое временем).

В столь же хорошей сохранности оказалось и содержимое некоторых геркуланских лавок. В одном таком заведении были высыпаны на торговый прилавок кучки бобов и “турецкого” горошка; на нетронутой деревянной подставке с небольшим масляным светильником, свешивавшимся вниз, стояли винные амфоры, а печь словно только что заполнили углями, собираясь разжечь. В пекарне Секста Патулька Феликса (его имя значилось на печати, которую он, вероятно, вдавливал в тесто) при поспешном бегстве были брошены миски для замеса, 25 бронзовых форм для выпечки, запасы пшеницы и груды монет. А чтобы пироги хорошо поднимались, Патульк водрузил над печной заслонкой и в помещении, где месили тесто, резные каменные фаллосы — расхожий амулет “на счастье”.

Рядом с пекарней Патулька находилась харчевня, где на настенной фреске был изображен Геркулес в плаще, обносивший вином обнаженных Диониса и Меркурия (последний, как известно, был не только вестником богов, но и покровителем лавочников). Здесь сосуды для хранения вина были уложены рядком в сетки, подвешенные к потолку. В одном из геркуланских винных погребков какой-то посетитель — вероятно, немало принявший на грудь, — дрожащей рукой вывел на стене унылый афоризм: “Жизнь напрасна”. В другом месте красовалась такое послание: “Здесь был Гиацинт. Привет его любезной Виргинии”.

По-видимому, торговые заведения в Геркулануме не отличались особым размахом: вероятно, они отвечали только местным нуждам. (Но поскольку до сих пор раскопана лишь небольшая часть города, со временем такой вывод может оказаться ошибочным.) Здесь работало немало сукновалов — хотя, разумеется, несравненно меньше, чем в Помпеях. Следуя традиции, римляне долгое время носили простые

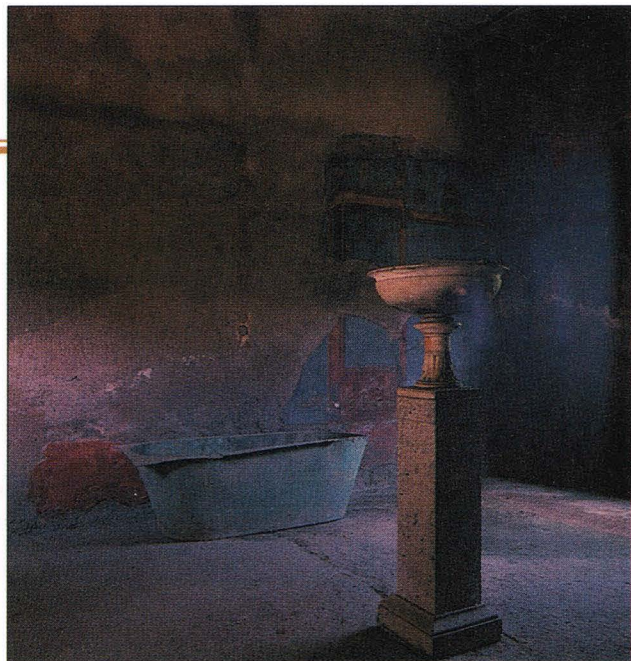
белые одежды, но к I веку н. э. появились новые веяния, и предпочтение явно стало отдаваться ярким узорчатым материям. В доме одного купца был найден кусочек ткани, хрупкий, как паутина, но все еще хранящий волнистый узор. Другой удивительной находкой из Геркуланума стал пресс для тканей, обнаруженный в одной из мастерских, занимавших нижний этаж Дома с Деревянной Перегородкой. Этот механизм, действовавший при помощи червячного привода, поразительно схож по своему устройству с первыми печатными станками, до изобретения которых оставалось еще 1300 лет.

Прочие городские ремесла — кроме изготовления сетей, потребных для промысла рыбакам, — были те же, что и в Помпеях. В одной мастерской художник работал исключительно над живописными деревянными панно для домов богачей. В другой, на мраморном столе выставлял свои работы резчик по драгоценным камням. А в задней комнате этой же лавки жена мастера — или его невольница — трудилась за вышивальным станком, который стоял у изголовья кровати, отделанной редкими сортами дерева. Именно здесь был найден скелет юноши — быть может, тяжело больного сына самого камнереза. Он не в силах был подняться с ложа и встретил смерть там же, где лежал. Рядом нашли и остатки пищи.

Непрерывные ряды лавок тянутся вдоль главной улицы города, которая, вероятно, ведет к форуму (но где он, еще загадка). Из других общественных сооружений уже систематически исследованы палестра и две бани. Работами руководил археолог Джузеппе Маджи, возглавивший раскопки в 1971 г.

Учитывая скромные размеры самого города, палестра удивляет своей величиной: ее площадь 360 на 260 футов, в середине — крестообразный водоем для плавания, вытянувшийся на 160 футов в одну сторону и на 100 — в другую. У скрещенья возвышался огромный бронзовый змей, и из пяти его пастей били струи воды. Рядовые зрители наблюдали за атлетическими состязаниями из портика, с трех сторон обступавшего площадку для игр; знать же восседала за особой оградой. А там, где победителям вручались награды, оливковые венки лежали на мраморном столе с ножками, которые заканчивались внизу орлиными когтями.

Старейшая из двух общественных бань, находящаяся около предполагаемого центра города, построена по типичному римскому образцу. Размявшись в центральном дворе, посетители переходили в какое-нибудь из окружающих помещений для массажа, а затем отправлялись в тепидарий и парильню, под конец же погружались в холодную воду в маленьком круглом водоеме, приютившемся в углу здания. Эти бани, условно названные Центральными, предусматривали отдельные помещения для мужчин и женщин.

Владельцы этой бронзовой ванны столь знакомой формы из Дома с Оленями явно предпочитали домашнее уединение шумным общественным баням, которые так любило большинство римлян. Мраморная чаша, стоящая на пьедестале, возможно, тоже использовалась для обливаний.

Вестибюль Пригородных Бань, куда заходили лишь богатые геркуланцы, является образцом роскоши и "современности" этого заведения. Над двойными арками, венчающими колонны, некогда выкрашенными в ярко-красный цвет, — потолочное отверстие. Оттуда льется свет на мраморный водоем, который оснащен умывальником — раковиной и краном, вмонтированным в статую Аполлона.

Если Центральные Бани, скорее всего, были выстроены городскими властями, то Пригородные Бани явно стали очередным даром проконсула Бальба. Его статуя и посвященный алтарь некогда стояли внутри этого сооружения, через которое можно было также попасть и в дом, принадлежавший, как принято считать, Бальбам. Судя по сдержанному, но роскошному убранству этого заведения, а также по его близости к прибрежным особнякам, баня предназначалась исключительно для богатей. Раздельных помещений здесь не было, но, видимо, мужчины и женщины приходили сюда в разное время: женщины — по утрам, а мужчины — после полудня. Несмотря на видимую благопристойность, чувствуется, что любовные встречи были здесь обычным делом. Стены одной маленькой комнатки испещрены надписями в память о свиданиях пар — как разнополых, так и однополых. Формальное назначение этой комнатки считается "неизвестным", но выводы вполне

можно сделать из таких, например, граффити: "Здесь побывали два близких приятеля. После дурного водительства Эпафродита во всем, они наконец вышвырнули его прочь. Затем весело прокутили 105½ сестерциев с девочками".

Пригородные Бани поразительно хорошо выдержали напор вулканической лавины, обрушившейся на них ранним утром 25 августа 79 г. н. э. Тот факт, что береговая линия оказалась смещена почти на полмили в глубь залива, указывает на то, что этот поток отнюдь не утратил своей мощи, достигнув бань. Здание обязано такой сохранностью своей кладке — бетонным стенам с кирпичной облицовкой и сводам, подпиравшим крышу. Смягчить напор извне, возможно, помогли и обломки, попавшие внутрь через потолочное отверстие и забившие помещения снизу доверху.

Другой чудесный пример сохранности был явлен неподалеку. В 1982 г. на морском берегу, вблизи того места, где ранее обнаружили груды скелетов, археологи нашли лодку. Под действием температуры она обуг-

лилась и была теперь чрезвычайно хрупка, зато сам корпус остался почти целым: бронзовые гвозди до сих пор скрепляли в прежних местах доски. По мнению Дж. Ричарда Стеффи — специалиста по подводной археологии из Техасского университета, обследовавшего лодку одним из первых, — это двадцатистифтовое судно служило, по всей вероятности, портовым буксиром, или использовалось для перевозки вин. Широкий каркас (как и у тех кораблей, что изображались в живописи того времени) и отделка говорят о том, что здесь потрудились рука искусного плотника. Длинная, суживающаяся к концу деревянная палка, найденная поблизости, возможно, была мачтой ладьи.

Быть может, некоторые из людей, бросившихся к берегу, в последние минуты своей жизни думали спастись как раз на этом челне. Но судьба распорядилась иначе. Здесь лежал скелет, мертвой хваткой вцепившийся в весло. А прямо позади лодки, в одном из складских помещений, сбились в кучу останки двенадцати жертв — должно быть, это была одна семья. Специалисты, проводившие анализ костей, установили возраст и пол семи взрослых: трое мужчин, двадцати пяти, тридцати одного и тридцати пяти лет, четверо женщин — четырнадцать, шестнадцать, тридцати восьми и сорока двух лет. Еще было четверо детей — трех, пяти, девяти лет и семимесячный малютка. Вокруг них были разбросаны в песке плачевные пожитки, захваченные в спешке перед бегством: светильник, железный ключ от дома и маленькая детская копилка, а в ней две монетки — бронзовая и серебряная (предмет, пожалуй, самый щемящий).

Эти скелеты, как и десятки других, найденных внутри складов вдоль мола, безмолвно повествуют о безысходности того жуткого дня. Их человеческая осязаемость позволяет преодолеть временной разрыв, пробуждая желание узнать еще что-нибудь о жизни этих людей. Несмотря на очевидные трудности, Геркуланум таит особенно заманчивые возможности новых находок. Поскольку к настоящему моменту раскопано лишь семь городских кварталов, а впереди еще столько открытий — некрополь, храмы, рынки, форум, возможно, и амфитеатр, — поиски будут обязательно продолжены. Однако не стоит забывать: судьба и в будущем может столь же легко вмешаться в людские намерения, как она уже сделала это две тысячи лет назад. В 1980 г. вся область была сотрясена земными толчками; при этом погибли бесценные экспонаты Национального Археологического музея в Неаполе, а помпейским руинам, на расчистку которых было затрачено столько стараний и сил, был нанесен такой ущерб, что отдельные части города пришлось закрыть для посещения на несколько лет. Теперь Помпеи снова почти полностью открыты и, наряду с Геркуланумом, продолжают изумлять посетителей из всех уголков мира. Но стоит только бросить взгляд вдаль, как все античные и современные постройки начинают казаться карликами: там, как прежде, возвышается гора Везувий, временами дымится и изредка погромыхивает.

ЗОРКАЯ ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ

Земные и морские просторы; создания, населяющие сушу, океан и небеса; пышные сады, утопающие в зелени: древние римляне любили все проявления природы и никогда не упускали случая окружить себя ее многоликими чудесами. Живые красоты, простиравшиеся за порогом, они воссоздавали и внутри дома, расписывая стены фресками и выкладывая полы мозаиками. Кусочек сада, расцветший яркими красками прямо на стене, — лавры, фонтан, быть может, и соловей, примостившийся на розовом кусте (наверху), — преображали тесную спальню без окон в настоящий оазис покоя. Пол *триклиния* пиршественного помещения часто украшали изображения плодов, рыб, птиц. Они не только ласкали глаз, но и соответствовали назначению зала. Временами эти картины были выписаны с таким натурализмом, что легко вводили в заблуждение. Казалось: сейчас раздастся пение птиц, или рука невольно тянулась подобрать упавшую грушу.

Живописцы, работавшие по поверхности влажной и сухой штукатурки, куда для блеска и прочности подмешивалась мраморная и алебастровая крошка, достигали одновременно мяг-

кости и поразительной четкости в изображении. Насыщенные краски, которыми они пользовались, добывались из различных видов дикорастущего и обычного сырья — минеральных, растительных и животных. Охра, малахит и киноварь шли на желтые, зеленые и красные краски; растения семейства *indigofera* (индиго) — на синие; морские моллюски — на роскошный и чрезвычайно дорогой тирийский пурпур, — и это лишь немногие цвета. В мозаичных мастерских ремесленники кропотливо выкладывали бесчисленными *тессерами* — крохотными кусочками камня, мрамора и цветного стекла — терракотовые лотки, которые затем вставлялись в пол. Составляя прекраснейшие мозаики, они подражали стилям и сюжетам лучших живописных образцов.

Под пеплом Везувия оказались погребены — и сохранены — настенные фрески в Помпеях и их окрестностях. За столетия, истекшие со дня бедствия, их яркие краски почти не поблекли. Эти вновь обретенные росписи, а также мозаики, свидетельствуют о том, какое место было отведено природе в сердцах помпеян. А та живая “натура”, с которой творили художники, обрела под их кистью настоящее бессмертие.

Эта экзотическая сценка из жизни животных на Ниле — одна из многочисленных мозаик, найденных в Доме Фавна. Среди прочей живности здесь изображены гиппопотам, мангуста, кобра и крокодил. В древнеримском искусстве довольно часто встречались египетские образы и темы.

Вокруг омара, опутанного щупальцами осьминога, кружатся скат, окунь, угорь и другие морские создания (все они и поныне водятся в Неаполитанском заливе). Как и большинство фигурных мозаик, эта эмблема, или панно, площадью в три квадратных фута, была сначала сложена в мозаичной мастерской, а затем помещена целиком в общую кладку пола, другие части которого были попроще.

Цапли, пользовавшиеся у римлян большой любовью, встречаются на многих фресках с изображением садов. Справа, одна такая цапля стоит нахохлившись среди цветущих олеандров, а певчий дрозд с любопытством воззрелся на нее с ветки стилизованной сосны.

Ниже показана деталь росписи, сплошь покрывавшей большое помещение изображениями растений и птиц. Среди зарослей лавра, фиалок и ромашек поперевак ступает красноперая тетерка (в эпоху римской империи этот вид был весьма многочисленным, но позднее совершенно исчез из этой области). Слева — фрагмент росписи с одной виллы севернее Помпей: вертишейка (птица из семейства дятловых) примеривается к трем грушам на полке-обманке.

На этой мозаике два бойцовых петуха с сердитыми глазами собираются на смерть драться шпорами, а на столик позади них положен кошель со ставками. Изображения жестоких природных инстинктов нередки в трактовке римским искусством сцен из жизни животного мира и морских обитателей.

Справа воспроизведена двухчастная мозаика из задних покоев Дома Фанна. Наверху домашняя кошка терзает куропатку, а внизу яркоперая утиная чета оживляет натюрморт с птичками, рыбами и моллюсками, видимо, приготовленными для кухни.

Вокруг фонтана в форме чаши цветут олеандры, мирты и розы. Наверное, такой фонтан служил купальней для птиц — ласточек, певчих дроздов, золотых иволг и сорокопутов, бывших частыми гостями в помпейских садах. Нарисованный салат вблизи и кустарники вдали создают иллюзию пространственной глубины на этой фреске, украшавшей стену в перистиле Дома Морской Венеры.

В спальне дома, вероятно, принадлежавшего помпейскому садоводу, по стенам, за золотой оградой, растут вишня, слива, груша, гранат и лимон. На их ветвях сидят несколько птичек, а по стволу фигового дерева в центре ползет вверх змея.

ДВА ГОРОДА В ТЕНИ ИСТОРИИ

Начиная от смутных истоков, теряющихся в начале первого тысячелетия до н. э., и кончая внезапной гибелью в 79 г. н. э., Помпеям и Геркулануму выпала довольно скромная роль в истории, тогда как мир вокруг них претерпевал бурные перемены. Благодаря весьма "идиллическому" расположению — на солнечных склонах горы Везувия, на берегах Неаполитанского залива — местные жители наслаждались мирной жизнью. Этот благодатный уголок земли привлекал немало знаменитых мужей, проводивших здесь часть года. Но за все века своего существования оба поселения так и не породили собственных великих людей, так и не видели великих сражений, так и не стяжали великих богатств. И вместе с тем, благодаря своему трагическому уходу, благодаря тому удивительному состоянию, в котором они сохранились до наших дней, эти города встали в один ряд с другими знаменитейшими и важнейшими городами всей классической древности. В представленных здесь хронологических таблицах прослежены немногие события, известные об истории Помпей и Геркуланума со времени первых поселений в этих местах до последних лет их существования, уже в составе Римской империи. А так как оба города все же играли столь скромную роль в те времена, для облегчения временной ориентации здесь напоминаются также основные исторические события, происходившие в других местах Средиземноморья.

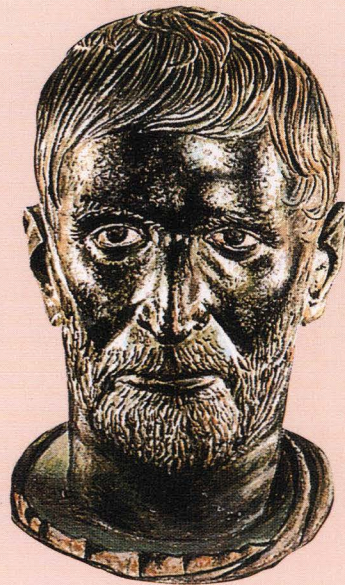
Согласно легенде, Геркуланум был основан Геркулесом — и назван в его честь. Что касается "земной" версии происхождения, то ученые полагают, что оба города возникли из небольших поселений осков — автохтонного племенного объединения. Название Помпей, чье становление произошло, вероятно, около 1000 г. до н. э., возможно, происходит от оскского слова "пять" (*пумпе*), хотя остается неясно, почему. Поблизости этруски основали город Капую (это было до 600 г. до н. э.), а вскоре греки вывели свою колонию в Исхия, возле Неаполитанского залива. В течение нескольких следующих веков эти два народа, а также самниты — воинственный народ, пришедший из внутренних горных областей, — сражались за господство над здешней землей. Тем временем на севере возник Рим — по преданию, он был основан в 753 г. до н. э. братьями Ромулом и Ремом, вскормленными в младенчестве волчицей (внизу).

ЭТРУССКАЯ ВОЛЧИЦА

ЭПОХА РАННЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

509—133 гг. до н. э.

ЛУЦИЙ ЮНИЙ БРУТ

- 509** Основание римской республики; ее первые консулы — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин. Бронзовый бюст, воспроизведенный наверху, долгое время считался изображением Брута, но теперь ученые подвергают сомнению такую атрибуцию.
- 508** В Риме избираются первые магистраты.
- 494** Римские плебеи начинают борьбу сословий, требуя для себя полного политического равноправия с правящими патрициями.
- ок. 475—420** В Помпеях усиливается греческое влияние.
- 451** В Риме обнародованы первые писанные законы.
- 447—432** В Афинах греки возводят Парфенон.
- ок. 425—375** Самниты расширяют границы старого города на месте Помпей.
- 390** Набег галлов на Рим.
- 367** Окончание борьбы сословий и обретение плебеями права занимать консульскую должность.
- 343—290** Вблизи Помпей идут самнитские войны. Вмешивается Рим, заявляющий Помпей в союзники. Городские стены отстроены заново известняком из реки Сарн.
- 333—323** Александр Македонский покоряет Персидскую державу.
- 264** Первая запись о гладиаторских боях.
- 264—241** Период завоеваний: Рим побеждает Карфаген в Первой Пунической войне и присоединяет к своим владениям Сицилию, Сардинию и Корсику.
- 218—201** В ходе Второй Пунической войны Карфаген становится римским протекторатом и уступает свои земли в Испании. Стены Помпей заново отстроены туфом из соседней Нуцерии.
- 200—133** Рим ведет войны в Испании, Греции, Македонии, Малой Азии и Северной Сирии. Завоевывает Испанию, Грецию и Македонию, разрушает Карфаген и Коринф. В 135 г. устраивают восстание сицилийские рабы.

ПЕРИОД СМУТ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В РИМЕ

133—31 гг. до н. э.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

- 133** Трибун Тиберий Гракх выступает против власти римского сената и пытается провести земельные реформы. Его убивают.
- ок. 125** Помпеи возводят базилику и большой театр.
- 91—88** Рим вступает в так называемую Союзническую войну против своих италийских союзников, в том числе против Помпеев. Римские воины истребляют самнитскую знать.
- ок. 88** Помпеи становятся *муниципием* — провинциальным городом, зависимым от Рима, — а их жители получают римское гражданство.
- 81—79** В Риме провозглашен диктатором полководец Луций Корнелий Сулла. Он меняет государственные законы, возвращая сенату былые полномочия.
- 80—70** В Помпеях строится амфитеатр.
- ок. 80** В Помпеях становится официальным языком латынь, вводится римская система мер и весов, городской свод законов приводится в соответствие с римскими нормами. Племянник диктатора Публий Корнелий Сулла, дабы покарать помпеян за участие в Союзнической войне, конфискует земли и жалуется их 5000 ветеранам своего дяди. В последующие десятилетия происходят смешанные браки между новой частью населения Помпеев — римлянами — и старой — самнитами, осками и греками.
- 73—71** Спартак вместе с 70 тысячами восставших рабов скрываются на Везувии и в его окрестностях. Восстание заканчивается подавлением.
- 70** В Риме избраны консулами Помпей и Красс.
- 63** Консулом становится Цицерон.
- 60** Юлий Цезарь, Помпей и Красс образуют первый триумвират.
- 49—44** Римскую республику раздирает гражданская война. В 44 г. Цезарь пожизненно назначен диктатором; 15 марта он убит заговорщиками, среди которых — Марк Юний Брут, прославленный потомок отца-основателя Луция Юния Брута.
- 44—31** Разгорается гражданская война между политическими наследниками Цезаря — Антонием, Лепидом и Октавианом (будущим Августом).

ЭПОХА РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

31 г. до н. э.—79 г. н. э.

АВГУСТ

- 31 г. до н. э.** Октавиан, внучатый племянник Цезаря, выигрывает битву при мысе Акций, одержав победу над Антонием и Клеопатрой, царицей Египта и бывшей любовницей Цезаря.
- 31—27** Октавиан проводит реформу римского государства и присваивает титул Август.
- 27 г. до н. э.—14 г. н. э.** Август правит в качестве императора. Римские провинции, лишённые армии, он поручает опеке сената, а собственные войска отправляет в отдалённые земли — Испанию, Галлию и Сирию. В Помпеях перестраивается большой театр и возводится новая базилика; в честь Августа сооружается храм Фортуны Августа.
- 14—37** Правление Тиберия.
- ок. 33** В Иерусалиме распят Иисус из Назарета.
- 37** Императором становится Калигула. Позднее он исполняет обязанности одного из главных магистратов Помпей.
- 41** Калигулу сменяет Клавдий. Его правление длится 13 лет.
- 43—48** Клавдий начинает завоевание Британии.
- 54—68** Правление Нерона — последнего императора из династии Юлиев-Клавдиев.
- 59** В помпейском амфитеатре происходит побоище между помпеянами и их соседями-соперниками нуцерийцами. Нерон постановляет закрыть амфитеатр на десять лет.
- 62** 5 февраля в Помпеях и Геркулануме происходит разрушительное землетрясение.
- 69—81** После короткой гражданской войны к власти приходит Веспасиан. Во время его правления, а также правления его сына Тита, в Риме и во всей империи проводится ряд политических, военных и денежных реформ.
- 70** Тит разрушает Иерусалимский храм.
- 79** 24 и 25 августа происходит извержение Везувия, похоронившее под пеплом Помпеи, Геркуланум и их окрестности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакторы и авторы выражают свою признательность всем специалистам, которые оказали неоценимую помощь при подготовке этого тома:

Margaret Alexander, University of Iowa, Iowa City; Giulia Aurigemma, Rome; Brigitte Baumbusch, Florence; Donatella Bertoni, Milan; Jane Bisel, Rochester, Minnesota; Horst Blanck, Isti-

tuto Archeologico Germanico, Rome; Stefano Bruschini, IBM Semea, Rome; Steven Carey, University of Rhode Island, Narragansett; Robert I. Curtis, University of Georgia, Athens; Stefano De Caro, Soprintendente, Maria Rosaria Esposito, Chiara Lepore, Maria Grazia Ruggi d'Aragona, Valeria Sanpaolo, Soprintendenza Archeologica di Napoli, Naples; Baldassare Conticello, Soprintendente, Antonio D'Ambrosio, Ernesto De Carolis, Maria De Conte, Lo-

renzo Fergola, Salvatore Ciro Nappo, Mario Pagano, Antonio Varone, Soprintendenza Archeologica di Pompei, Pompeii; Joseph Jay Deiss, Gainesville, Florida; Helmut Jung, Istituto Archeologico Germanico, Rome; Maria Montembault, Documentaliste, Département des Antiquités Grecques et Romaines, Musée du Louvre, Paris; Margaret Somerville Roberts, Philadelphia, Pennsylvania.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ниже, с искренней благодарностью авторов, приводится список источников, из которых были взяты иллюстрации для этого тома. Весь перечень организован в три столбца, различные источники в столбцах отмечены косой чертой.

Cover: Background Leonard von Matt/Photo Researchers; Mimmo Jodice/Museo Archeologico Nazionale, Naples. End paper: Art by Paul Breeden. 6,7: David Hiser/Image Bank. 8, 11: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 12, 13: Art by Al Kettler. 14-17: By O. Louis Mazzatenta, ©National Geographic Society. 18, 19: Painting at Musée des Augustins, Toulouse, France, photo courtesy of Alexandra Murphy. 20: Luciano Pedicini, Naples. 21: Didier Baussey, Paris. 22, 23: Luciano Pedicini, Naples. 24: Courtesy the Trustees of the British Museum, London; Luciano Pedicini, Naples (2). 26: Archiv für Kunst und Geschichte, Berlin. 27: Istituto Archeologico Germanico, Rome. 29: Mary Evans Picture Library, London—Roger-Viollet, Paris. 30: Roger-Viollet, Paris. 31: Heirs of Prof. Salvatore Aurigemma, Rome—from *Pompeii alla Luce degli Scavi Nuovi di Via dell'Abbondanza, 1910-1923* by Vittorio Spinazzola, Libreria dello Stato, Rome, 1953. 32, 33: Robert Étienne, Bordeaux; Leonard von Matt, Buochs, Switzerland. 35: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 36, 37: Mimmo Jodice, Naples. 38: Alinari-Giraudon, Paris. 39: Roger-Viollet, Paris. 40, 41: Milan Horacek/Bilderburg, Stu-

dio X; Roger-Viollet, Paris—Alfredo and Pio Foglia, Naples. 42, 43: Mimmo Jodice, Naples. 44: Background Mimmo Jodice, Naples. Alfredo and Pio Foglia, Naples. 46: Art by Time-Life Books. 48, 49: Luisa Ricciarini, Milan; IGDA, Milan. 50, 51: C. M. Dixon, Canterbury, Kent. 52: Mimmo Jodice, Naples; Luciano Pedicini, Naples. 53: Alinari/Art Resource, New York City—Scala, Florence. 54, 55: Luciano Pedicini, Naples—Alfredo and Pio Foglia, Naples. 56: Art by Time-Life Books—Mimmo Jodice, Naples. 57: David Hiser, National Geographic Society—Alfredo and Pio Foglia, Naples. 58: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 59: André Held, Ecublens, Switzerland; Luciano Pedicini, Naples (2). 61: Julian Whittlesey Foundation, from *The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius* by Wilhelmina F. Jashemski, Caratzas Brothers, New Rochelle, N. Y., 1979. 62: Mimmo Jodice, Naples. 63: Luciano Pedicini, Naples. 65: David Hiser/Photographers Aspen; Alfredo and Pio Foglia, Naples. 67: Mimmo Jodice, Naples, inset ©Leonard von Matt/Photo Researchers. 69: Faillet/ARTEPHOT, Paris. 71: Luciano Pedicini, Naples. 72, 73: Background Alinari, Florence. C. Bevilacqua/IGDA, Milan; Alfredo and Pio Foglia, Naples; Luciano Pedicini, Naples. 74, 75: Background C. Bevilacqua/IGDA, Milan. Luciano Pedicini, Naples (3). 76, 77: Background Roger-Viollet, Paris. Luciano Pedicini, Naples; Alfredo and Pio Foglia, Naples; Alinari/Art Resource, New York City. 78, 79: Background

C. Bevilacqua/IGDA, Milan. Luciano Pedicini, Naples (2); Scala, Florence—Art Resource, New York City; Photo BULLOZ, Paris. 80, 81: Background Luciano Pedicini, Naples. Luciano Pedicini, Naples—Alinari/Art Resource, New York City; Alfredo and Pio Foglia, Naples (2). 82, 83: Alfredo and Pio Foglia, except left, Luciano Pedicini, Naples. 84: Mimmo Jodice, Naples. 86, 87: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 88, 89: André Held, Ecublens, Switzerland. 90, 91: Réunion des Musées Nationaux, Paris. 92, 93: Antonia Mulas, Milan—Dario Gallino/Foto-Grafica s.r.l., Rome. 94, 95: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 96, 97: André Held, Ecublens, Switzerland. 98, 99: Scala/Art Resource, New York City; Alfredo and Pio Foglia, Naples (2). 101: Stanley A. Jashemski—Julian Whittlesey Foundation, both from *The Gardens of Pompeii. Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius* by Wilhelmina F. Jashemski, Caratzas Brothers, New Rochelle, N. Y., 1979. 102, 103: Stanley A. Jashemski, except second from left, top, Institute of Aegeology, London, all from *The Gardens of Pompeii. Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius* by Wilhelmina F. Jashemski, Caratzas Brothers, New Rochelle, N. Y., 1979. 104, 105: Background Erich Lessing/Culture and Fine Arts Archive, Vienna. Alfredo and Pio Foglia, Naples (2). 106, 107: Alfredo and Pio Foglia, Naples; Alinari, Florence; Alfredo and Pio Foglia, Naples. 108, 109: Metropolitan Museum of Art, Rogers Fund, 1903 (03.14.13) detail # 7. 111: Mario De Biasi/Mondadori.

Milan. 112-116: Antonia Mulas, Milan. 117: Mimmo Jodice, Naples. 118: Josef Adamiak, Leipzig. 119: ©Leonard von Matt/Photo Researchers. 120: 121: Stan Goldberg Assoc. Inc./Superstock. 122, 123: Werner Forman Archive, London. 124, 125: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 126-128: Mimmo Jodice, Naples. 129: From *Herculaneum: Italy's Buried Treasure* by Joseph Jay Deiss, revised and updated edition published by the J. Paul Getty Museum, Malibu, Calif., 1989. 130, 131: ©Leonard von Matt/Photo Researchers. 133: Courtesy Sara Bisel—Joe McNally. 134: Courtesy Sara Bisel—by O. Louis Mazzatenta, ©National Geographic Society.

135: By O. Louis Mazzatenta, ©National Geographic Society—courtesy Sara Bisel. 136: Courtesy Sara Bisel except lower right, Jonathan Blair/Woodfin Camp and Associates. 137: Courtesy Sara Bisel—Jonathan Blair/Woodfin Camp and Associates. 138: Map from "La Villa Ercolanese dei Pisoni" by Domenico Comparetti and Giulio De Petra, Ermanno Loescher, Turin, 1883. 139: J. Paul Getty Museum, Malibu, Calif., main peristyle garden and fountain. 140, 141: Luciano Pedicini, Naples/Biblioteca Nazionale, Naples. 142: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 144: Mimmo Jodice, Naples. 145: C. Bevilacqua/IGDA, Milan. 146, 147: Soprintendenza Archeo-

logica di Pompeii, Pompeii. 148, 149: Mimmo Jodice, Naples. 151: Alfredo and Pio Foglia, Naples. 152, 153: Mimmo Jodice, Naples. 154: Mimmo Jodice, Naples—Alfredo and Pio Foglia, Naples. 155: Stanley A. Jashemski, from *The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius* by Wilhelmina F. Jashemski, Caratzas Brothers, New Rochelle, N. Y., 1979. 156, 157: Photo Nimatallah/ARTEPHOT, Paris; Mimmo Jodice, Naples. 158, 159: Mimmo Jodice, Naples. 160, 161: Art by Paul Breiden.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

КНИГИ

Ackerman, James S. *The Villa*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.

Adams, W. H. Davenport. *The Buried Cities of Campania*. London: Thomas Nelson, 1868.

Andrews, Ian. *Pompeii* (Cambridge Introduction to World History series, edited by Trevor Cairns). New York: Cambridge University Press, 1978.

Arnett, Peter D. *The Romans and Their World*. New York: St. Martin's Press, 1970.

Bieber, Margarete. *The History of the Greek and Roman Theatre*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.

Bisel Sara. "Human Bones at Herculaneum". In Vol. 1 of *Rivista di Studi Pompeiani*. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1987.

Bisel Sara C., with Jane Bisel and Shelley Tanaka. *The Secrets of Vesuvius*. Toronto: Madison Press, 1990.

Brilliant, Richard. *Pompeii AD 79*. New York: Clarkson N. Potter, 1979.

Brion, Marcel. *Pompeii and Herculaneum*. Translated by John Rosenberg. New York: Crown Publishers, 1960.

Castronuovo, Sandro, and Vincenzo Litta. *The Papyri of Herculaneum*. Translated by Zinnia M. Steinhauer. Naples: Naples Tourist Board, n.d.

Ceram, C. W. *A Picture History of Archaeology*. London: Thames and Hudson, 1959.

Ceram, C. W. (Ed.). *Hands on the Past*. New York: Alfred A. Knopf, 1966.

Clarke, M. L. *The Roman Mind: Studies in the History of Thought from Cicero to Marcus Aurelius*. New York: W. W. Norton, 1968.

Connolly, Peter. *Pompeii*. London: Macdonald Educational, 1979.

Corbett, Patricia. *Roman Art*. New York: Avenel Books, 1980.

Corbishley, Mike. *The Roman World*. New York: Warwick Press, 1986.

Curtis, Robert I. (Ed.). *Pompeiana* (Vol. 1 of *Studia Pompeiana et Classica: In Honor of Wilhelmina F. Jashemski*). New Rochelle, N.Y.: Orpheus Publishing, 1989.

D'Arms, John H. *Romans on the Bay of Naples*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.

D'Avino, Michele. *The Women of Pompeii*. Translated by Monica Hope Jones and Luigi Nusco. Naples: Loffredo, 1967.

De Franciscis, Alfonso. *The Buried Cities*. New York: Crescent Books, 1978.

Deiss, Joseph Jay. *Herculaneum* (rev. ed.). Malibu, Calif.: J. Paul Getty Museum, 1989.

de Simone, Antonio. "The History, Topography, and Urban Development of

Pompeii". In *Pompeii and Its Museums* (Great Museums of the World series, Henry A. La Farge, editorial director). Milan: Newsweek and Arnoldo Mondadori Editore, 1979.

Empires Ascendant: TimeFrame 400 BC-AD 200 (Time Frame series). Alexandria, Va.: Time-Life Books, 1987.

Eschebach, Hans. *Pompeii*. Leipzig: VEB E. A. Seemann, 1978.

Étienne, Robert. *Pompeii: La Cité Ensevelie*. Paris: Gallimard, 1987.

Fischer, Peter. *Mosaic*. New York: McGraw-Hill, 1971.

Flower, Barbara, and Elisabeth Rosenbaum (Trans.). *The Roman Cookery Book*. London: Peter Nevill, 1958.

Franklin, James L., Jr. *Pompeii: The Electoral Programmata, Campaigns and Politics, A.D. 71-79*. Rome: American Academy, 1980.

From Pagan Rome to Byzantium (Vol. 1 of *A History of Private Life*, edited by Paul Veyne and translated by Arthur Goldhammer). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.

Goodenough, Simon. *Citizens of Rome*. New York: Crown Publishers, 1979.

Goor, Ron, and Nancy Goor. *Pompeii*. New York: Thomas Y. Crowell, 1986.

Grant, Michael. *Cities of Vesuvius*. New York: Macmillan, 1971.

- Time Stopped at Pompeii* (Chap. 6 of *Discovery of Lost Worlds*, edited by Joseph J. Thorndike, Jr.). New York: American Heritage Publishing, 1979.
- Grimal, Pierre. *In Search of Ancient Italy*. Translated by P. D. Cummins. New York: Hill and Wang, 1964.
- Hamblin, Dora Jane. *Pots and Robbers*. New York: Simon and Schuster, 1970.
- Heintze, Helga von. *Roman Art*. New York: Universe Books, 1979.
- Henig, Martin (Ed.). *A Handbook of Roman Art*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983.
- James, Simon. *Ancient Rome*. New York: Alfred A. Knopf, 1990.
- Jashemski, Wilhelmina F. *The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius*. New Rochelle, N. Y.: Caratzas Brothers, 1979.
- Kraus, Theodor. *Pompeii and Herculaneum*. Translated by Robert Erich Wolf. New York: Harry N. Abrams, 1975.
- Ling, Roger: "The Arts of Living". In *The Oxford History of the Classical World*, edited by John Boardman, Jasper Griffin, and Oswyn Murray. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Roman Painting*. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Lyttelton, Margaret, and Werner Forman. *The Romans*. London: Orbis Publishing, 1984.
- MacKendrick, Paul. *The Mute Stones Speak* (2d ed.). New York: W. W. Norton, 1960.
- Maggi, Giuseppe. *Ercolano*. Naples: Lofredo, 1985.
- Massa, Aldo. *The World of Pompeii*. Translated by David McDougall. Geneva: Editions Minerva, 1972.
- Mau, August. *Pompeii: Its Life and Art*. Translated by Francis W. Kelsey. New Rochelle, N.Y.: Caratzas Brothers, 1982.
- Mayeske, Betty Jo. "A Pompeian Bakery on the Via dell'Abbondanza". In *Pompeiana* (Vol. 1 of *Studia Pompeiana et Classica: In Honor of Wilhelmina F. Jashemski*, edited by Robert I. Curtis). New Rochelle, N.Y.: Orpheus Publishing, 1989.
- National Geographic Society. *Splendors of the Past: Lost Cities of the Ancient World*. Washington, D.C.: National Geographic Society, 1981.
- Perring, Stefania, and Dominic Perring. *Then and Now*. New York: Macmillan, 1991.
- Picard, Gilbert. *Roman Painting* (Vol. 4 of *The Pallas Library of Art*). Greenwich, Conn.: New York Graphic Society, 1968.
- Pompeii and Its Museums* (Great Museums of the World series, Henry A. La Farge, editorial director). Milan: Newsweek and Arnoldo Mondadori Editore, 1979.
- Pucci, Eugenio. *New Practical Guide of Pompeii*. Florence: Bonechi, 1992.
- Researches in Campanian Archaeology (RICA). *Cartography* (Part 5 of *Corpus Topographicum Pompeianum*). Austin: University of Texas at Austin, 1981.
- Richardson, Lawrence, Jr. *Pompeii*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.
- The Roman World* (Vol. 2 of *The Oxford History of the Classical World*, edited by John Boardman, Jasper Groffin, and Oswyn Murray). Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Scarborough, John. *Roman Medicine*. London: Thames and Hudson, 1969.
- Sear, Frank. *Roman Architecture*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982.
- Shelton, Jo-Ann. *as the Romans Did*. New York: Oxford University Press, 1988.
- Stambaugh, John E. *The Ancient Roman City*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.
- Starr, Chester G. *The Ancient Romans*. New York: Oxford University Press, 1971.
- Strong, Donald, and David Brown (Eds.). *Roman Crafts*. New York: New York University Press, 1976.
- Trevelyan, Raleigh. *The Shadow of Vesuvius*. London: Michael Joseph, 1976.
- Vanags, Patricia. *The Glory That Was Pompeii*. New York: Mayflower Books, n.d.
- Vehling, Joseph Dommers (Trans.). *Apicius: Cookery and Dining in Ancient Rome*. New York: Dover Publications, 1977.
- Volano* (Planet Earth series). Alexandria, Va.: Time-Life Books, 1987.
- Walker, Susan. *Roman Art*. London: British Museum Press, 1991.
- Ward, Anne. *Adventures in Archaeology*. New York: Larousse, 1977.
- Ward-Perkins, John, and Amanda Claridge. *Pompeii A.D. 79*. New York: Alfred A. Knopf, 1978.
- Wheeler, Margaret. *History Was Buried*. New York: Galahad Books, 1967.
- Wheeler, Mortimer. *Roman Art and Architecture*. London: Thames and Hudson, 1964.
- Woodford, Susan. *The Art of Greece and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

ПЕРИОДИКА

- Brownlee, Shannon. "Sara Bisel, the Bone Lady". *Discover*, October 1984.
- "Eight More Huddled Bodies Found in Pompeii's Ruins". *New York Times*, August 30, 1991.
- Evans, Edith. "Dining with the Ancients". *Archaeology*, November/December 1990.
- Gore, Rick. "The Dead Do Tell Tales at Vesuvius". *National Geographic*, May 1984.
- Gore Rick, and O. L. Massatenta. "Biography by Bones". *National Geographic*, May 1984.
- Judge, Joseph. "A Buried Roman Town Gives Up Its Dead". *National Geographic*, December 1982.
- Maiuri, Amedeo, Peter V. Bianchi, and Lee E. Battaglia. "Last Moments of the Pompeians". *National Geographic*, November 1961.
- Rondinone, Peter, and Kathrine Jason. "Ruining Herculaneum". *Omni*, August 1984.
- Schiller, Ronald. "The City Where Time Stood Still". *Reader's Digest*, December 1986.
- Sigurdsson, Haraldur, et al. "The Eruption of Vesuvius in A.D. 79". *National Geographic Research*, Vol. 1, no. 3, Summer 1985.
- "The Victims of Mount Vesuvius". *Newsweek*, November 29, 1982.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

- Anderson, Maxwell L. "Pompeian Frescoes in the Metropolitan Museum of Art". Reprinted from the *Metropolitan Museum of Art Bulletin*, Winter 1987/88.
- J. Paul Getty Museum. *Guide to the Villa and Its Gardens*. Malibu, Calif.: J. Paul Getty Museum, 1989.
- Le Collezioni del Museo Nazionale di Napoli*. Catalog from the Naples Museum. Rome: De Luca, 1986.
- Le Collezioni del Museo Nazionale di Napoli*. Catalog from the Naples Museum. Rome: De Luca, 1989.
- Rediscovering Pompeii*. Catalog of exhibition by IBM-Italia, New York City,

IBM Gallery of Science and Art, 12
July-15 September 1990. Rome:
L'Erma di Bretschneider, 1990.

МУЗЕИ

Предметы, найденные при раскопках Помпей и Геркуланума, можно увидеть в следующих музеях.

Antiquarium, Boscoreale
Antiquarium di Stabiae, Castellammare
di Stabia
Biblioteca Nazionale Vittorio Emanuele
III, Officina Papiri Ercolanesi, Naples
British Museum, London
J. Paul Getty Museum, Classical Collec-
tions, Malibu, California

Metropolitan Museum of Art, New York
Museo Archeologico Nazionale, Naples
Villa di Poppeia, Oplontis, Torre Annun-
ziata

УКАЗАТЕЛЬ

*Номера страниц, набранные курси-
вом, относятся к иллюстрациям,
изображающим упомянутый предмет.*

А

Август: 13, 16, 55, 72, 73, 110, 161; и
помпейский акведук: 105
Августалов храм: 130—131
Акведуки: 48, 105
Александр Великий: 88—89, 160
Алкубьерре, Рокко де: 26, 27, 28,
129—131, 132, 142, 143
Аманд: 110, 105
Амфитеатр: *форзац*, 16, 45, 64, 66;
строительство: 69, 161; гладиатор-
ские бои: 68—70; драка: 69, 161
Амфоры: 23, 94
Антоний, Марк: 161
Апиций: 94, 97
Аполлон: 74, 99; статуя: 74, 149
Археологические методы: изучение и
анализ искусства: 106, 110; изучение
и анализ предметов искусства как
путь к постижению классической
культуры: 26, 46—47, 85—86; изу-
чение и анализ надписей: 51, 86;
восстановление папирусов: 139, 140;
применение фотографии: 31, 53; гип-
совые слепки с жертв вулканическо-
го пепла: 8, 9—10, 11, 27, 33—34,
35—43, 150; реконструкция: 52—
53; анализ скелетов: 127, 133—137,
150; изучение и анализ почвенных
контуров и обугленных растений:
101, 102—103, 106; систематические
раскопки в окрестностях Везувия:
29—31, 32
Археологический институт (при Лоп-
донском университете): 102
Археологический институт Германии:
47, 86—87

Б

Базилика (в Геркулануме): 25, 126—
127, 129—130; фрески: 128, 130

Базилика (в Помпеях): 16, 17, 60, 61,
161
Байи: 68, 131
Бальб, Марк Ноний: благодеяния Гер-
кулануму: 130, 149; семейство: 129,
130; статуя: 129, 130
Бани, общественные: 16, 48, 65—66,
67, 100, 104, 125, 148, 149; скреб-
ницы: 67
Бани при форуме: 66, 67
Бизел, Сара: 133; и анализ скелетов
из Геркуланума: 133—137
Большая Палестра: 66—68, 98
Боскорреале: поместья: 10, 90—91,
108—109
Бриден, Пол: рисунки на *форзаце*:
160—161
Брут, Луций Юний: 160, 161
Брут, Марк Юний: 161

В

Вакх: 80, 83, 89; статуя: 81
Вакханалии: 80—81
Валансьен, Пьер-Анри де: картина:
18—19
Вальг: и строительство помпейского ам-
фитеатра, 69
Ватикан: и спасение папирусов из Гер-
куланума, 139
Вебер, Карл: 142; раскопки в Геркула-
нуме: 131—132; и чертеж Виллы
деи Папири: 132, 138
Везувий: обложка, *форзац*: 6—7, 12,
14—15, 25, 46, 48, 65, 70, 102,
110, 150, 160; ущерб от извержения,
карта: 12—13; извержение: 9, 11,
19—23, 71, 76, 98, 104, 129, 144,
146, 149, 161; позднейшие изверже-
ния: 24—25
Везувийские ворота: 49, 51
Венера: 74
Вергилий: 62, 140
Веспасиан: 72, 161
Виа делла Фортуна: 50—51

Виа дель'Аббонданца: 14—15, 30, 31,
54, 55, 63, 64, 65, 71, 82, 98; за-
мыслы по восстановлению: 30, 52—
53
Виа ди Нола: 52
Виа Консоларе: 51
Виа Меркурио: 63
Виа Стабиана: 51, 52, 65, 97, 98
Виктор Эммануил II: и раскопки в
Помпеях, 28—32
Вилла Мистерий: спальня, 116
Вилла деи Папири: 141, 142; раскоп-
ки: 132—138; чертеж здания: 132,
138; как образец для Музея Гетти:
139, 142
Вилла Пизанелла: серебряная утварь:
90—91
Винкельман, Иоганн Иахим: 26, 29,
140, 141; о Падерни: 139; изучение
предметов искусства из Геркуланума
и Помпей: 28, 129
Вино: 94, 95; емкости: 23, 90, 94, 147
Витрувий: 68, 146—147
Врата Смерти: 70
Вулканелло: 17
Вулкано: 17

Г

Гален: о банях: 66
Геркулесовы Сады: 101, 102, 103
Геркуланская Академия: 28
Гарум: торговля в Помпеях, 95
Гладиаторские казармы: развалины:
44, 45—46, 69
Гладиаторы: 12, 68—70, 160; шлем и
наголенники: 44
Гете, Август фон: 86, 89—92
Гете, Иоганн Вольфганг фон: 28
Гракх, Тиберий: 161
Граффити: в Помпеях и Геркулануме:
11, 30, 33, 36, 46, 48—49, 65, 69,
70, 86, 99, 100, 105, 126, 149
Греция: культурное влияние: 56, 58; в
ранней истории Помпей: 12, 16, 160

Геркуланум: по тексту
Геркуланские ворота: 23, 49, 51, 54, 64, 96
Геркулес (Геракл): 128, 130, 147; легендарный основатель Геркуланума: 74, 160; статуя, *форзац*: 75, 101; храм, 74
Гермес: 138
Гораций: 140

Д

Дарий: 88, 89
Делла Кортэ, Маттео: раскопки в Помпеях, 85—86; интерес к античным граффити: 100
Демосфен: 138
Депре, Жан-Луи: гравюра: 24—25
Диана: статуя, *обложка*: 71
Димблби, Г.В.: пробы почв: 102
Дионис: 147
Дом Веттве: 106, 110; раскопки: 29; святилище: 77; настенная роспись: 54—55
Дом Гете: 86. См. также Дом Фавна
Дом Джузеппе II: 104
Дом Любowników: 104—105
Дом Магических Обрядов: скульптуры и вазы: 82—83
Дом Менандра: 76—77, 86; банное помещение: 117
Дом Моралиста: 93; триклиний: 31
Дом Морской Венеры: настенная роспись: 158
Дом с Геммой: 144
Дом с Деревянной Перегородкой: 144, 147, 148; атриум: 145
Дом с Мозаичным Атриумом: 143—144
Дом Октавия Квартона: 105
Дом с Оленями: 144; бронзовая ванна: 148; скульптура: 142, 144
Дом Саллюстия: 64
Дом Старинной Охоты: таблинум: 114—115
Дом Фавна: 86—89, 92—95, 97, 98, 104, III; мозаики: 88—89, 152—153, 156—157
Дом Хирурга: 63
Дом Цезя Секунда: сад: 122—123
Дом Четырех Стилей: 82
Дом Юлии Феликс: 98—100, 120—121
Дуумвиры: 62, 69
Дьюкский университет: 100
Д'Эльбеф, князь: охота за древностями, 25—26, 129

Е

Евмахия и ткацкая мастерская: 62

Ж

Живопись: См. Искусство

З

Зенон Сидонский: 138

И

История искусства древности (Винкельман): 26
Искусство: мозаика, 11, 56, 58, 88—89, 96, 146, 151, 152—153, 156—157; живопись (фрески и настенные росписи): 11, 32—33, 54—55, 57, 59, 62, 63, 65, 69, 77, 79, 81, 84, 96, 97, 98, 99, 101, 104—105, 107, 108—109, 110, 113, 116, 122—123, 128, 130, 147, 151, 154, 155, 158, 159; использование красок: 151; рельефы: 16—17; статуи, *обложка*, *форзац*: 20, 25, 59, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 101, 106—107, 124, 125, 128, 129, 130, 132, 138, 142, 144, 149, 160, 161
Исхия: 17, 160
Исида: храмовые обряды: 78—79
Италия: политическое объединение, позволившее начать серьезные археологические исследования в Помпеях и Геркулануме: 28—32; вулканическая активность: 17
Иосиф II: 6 104

К

Калигула: 161
Капри: 13
Капуя: 160
Каролина, королева, и раскопки в Геркулануме: 28
Кассия: 85, 86—87, 92—95
Катон: 54
Каупоны (харчевни): 64—65
Карл III: 22, 26, 27, 139
Клавдий: 13, 161
Климент Александрийский: о культе Сабазия, 82
Коллатин, Луций Тарквиний: 160
Кухонные приборы: 92—93
Красс: 161
Кертис, Роберт: 95, 97
Курциус, Людвиг: 92
Кибела: 82

Л

Лакшми: изваяние: 82
Лары: 76, 105; изваяния: 77
Ла Вега, Франсиско: 143
Легионер из Геркуланума: 136—137
Лепид: 161
Либер: 80
Ликвамен: 95
Лондонское Королевское Общество: и папирусные свитки из Геркуланума: 139
Лондонский университет: 102
Лувр: 90, 99

Лукреций, Марк: сад: 106—107

М

Маджи, Джузеппе: раскопки в Геркулануме: 125—126, 148
Майори, Амедео: 52, 68; раскопки в Геркулануме: 143; раскопки в Помпеях: 82, 99—104
Марциал: 26, 43
Мау, Август: 47—48, 49, 52, 55, 69, 88
Медицина и хирургические инструменты: 62—63
Меркурий: 138, 147; статуя: 76
Метрополитен музей (Нью-Йорк): 109
Мизен: 19, 22, 23
Митра: 82
Мозаика: См. Искусство
Музей Дж. Пола Гетти: 139, 142
Мюрат, Жоашен: поддержка раскопок в Геркулануме: 28
Мясной рынок (в Помпеях): 63

Н

Надписи: 30, 31, 48—49, 51, 55, 62, 68—69, 70, 86, 96, 130
Нахождение Телефа (фреска): 128
Неаполь (современный город): 10, 25, 131
Неаполь (древний город), или Неаполис: 10, 12, 48, 49, 108, 146
Неаполитанский залив: 10, 11—12, *карта*: 12—13, 25, 131, 160
Неаполитанский Национальный Археологический музей: 24—25, 150
Неон, Теренций: портрет с женой, 84
Нерон: 86, 110, 136, 161; и землестрясение в Помпеях, 17
Нуцерия: 68, 86, 100, 160, 161
Нуцерийские ворота: 86

О

Овербек, Дж. А.: 47
Октавиан: См. Август
Оплонт: 10, поместье: *форзац*
Ората, Гай Сергий: 66
Осирис: 78
Оски: 12, 51, 160
Отдыхающий Гермес (статуя): 138

П

Павел (апостол): 146
Падерни, Камилло и папирусные свитки из Геркуланума: 139
Палестра (в Геркулануме): 129, 148
Пан: статуя, 138
Папирусные свитки: 138—139, 140, 141
Пекарня Модеста: круглые жернова: 53
Пенаты: 76, 77, 105
Петроний: 95
Пизон Цезоний, Луций Кальпурний: 141

Пирамиды, Франческо: гравюра: 24—25
Пицца: хлеб, найденный при раскопках: 53, 146; посуда для приготовления: 92—93; рацион: 94—95, 96—97; яйца, найденные при раскопках: 33; рыбные соусы: 95—97; посуда для разогревания: 94, 95; торжественный обед дома: 92—95, 118; кухня: 92; термополь: 52, 54

Плавт: 58

Плиний Младший: рассказ об извержении Везувия: 19—20, 22—23

Плиний Старший: 19, 20, 23, 95; гильберт: 18—19, 22

Помпеи: по тексту

Помпеи: жизнь и искусство (May): 47

Помпей Великий: 27, 161

Помпей: 86

Помпей, Квинт: дом: 34

Порций и строительство помпейского амфитеатра: 69

Приан: 65

Пригородные бани: 125—126, 149; вестибюль: 149

Примигения, Новеллия: 86

Приморские ворота: 49, 96

Прокул, Публий Пакувий: дом: 34

Проституция: 65, 99, 149

Путесолы: 146

Пьяджо, Антонио и спасение геркуланских папирусов: 139—140, 141, 142

Р

Рабы: 66, 134; вольноотпущенники: 93, 97; учителя: 110

Резина (Эрколано): 26, 127, 129, 142, 143

Религия: бога: 16, 60, 65, 71—83, 105, 138; религиозная жизнь в Помпеях и Геркулануме: 63, 71—83, 130, 146, 147; храмы и жертвенники: 2, 16, 60, 61, 64, 72—79, 73, 76, 80, 82

Рельефы: См. Искусство

Рем: 160

Ричардсон, Лоренс: 100

Рим: 10, 49, 108; покорение Апеннинского полуострова: 12, 49; мифическое происхождение, 55, 110, 160; хронологическая таблица, 160—161

Ромул: 160

Ротпильд, Эдмон де: 90

С

Сабазий: 82; статуя: 83

Сады: 80, 82, 104, 105—107, 111, 120—121, 122—123; раскопки: 101—

103; садовые орудия: 103; скульптура: 106—107, 144

Самниты: 12, 51, 160

Сарн (ныне Сарно), река: 12, 26, 46, 48, 49

Сатриев род: 87, 88, 95

Сенека: 20, 68; о землетрясении в Помпеях: 17

Силен: статуя, 106—107, 132—138

Синистор, Публий Фанний: дом: 108—109

Скавр, Авл Умбриций: 95—97

Скульптура: См. Искусство

Сооружение Евмахи (ткацкая мастерская): 61, 62, 63

Союзническая война и Помпеи: 12, 49, 161

Спартак: 12, 161

Спинаццола, Витторио: 31; раскопки в Помпеях: 30—31, 52—53; новаторские методы: 52—53

Стабии: 10, 20, 22, 24; и извержение Везувия: 18—19

Стабийские бани: 65—66

Стабийские ворота: 49, 51

Стаций и участь Помпей: 24

Стенные росписи: См. Искусство

Стеффи, Дж. Ричард: 150

Стоицизм: 138

Страбон: 131; о Геркулануме: 126—127

Стромболи: 17

Сулла, Луций Корнелий: 12, 49, 74, 161

Сулла, Публий Корнелий: 87, 161

Т

Тацит: 68; и письмо Плиния Младшего об извержении Везувия: 19

Театр (в Геркулануме): 26, 128—129

Театр (в Помпеях): 16, 56, 57, 64, 128, 161

Театры: маски, 56, 59; сатировы драмы: 58; сценические декорации: 57; терракотовое изваяние актера: 59

Техасский университет: 150

Термополь: глиняные кувшины и вёсны: 52, 54

Тиберий: 161; имение на берегу Неаполитанского залива: 13

Тит: 161; и намерения заново отстроить Помпеи: 24

Торре Аннуциата: 27

Ф

Фердинанд IV: 142

Филодем: 140, 141

Фиорелли, Джузеппе: 27, 52; и слепки жертв: 33—34, 45; раскопки в

Геркулануме: 143; раскопки в Помпеях: 29, 30, 32, 47, 51; карта улиц

Помпей: 32, 47, 51

Флаконы для благовоний: 102, 103

Флор: 101

Фортуна: статуя, 73

Фортуна Августа: 72

Форум (в Геркулануме): 126, 148, 150

Форум (в Помпеях): 6—7, 14—15, 16, 55—62, 60—64, 61, 66, 72, 76, 96

Фос-сюр-Мер: помпейские товары 95

Фрески: См. Искусство

Х

Харчевни: 16, 64—65

Храм Аполлона: 2, 51, 60, 64, 74—75

Храм Вакха: 80

Храм Венеры: 74

Храм Веспасиана: 72

Храм Исиды: 78—79; изваяния: 79

Храм Ларов: 76

Храм Фортуны Августы: 51, 161

Храм Юпитера: 16, 51, 60, 61, 72—73

Ц

Цезарь, Юлий: 25, 131, 141, 161

Цельс, Луций Альбуций: поместье: 112—113

Центральные Бани: 148, 149

Цицерон: 140, 161; имение в Неаполитанском заливе: 13, 131—132; и Вилла деи Папири: 141

Ч

Чивита: 26—27

Ш

Шерстопрядильные мастерские: 11, 62—63

Э

Эйкорт, Уильям: 142

Энеида (Вергилий): сцена: 62

Эпикурейство: 138, 140—141

Эрколано: 127, 143. См. также Резина

Этна: 17

Этруски: 70, 160

Ю

Ювелирные изделия: браслет: 104; золотые кольца: 22, 85, 134; ожерелье: 104—105

Юкунд, Луций Цецилий: 97—98

Юлия Феликс: 98—99, 100, 104, 121

Юпитер: 60, 72; статуя: 73

Я

Яшемски, Вильгельмина: 102—103, 106—107

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Сарн — Sarnus (лат.) — древнее название реки, Сарно — Sarno (ит.) — современное. (Здесь и далее прим. перев.)
- ² “Лазутчики” (speculatores) составляли особое отделение в римском легионе.
- ³ Имеется в виду Луций Анней Сенека Младший (4 г. до н. э.—65 г. н. э.).
- ⁴ Римский флот был разделен на две части: одна стояла в Мизене, другая — в Равенне. Плиний Старший в качестве префекта командовал флотом в Мизене, формально же главнокомандующим считался император.
- ⁵ Либурника — легкое быстроходное судно, выстроенное по модели пиратской галеры.
- ⁶ Письма Плиния Младшего. Книга VI, письмо 16 (Тациту), 5—7. Перевод М.Е.Сергеевко.
- ⁷ Квадрирема — большое судно с четырьмя рядами гребцов.
- ⁸ Письма Плиния Младшего, там же, 11.
- ⁹ Ср. также строки Пушкина, вдохновленные картиной К. Брюллова:
Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем бежит из града вон. (1834).
- ¹⁰ Письма Плиния Младшего, там же, 17—19.
- ¹¹ Письма Плиния Младшего. Книга VI, письмо 20 (Тациту), 8—9. Перевод М.Е.Сергеевко.
- ¹² Письма Плиния Младшего, там же, 9, 11, 13—15.
- ¹³ Публий Папиний Стаций (ок. 40—96 гг. н. э.).
- ¹⁴ Ныне — Национальный музей Неаполя, а тогда это был королевский музей, куда не допускались посторонние.
- ¹⁵ Геркуланский театр (лат.).
- ¹⁶ Марциал. Эпиграммы. Книга IV, 44, 1—6. Перевод Ф.А.Петровского.
- ¹⁷ Помпейский декурион (лат.).
- ¹⁸ 106—48 гг. до н. э.
- ¹⁹ Graffiti — от graffiare “царапать” (ит.).
- ²⁰ Марциал. Эпиграммы. Книга IV, 44, 7—8. Перевод Ф.А.Петровского.
- ²¹ Сеть, паряду с мечом, щитом и трезубцем, составляла часть гладиаторского вооружения.
- ²² Латинское слово therma происходит от греческого θερμος — “горячий”.
- ²³ “Писатель” (лат.). Здесь — с долей иронии.
- ²⁴ Имеется в виду Катон Старший (234—149 гг. до н. э.).
- ²⁵ Одеон (лат. odeum, древнегреч. οδῆον, от ᾠδή — “песнь”) — здание для музыкальных состязаний, а позднее и просто представлений, часто крытое. Одеон в Помпеях — древнейшее из всех подобных сооружений на территории Италии.
- ²⁶ Зл. — высшие должностные лица. Вообще же, в латыни слово magistratus обозначало любого чиновника.
- ²⁷ Aedilis — “эдил” — слово, производное от aedes — “дом”, “храм” (лат.).
- ²⁸ Древнеримские дни недели dies Saturni, dies Solis соответствуют субботе и воскресенью.
- ²⁹ Asellina: прозвище, видимо, образовано от латинского asellus — “ослик”.
- ³⁰ Собственно, “Игровая Харчевня” (лат.).
- ³¹ Гален (129—199), греческий врач, работавший после 161 г. в Риме. Автор комментариев к трудам Гиппократ.
- ³² Juppiter Optimus Maximus — буквально “Юпитер наилучший, величайший” (лат.).
- ³³ Meilichius — от древнегреч. μελιχίος — “милостивый”. Празднования в честь Зевса-Милостивого — Diasia — проводились и в древних Афинах.
- ³⁴ Слово triclinium образовано от греч. τρεῖς — “три” и κλίνη — “ложе”, так как вокруг большого пиршественного стола (он тоже звался triclinium) стояли три ложа — места для участников трапезы, расположенные под прямыми углами по отношению друг к другу.
- ³⁵ Обманка (фр.).
- ³⁶ Дарий III, последний царь из династии Ахеменидов, потерпевший поражение от Александра Македонского при Иссе (332 г. до н. э.) и Гавгамелах (331 г. до н. э.).
- ³⁷ Garum (также garon).
- ³⁸ Liqumten (от лат. liqueo — “быть жидким, текучим”).
- ³⁹ Гай Петроний Арбитр (ум. 66 г. н. э.).
- ⁴⁰ Страбон, География. Книга V [Италия], глава IV, 8.
- ⁴¹ Так звалась улица, шедшая с севера на юг; та, что шла с запада на восток, называлась cardo.
- ⁴² Филодем из Гадары (ок. 110—40/35 гг. до н. э.).
- ⁴³ Жил в 342—271 гг. до н. э.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

И С Ч Е З Н У В Ш И Е Ц И В И Л И З А Ц И И

ПОМПЕЙ: СГИНУВШИЙ ГОРОД